

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ ІХ.

Подъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкаго и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, С. С. Корсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токареваго, Н. А. Умова.

Книга II (42).

МАРТЪ—АПРѢЛЬ 1898 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Высочайше утверж. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1898.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ.— В. И. Герье	185
Позитивная біологія О. Конта и философія.— С. М. Лукьянова	216
О прогрессѣ.— П. Г. Виноградова	254
Судьбы философіи въ Россіи.— Александра Ив. Введенскаго	314
Послѣдовательность мыслей у дѣтей.— П. Ломброзо . . .	99
Логическій характеръ экзистенціальныхъ сужденій.— П. В. Тихомирова	109

Полемика.

Отвѣтъ проф. Карѣеву.— Ф. В. Софронова	133
---	-----

Критика и библиографія.

I. ОБЗОРЪ КНИГЪ.

Джонъ Локкъ. Опытъ о человѣческомъ разумѣ. Переводъ А. Н. Савина.— Д. В. Викторова	138
Иванъ Поповъ. Естественный нравственный законъ.— Н. Д. Виноградова	142
Новыя книги и брошюры, полученныя редакціей	150

IV

	<i>Стр.</i>
II. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ЛИ- ТЕРАТУРЫ (Извлеченія изъ рецензій въ иностран- ныхъ журналахъ)	152
<hr/>	
Извѣстiя и замѣтки	163
Психологическое Общество	164
ОБЪЯВЛЕНIЯ	1

О. Контъ и его значеніе въ исторической наукѣ.

ГЛАВА I.

Жизнь О. Конта и генезисъ его системы.

Наступила, повидимому, пора болѣе благопріятная для оцѣнки Конта. Прошло пятьдесятъ лѣтъ съ выхода въ свѣтъ его знаменитаго труда и за это время успѣли смолкнуть побѣдоносные клики его восторженныхъ сторонниковъ и страстные протесты противниковъ, опасавшихся за самые священные и дорогіе имъ интересы. Законъ „трехъ состояній человѣчества“, отсѣкавшій прошлое съ его религіей и философій отъ настоящаго, отмѣченнаго господствомъ *позитивизма*, утратилъ свою силу: онъ уподобился старинному мечу, цѣнному въ глазахъ археолога, какъ памятникъ минувшей культуры, но уже не призванному служить орудіемъ въ „сѣчѣ мужей“. Благодаря выходу въ свѣтъ новыхъ біографическихъ матеріаловъ и новыхъ изслѣдованій, полнѣе обрисовалась личность Конта и выяснился характеръ его жизненнаго подвига въ общей связи съ эпохой и средой, его обусловившей. Система Конта стала достояніемъ исторіи, какъ явленіе прошлаго, и этотъ ея *историческій* интересъ возрастаетъ для историковъ по мѣрѣ того, какъ блѣднѣетъ для нихъ ея *теоретическое* значеніе.

Въ трехъ отношеніяхъ система Конта представляетъ интересъ для историковъ: въ виду его взгляда на научное изученіе исторіи и законовъ въ ней проявляющихся; въ виду общаго обзора всемірной исторіи, составленнаго Контомъ,

ли въ виду историческаго генезиса самой системы. Трудно указать другую философскую систему, въ которой играли бы такую роль личность ея творца и историческій моментъ ея появленія. На этомъ основаніи всякой теоретической оцѣнкѣ этой системы должно предшествовать знакомство съ личностью автора и съ вліяніемъ среды, ея породившей.

Огюсть Контъ родился въ 1798 г., т.-е. на исходѣ революціи, а когда онъ вступилъ въ возрастъ самостоятельнаго мышленія, Франція переживала реставрацію. Въ 1814 г. была восстановлена на престолѣ историческая династія Бурбоновъ, но гораздо еще раньше началась во Франціи другая реставрація въ болѣе общемъ и обширномъ смыслѣ этого слова.

Съ первыхъ годовъ XIX вѣка стали возвращаться эмигранты, а потомъ, по учрежденіи имперіи, была восстановлена титулованная аристократія. Еще важнѣе, по своимъ послѣдствіямъ, было восстановленіе въ 1802 году уничтоженной якобинцами церкви, какъ особаго религіознаго учрежденія, поддерживаемаго государствомъ. Церковь была восстановлена посредствомъ конкордата, т.-е. въ силу особаго соглашенія съ папою, слѣдствіемъ чего было большее чѣмъ прежде подчиненіе галликанской церкви папѣ и большее приближеніе ея къ средневѣковому теократическому идеалу. Вмѣстѣ съ этимъ восстановленіемъ прежнихъ учреждений происходило во Франціи и возвращеніе значительной части самого общества къ прежнимъ чувствамъ и идеаламъ, и потому рядомъ съ политической реакціей по направленію къ „старому порядку“ мы замѣчаемъ и въ области литературы полное самоувѣренности движеніе къ средневѣковому міровоззрѣнію — съ отрицаніемъ не только результатовъ французской революціи, но и всей просвѣтительной философіи, какъ причины революціи. Самымъ краснорѣчивымъ и вліятельнымъ проводникомъ католическаго романтизма во Франціи былъ извѣстный графъ Жозефъ де Местръ, произнесшій уже въ 1796 году въ своихъ *Considérations sur la révolution française* приговоръ надъ революціей во имя тео-

кратическаго міровоззрѣнія, а въ 1819 году формулировавшій въ сочиненіи *Le Pape* идеалы католической школы, признавъ возстановленіе единой, непогрѣшимой власти римскаго епископа надъ міромъ единственнымъ средствомъ спасти человѣчество отъ нравственнаго паденія и политической анархіи.

Но чѣмъ безмѣрнѣе развивались католическіе идеалы и чѣмъ смѣлѣе выступали притязанія реакціонной партіи, тѣмъ сильнѣе снова оживали поклоненіе просвѣтительной философіи XVIII вѣка и энтузіазмъ къ принципамъ революціи 1789 года. Сочиненія вождя философскаго раціонализма, Вольтера, перепечатывались и распространялись въ небываломъ количествѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ демократическіе и республиканскіе идеалы „Общественнаго договора“ снова стали находить себѣ въ французскомъ обществѣ горячихъ приверженцевъ. Іюльская революція 1830 года, положившая конецъ реакціоннымъ затѣямъ, утвердила принципъ англійскаго конституціонализма, но послѣдній многихъ уже не удовлетворялъ и постоянные заговоры и возстанія указывали на ростъ какъ социалистическихъ идей, такъ и чисто республиканскихъ стремленій.

Среди этихъ двухъ теченій — средневѣковой традиціи, вдохновлявшей политическій консерватизмъ, и раціонализма XVIII вѣка, руководившаго либеральной школой, — развивался Контъ. Вліяніе каждаго изъ этихъ двухъ направленій Контъ въ молодости испыталъ на себѣ. Съ первымъ изъ нихъ Контъ былъ связанъ семейнымъ преданіемъ, ибо происходилъ изъ семьи, строго державшейся католическихъ и монархическихъ убѣжденій; а въ послѣдствіи Контъ находился подъ очевиднымъ обаяніемъ сочиненій талантливаго поборника теократическаго идеала, графа Жозефа де Местра. Съ другой стороны, въ образованномъ французскомъ обществѣ его времени жива была память идей и принциповъ, произведшихъ французскую революцію, и руководителемъ Конта въ умственной жизни былъ одинъ изъ крупныхъ представителей философіи XVIII вѣка, поклонникъ и біо-

✓ графъ Вольтера, — Кондорсе. Не щедрый на похвалы Контъ всегда съ уваженіемъ ссылался на авторитетъ Кондорсе и признавалъ его однимъ изъ немногихъ своихъ предшественниковъ.

Среди этихъ двухъ противоположныхъ направлений Контъ ✓ пошелъ своимъ путемъ. Этотъ путь былъ ему прежде всего , указанъ его образованіемъ. Онъ былъ воспитанникомъ Политехнической школы, которая не только дала ему твердый запасъ знаній въ области математическихъ наукъ, не только опредѣлила его призваніе — онъ былъ много лѣтъ репетиторомъ и экзаменаторомъ при Политехнической школѣ, — но и дала опредѣленное направленіе его уму. Основанная Конвентомъ въ 1795 г. послѣ паденія террора и какъ бы завершившая собою эру политической „метафизики“, за которую Мирабо обвинялъ Сіеса, Политехническая школа должна была направить цвѣтъ французской молодежи къ точнымъ знаніямъ, къ наукамъ (les sciences) по преимуществу, какъ называютъ ✓ французы математическія и физическія знанія.

Но это была лишь почва. Политехническая школа давала ему знаніе и направила его умъ къ наукѣ, но эта наука не представляла собой доктрины, не была міровоззрѣніемъ. На пути къ такому міровоззрѣнію молодой Контъ встрѣтилъ непосредственнаго руководителя, имя котораго навсегда будетъ связано съ исторіей его личнаго развитія и съ генезисомъ позитивизма — герцога Сен-Симона, основателя первой социалистической школы во Франціи и автора „Новаго Христіанства“. Въ виду тѣснѣйшей связи между Контомъ и Сен-Симономъ, знакомство съ идеями послѣдняго необходимо для пониманія системы перваго: Сен-Симонъ не только повліялъ на Конта, но и тамъ, гдѣ мысль Конта вполне самостоятельна, ученіе Сен-Симона представляетъ поучительную аналогію съ системой Конта. Въ теченіе 6 лѣтъ, съ 1818 по 1824 г. Контъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Сен-Симону и былъ его литературнымъ сотрудникомъ; лишь въ послѣдніе два года между ними стали происходить частыя пререканія. Къ концу своихъ „Lehrjahre“

у Сен-Симона Контъ написалъ въ 1822 г. брошюру, напечатанную Сен-Симономъ безъ имени автора, въ которой уже намѣчено основное положеніе позитивизма. При такомъ положеніи дѣла вопросъ о вліяніи Сен-Симона на Конта неизбеженъ въ исторіи позитивизма*). Самъ Контъ, подъ вліяніемъ разрыва съ Сен-Симономъ, вычеркнулъ приставленное къ своему имени выраженіе „ученикъ Сен-Симона“, имъ же напечатанное на обложкѣ брошюры 1824 г. *Система позитивной политики*, а впослѣдствіи всегда отзывался очень нечувствительно о вліяніи Сен-Симона, называя его невознаградимымъ для себя несчастіемъ и въ тоже время какъ-бы отрицая существенное значеніе этой „пагубной связи“ (*funeste liaison*) для его „самобытнаго начала“ (*début spontané*).

Потомство будетъ иначе судить объ ихъ отношеніяхъ. Уже первый біографъ Конта, долго бывший столь близкимъ къ нему человѣкомъ, Литре, счелъ нужнымъ возбудить этотъ вопросъ и тщательно разслѣдовать его. Признавая, что „по всей справедливости“ Конта можно назвать ученикомъ Сен-Симона въ „переходную эпоху“ отъ революціоннаго настроенія къ позитивистическому т.-е. съ 1818 по 1820 г., Литре старается выгородить полную оригинальность и самостоятельность Конта, какъ создателя позитивизма, и въ этомъ отношеніи не боится даже впасть въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. Упоминая, напримѣръ, о мысли Сен-Симона, что законъ притяженія можно положить въ основаніе всѣхъ прочихъ міровыхъ законовъ и построить на немъ механическое объясненіе мірозданія, Литре говоритъ, что подобныя измышленія (*spéculations*) устраняютъ всякую возможность считать Сен-Симона основателемъ позитивизма, а Конта его ученикомъ; а въ другомъ мѣстѣ

*) Ему посвящено изслѣдованіе P. Janet, *Les Origines de la Philosophie d'Aug. Comte*. въ *Revue d. deux Mondes*. Т. 82 р. 593. 1887 г. Жане здѣсь почти ограничился разборомъ матеріала, собраннаго у Литре, и не воспользовался данными, которыя могъ бы извлечь изъ другого своего труда, *Saint-Simon et le Saint-Simonisme*. Р. 1878.

Литре, формулируя свой взгляд на дѣло, восклицаетъ: никогда (à aucun moment) Сен-Симонъ не былъ философскимъ учителемъ Огюста Конта, а съ своей стороны Контъ не разъ (à plus d'un moment) вліялъ на колеблющуюся мысль Сен-Симона*).

Значеніе возбужденнаго біографомъ Конта вопроса выходитъ за предѣлы чисто личнаго интереса, дорогого для изслѣдователей Конта. Независимо отъ своей важности для біографіи и исторической оцѣнки Конта и Сен-Симона, размежеваніе между ними представляетъ интересъ для выясненія генезиса позитивизма и степени вліянія *среды* и историческаго момента на возникновеніе новаго ученія; а затѣмъ такимъ путемъ можетъ быть установленъ важный для философіи исторіи фактъ появленія новыхъ воззрѣній на исторію подъ вліяніемъ современныхъ имъ историческихъ явленій. Опредѣленіе роли Сен-Симона въ исторіи позитивизма представляетъ, правда, нѣкоторыя затрудненія; такъ, напримѣръ, одно изъ произведеній Сен-Симона, сюда относящихся, хотя и написано до знакомства съ Контотъ въ 1813 г., но появилось въ печати лишь въ 1859 г. Нужно однако предположить, что Контъ познакомился съ нимъ, когда принадлежалъ къ кружку Сен-Симона, во всякомъ жеслучаѣ слышалъ высказанныя въ немъ идеи отъ членовъ кружка. Другое затрудненіе представляетъ то обстоятельство, что Контъ несомнѣнно и съ своей стороны имѣлъ вліяніе на Сен-Симона, и нѣкоторыя изъ идей послѣдняго, высказанныя въ сочиненіяхъ 1820—1822 года, могли явиться у Сен-Симона подъ вліяніемъ послѣдняго или прямо принадлежатъ Контотъ. Не смотря однако на все это, шаги, сдѣланные Сен-Симономъ по направленію къ позитивистическимъ воззрѣніямъ на исторію, выдѣляются очень замѣтно среди блужданій этого фантастическаго, но богатаго идеями ума и обрисовываются даже во внѣшнихъ очертаніяхъ его жизни. Принадлежа по своему происхожденію и воспитанію къ феодальной Франціи,

*) Littrè. A. Comte et la Philos. positive 1863, стр. 13, 79, 92.

Сен-Симонъ въ ранней юности усвоилъ себѣ принципы „философіи“ XVIII вѣка и, какъ другіе французскіе аристократы, отправился осуществлять ихъ въ Америку, сражаясь за независимость возникшей тамъ республики; потерявъ же во время французской революціи свое родовое имущество, онъ не эмигрировалъ, а примкнулъ къ новому порядку вещей, коммерческими спекуляціями составилъ себѣ состояніе и, наконецъ, потратилъ нажитое имъ богатство на служеніе наукѣ и, такъ сказать, въ погонѣ за новыми, охватившими его идеями. Онъ сталъ заниматься математическими и естественными науками, и чтобы быть ближе къ ихъ очагу, поселился напротивъ Политехнической школы, а потомъ перенесъ свой интересъ на Медицинскую школу, стараясь пріобрѣсти свѣдѣнія по физиологіи и анатоміи. Онъ сблизился съ учеными въ этой отрасли науки, и объѣды, которые онъ давалъ, стараясь сдѣлаться центромъ обширной лабораторіи новыхъ научныхъ и общественныхъ идей, не мало содѣйствовали той бѣдности, въ которой этотъ неугомонный мечтатель закончилъ свою жизнь.

Основнымъ мотивомъ мечтаній Сен-Симона было убѣжденіе, что на его глазахъ совершился переворотъ въ жизни человѣчества и что онъ призванъ формулировать принципы новаго наступившаго *вѣка* и быть законодателемъ новаго общества. Совершился этотъ переворотъ, въ глазахъ Сен-Симона, въ обѣихъ сферахъ человѣческой жизни — въ общественной и въ умственной; въ первомъ случаѣ переломъ заключался въ томъ, что феодально-военный строй общества былъ замѣненъ „индустриализмомъ“, т. е. такимъ общественнымъ строемъ, въ которомъ господствовалъ промышленный капиталъ; во второмъ отношеніи наступленіе новаго вѣка ознаменовано было тѣмъ, что по формулѣ Сен-Симона на смѣну *воображенія* явилась *точная наука* (la science). Въ этихъ мысляхъ уже заключаются теоретическія основанія не только для переустройства современности, но и для новыхъ взглядовъ на историческое прошлое, т. е. для новой философіи исторіи. Что касается до мысли о замѣнѣ

военнаго быта промышленнымъ, — то въ этомъ отноше-
 ъ зависимости Конта отъ Сен-Симона не подлежитъ сомнѣнiю.
 Контъ усвоилъ себѣ эту мысль и лишь примѣнилъ ее безъ
 дальнѣйшей разработки къ своей 'философiи исторiи. Но
 и по отношеию къ идеѣ о *смыслѣ* воображенiя точными на-
 уками, въ области которыхъ Сен-Симонъ былъ дилеттан-
 томъ, а Контъ, по своему образованiю имѣлъ большое передъ
 нимъ преимущество, нельзя не признать, что уже Сен-Си-
 монъ носился съ совершенно яснымъ представлениемъ о на-
 ступленiи новой исторической эры, ознаменованной преобла-
 данiемъ въ области мысли точныхъ наукъ. Въ сочиненiи Сен-
 Симона, относящемся къ 1807 году, мы встрѣчаемъ такое
 же опредѣленiе науки и ученыхъ, которымъ потомъ руко-
 водился Контъ. „Ученый, говоритъ Сен-Симонъ — это чело-
 вѣкъ, который *предвидитъ*: наука полезна именно на томъ
 основанiи, что даетъ средства предсказывать, и по этой
 причинѣ ученый стоитъ выше другихъ людей“.

Въ мемуарѣ, написанномъ въ 1808 году подъ заглавiемъ
 „Введенiе къ научной дѣятельности XIX вѣка“, Сен-Симонъ
 противопоставляетъ *физицизмъ*, т.-е. мировоззрѣнiе, основанное
 на знанiи физическихъ законовъ, *деизму* или религiозному
 мировоззрѣнiю. Онъ заявляетъ, что первое мировоззрѣнiе
 постепенно вытѣсняетъ второе. „Одиннадцать вѣковъ, вос-
 кликаетъ онъ, (считая ихъ съ возникновенiя культуры Ара-
 бовъ), культура физицизма (*la culture du physicisme*) вхо-
 дитъ все болѣе и болѣе въ силу, культура же деизма все
 болѣе и болѣе оставляется безъ вниманiя (*et celle du déisme*
est de plus en plus abandonnée)“.

Въ томъ же мемуарѣ Сен-Симонъ обозначаетъ изученiе фи-
 ъ зицизма именовемъ *позитивной философiи*, употребивъ впервые
 тотъ терминъ, которому Контъ придалъ принципиальное зна-
 ченiе. Опредѣляя позитивную философiю, Сен-Симонъ раздѣ-
 ляетъ ее на двѣ области — физику неорганическихъ тѣлъ
 (*des corps bruts*) и физику тѣлъ организованныхъ — раздѣ-
 ъ ленiе, усвоенное Контомъ. Открытiе позитивной философiи
 и ея опредѣленiе Сен-Симонъ приписывалъ Декарту. „Де-

картъ, восклицаетъ онъ, вырвалъ скипетръ власти надъ міромъ изъ рукъ воображенія и передалъ его разуму“. Сен-Симонъ называлъ замѣчательною гипотезу Декарта о міровыхъ „вихряхъ“, оцѣнивая ее, какъ первую попытку механическаго объясненія мірозданія. Эта система, по словамъ Сен-Симона, имѣла ту неоцѣненную заслугу, что представляла собою первый *чистый* общій планъ (явленій); ни одна богословская идея не вошла въ ея составъ. Декартъ водрузилъ знамя, около котораго сомкнулись физики противъ богослововъ. Наконецъ, въ этомъ-же мемуарѣ очень ясно высказана идея *поступательнаго* движенія наукъ въ извѣстной преемственности къ научному совершенству. Какъ самая очередь наукъ, такъ и мотивъ, обуславливающий поступленіе ихъ въ очередь — большая сложность изучаемыхъ ими явленій, — у Сен-Симона тѣже, что и у Конта. „Самый знаменательный моментъ, говоритъ Сен-Симонъ, который представляетъ собою прогрессъ человѣческаго духа, тотъ, когда астрономы изгнали изъ своей среды астрологовъ. Такъ какъ химическія явленія много сложнѣе явленій астрономическихъ, человѣкъ занялся ими много позднѣе. Въ изученіи химіи онъ впалъ въ тѣ же ошибки, которыя онъ надѣлалъ при изученіи астрономіи. Но наконецъ химики отдѣлались отъ алхимиковъ. Физиологія и теперь еще находится въ неблагопріятныхъ условіяхъ, чрезъ которыя прошли астрономическая и химическая науки; необходимо, чтобы физиологи изгнали изъ своей среды философовъ, моралистовъ и метафизиковъ, какъ астрономы изгнали астрологовъ, какъ химики изгнали алхимиковъ“. Изъ этого ясно видно, какъ далеко пошелъ Сен-Симонъ въ установленіи іерархіи или „позитивистической лѣстницы“ наукъ и что оставалось прибавить Конту для ея завершенія. Къ этому нужно еще прибавить взглядъ Сен-Симона на значеніе и роль философіи XVIII вѣка. Хотя Сен-Симонъ подробно развилъ этотъ взглядъ въ изданіи, которое начало выходить въ 1819 году (l'Organisateur), когда онъ уже зналъ Конта, но лежащая въ основаніи этого взгляда мысль до такой степени неизбѣжно

вытекает изъ его вѣры въ свое призваніе, что Жане съ полнымъ правомъ называетъ ее коренною идеей (*l'idée mère*) Сен-Симона и основнымъ принципомъ его школы; а именно убѣжденіе, что наступилъ моментъ замѣнить критическую, анархическую, отрицательную и разрушительную фазу, представляемую философій XVIII вѣка и французской революціей—другою фазой, созидательной, догматической и органической. Реорганизация общества на новомъ основаніи была лозунгомъ Сен-Симона, а отсюда слѣдовало, что та реорганизация, которую задумала французская революція на основаніи принциповъ XVIII вѣка — была мнимая, и что заслуга революціи и философій XVIII вѣка сводилась лишь къ тому, что онѣ разрушили прежнее общество, основанное на феодально-военномъ строѣ и религіозномъ міровоззрѣніи.

Наконецъ, отмѣтимъ здѣсь еще взглядъ Сен-Симона на средневѣковой общественный строй, на подобіе котораго онъ имѣлъ въ виду реорганизовать общество, хотя и въ иномъ духѣ, чѣмъ средневѣковой. И этотъ взглядъ Сен-Симона выраженъ также въ „Организаторѣ“; но онъ такъ органически связанъ съ экономической теоріей Сен-Симона, что нельзя оспаривать у него авторскаго права на этотъ важный моментъ въ его построеніи исторіи.

Существенной чертой средневѣкового общественнаго строя Сен-Симонъ признавалъ раздѣленіе власти между духовнымъ и свѣтскимъ началами. Свѣтская власть согласно съ тогдашнимъ общественнымъ бытомъ имѣла феодальный, военный характеръ; духовная власть принадлежала церковной іерархіи и Папѣ. Эти два самостоятельныхъ *устоя* Сен-Симонъ считалъ необходимыми для всякаго благоустроеннаго общества. Однако, въ томъ обществѣ *будущаго*, черты котораго обрисовывались въ его воображеніи, основныя двѣ власти должны были находиться въ иныхъ рукахъ. Сообразно съ преобладаніемъ промышленной дѣятельности надъ воинственной, свѣтская власть должна была находиться у руководителей промышленности, — духовная

же власть въ рукахъ представителей научнаго знанія — ученыхъ.

Этотъ переходъ долженъ былъ совершиться по неотразимой силѣ вещей. Благополучіе первобытнаго общества можетъ быть обезпечено только силою и войной, а потому главную роль въ немъ играютъ военные вожди. Но по мѣрѣ того какъ, благодаря военной дисциплинѣ, въ обществѣ упрочивается порядокъ и безопасность, источникомъ богатства и благоденствія становится не насиліе и война, а промышленный трудъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и преобладаніе въ обществѣ должно постепенно переходить отъ военной аристократіи съ ея монархическимъ вождемъ во главѣ—къ капиталистической, промышленной буржуазіи.

Аналогическій процессъ совершается и въ области духовной власти. Люди въ первобытномъ обществѣ, дикомъ и невѣжественномъ, не могли предаваться наблюденіямъ надъ явленіями и жили вѣрою и воображеніемъ, а потому должны были находиться подъ руководствомъ духовенства. По мѣрѣ развитія въ обществѣ знаній и руководство надъ нимъ должно было перейти отъ духовенства къ ученымъ.

Сен-Симонъ даже указалъ точно моментъ перваго появленія новыхъ элементовъ въ средневѣковомъ обществѣ,—относя его къ очень раннему времени, къ эпохѣ, когда средневѣковой—феодальный и іерархическій порядокъ окончательно сложился. Возникновеніе промышленнаго класса онъ приурочивалъ къ „освобожденію“ французскихъ городовъ (коммунъ), а начало научнаго класса онъ возводилъ къ вліянію арабовъ. Весьма интересно, что первое изъ этихъ положеній Сен-Симона имѣетъ связь съ именемъ знаменитаго историка „третьяго класса“, Огюстена Тьерри, бывшаго у него секретаремъ въ 1817—18 годахъ и, вѣроятно, уже тогда проникшагося идеей, которой онъ посвятилъ свой главный научный трудъ.

Относительно же втораго положенія Сен - Симонъ указалъ свой источникъ: онъ почерпнулъ его у нѣмецкаго ученаго Элснера.

Сен-Симонъ рассказываетъ, что онъ давно расходился съ своимъ учителемъ д'Аламберомъ и другими философами XVIII вѣка за ихъ низкую оцѣнку среднихъ вѣковъ, но не имѣлъ научнаго основанія для опроверженія ихъ мнѣнія. „Д'Аламберъ“, говоритъ Сень-Симонъ въ сочиненіи, написанномъ въ 1813 году,—а тѣмъ болѣе второстепенные авторы представляли средніе вѣка эпохою, во время которой человѣчество пошло назадъ. Я не имѣлъ средствъ побороть эту идею о попятномъ движеніи (*rétrogradation*). Элснеръ ее сокрушилъ, показавъ, что европейцы слѣдовали идеѣ Сократа до вліянія арабовъ, которые задумали отыскивать законы, управляющіе вселенной вмѣсто личной причины ея управляющей (*d'une cause animée la gouvernant*)“. Это мѣсто очень поучительно. Оно освѣщаетъ намъ роль Сен-Симона въ исторіи возрѣвній, связанныхъ съ его именемъ. Въ головѣ Сен-Симона бродило много идей: онъ, такъ сказать, инстинктивно и ощущью составлялъ себѣ свою философію исторіи; но вслѣдствіе поверхностнаго своего образованія онъ нуждался въ помощи окружавшихъ его специалистовъ. Трудно сказать, слѣдуетъ ли этимъ путемъ искать разрѣшенія вопроса объ оригинальности Сен-Симона въ другомъ важномъ пунктѣ исторической теоріи, сложившейся подъ его вліяніемъ и въ его кружкѣ. Дѣло идетъ о посредствующемъ звенѣ между средневѣковымъ обществомъ съ его двумя существенными чертами—феодално-военнымъ строемъ и преобладаніемъ вѣры—и обществомъ будущаго. Это посредствующее звено указано уже въ Организаторѣ—въ эпоху когда вліяніе Конта не могло еще быть значительно. Но представленіе о немъ вполне развито въ сочиненіи, изданномъ Сен-Симономъ въ 1822 г. подъ заглавіемъ *Le Système industriel*. Здѣсь проводится мысль, что посредствующее звено между феодально-религіознымъ вѣкомъ и царствомъ промышленности и науки, представляетъ собою процессъ, назначеніе котораго заключалось въ томъ, чтобы разрушить старое и подготовить новую эпоху. Этотъ процессъ также проявлялся въ двухъ областяхъ, въ жизни об-

щественной и умственной. Въ общественной жизни проводниками процесса, подрывавшаго феодальный бытъ, были государственники—*легисты*; въ умственной жизни проводниками новаго начала, пошатнувшими господство вѣры и іерархіи, были *метафизики*. Торжество метафизиковъ представляетъ собою французская революція. Но съ заверше-ніемъ ихъ дѣла, миновала и надобность въ нихъ, а въ настоящее время они являются препятствіемъ къ установле-нію полнаго господства науки.

Такимъ образомъ передъ нами обрисовываются всѣ существенныя черты—не скажемъ Контовскаго позитивизма, какъ особой строго продуманной системы, а того постро-енія истории, которое мы найдемъ и у Конта. И не смотря на то, что пути Сен-Симона и Конта разошлись, можно, кромѣ сейчасъ приведенныхъ, указать еще цѣлый рядъ иныхъ аналогій между Сен-Симономъ и Контомъ въ оцѣнкѣ истори-ческихъ явленій, въ настроеніи и политическихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, аналогій, обусловливающихъ тѣмъ, что у нихъ была общая точка отправленія.

Такъ, къ приведенной выше характеристикѣ среднихъ вѣ-ковъ нужно прибавить, что, хотя оба они, Сен-Симонъ и Контъ, старались съ помощью положительной науки стать выше міровозрѣнія среднихъ вѣковъ, однако въ сущности они питали большое сочувствіе къ этой эпохѣ и старались „реабилитировать“ ее, т.-е. защитить противъ философовъ XVIII вѣка. Оба они старались доказать, что средніе вѣка представляютъ собою шагъ впередъ на пути прогресса, сравнительно съ античнымъ міромъ и мотивировали это между прочимъ указаніемъ на то, что средневѣковое крѣпостное право (*seruage*) было улучшеніемъ сравнительно съ античнымъ рабствомъ. Оба они выставляли на видъ, какъ преимущество среднихъ вѣковъ передъ древностью, что руко-водящій классъ—духовенство—бралъ своихъ членовъ без-различно изъ всѣхъ слоевъ общества. Оба они прославляли средніе вѣка именно за то, что это была религіозная эпоха: ибо вопреки теоріи философовъ XVIII вѣка, Сен-Симонъ

писаль еще въ 1811 году, что „какъ свидѣтельствуеть исторія, посредствомъ религіозныхъ учрежденій геніальные люди цивилизовали человѣческій родъ“. Оба они сходились съ графомъ де Местромъ въ высокой оцѣнкѣ культурнаго значенія папства и строгаго единства въ идеалахъ и вѣрованіяхъ среднихъ вѣковъ. Всякое настоящее, т.-е. правильно устроенное общество, по словамъ Сен-Симона, должно имѣть общія идеи, общую систему міровоззрѣнія и общую цѣль, къ которой оно направляется съ довѣріемъ подъ руководствомъ общей власти *). Оба, наконецъ, Сен-Симонъ и Контъ, защищали средніе вѣка даже въ научномъ отношеніи, находя, что эта эпоха не только не относилась враждебно къ развитію наукъ, но даже подготовила ихъ дальнѣйшее развитіе. Оба они поэтому относились съ одинаковымъ несочувствіемъ и одинаковымъ непониманіемъ къ протестантской реформѣ, которую Сен-Симонъ между прочимъ винилъ за то, что она была источникомъ великихъ войнъ между европейскими государствами изъ-за „вселенской монархіи“.

Сходясь во взглядѣ на прошлое и одинаково его идеализируя, Сен-Симонъ и Контъ, оба отрицательно относились къ современности. Какъ потомъ Контъ, такъ уже Сен-Симонъ отвергалъ принципъ, бывший рычагомъ всѣхъ политическихъ переворотовъ во Франціи со времени революціи—идею народовластія, называя его *мнимымъ* догматомъ, остаткомъ продолжительныхъ междоусобій метафизиковъ. Оба они пренебрегали парламентаризмомъ и желали полнаго его паденія для того, чтобъ расчистить мѣсто новому обществу и новымъ учрежденіямъ.

И даже относительно этого новаго общества ихъ мечтанія представляютъ между собою много общаго. Хотя, по свидѣтельству жены Конта, между ея мужемъ и Сен-Симономъ происходили рѣзкіе споры по вопросу, какой классъ ученыхъ долженъ преобладать въ новомъ обществѣ, въ об-

*) P. Janet. St-Simon et le St-Simonisme. 1878, p. 18.

щемъ они были согласны, что свѣтская власть должна быть въ немъ предоставлена банкирамъ, а духовная—ученымъ. Уже Сен-Симонъ представлялъ себѣ правительство въ новомъ обществѣ, въ видѣ административнаго совѣта какого-нибудь крупнаго капиталистическаго предпріятія— „французскаго банка, на примѣръ, или совѣта профессоровъ въ Политехнической школѣ, до преобразования его деспотизмомъ имперіи“, когда „низшая функція“, полицейская, поставлена была во главѣ учрежденія.

Можно сказать, что въ мечтаніяхъ о будущемъ обществѣ существенное различіе между Сен-Симономъ и Контомъ проявилось въ томъ отношеніи, что первый очень рано сталъ придавать новому обществу религиозный, теократическій характеръ и считалъ созданіе новой религіи необходимымъ условіемъ для осуществленія этого общества, тогда какъ Контъ именно по этому поводу разошелся съ нимъ, упрекнувъ его за то, что онъ даетъ преобладаніе аффекту и чувству въ вопросахъ, которые должны разрѣшаться позитивной наукой. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется, что это различіе въ сущности сводится къ сходству между Сен-Симономъ и Контомъ, такъ какъ оно заключалось не въ принципиальномъ, а лишь временномъ разногласіи между учителемъ и послѣдователемъ. Сен-Симонъ, неспособный къ выдержкѣ и увлекаемый своими мечтами, только быстро прошелъ ихъ циклъ, или ихъ эволюцію, чѣмъ болѣе ученый и методичный Контъ. И Сен-Симонъ сначала (около 1801 года) мечталъ о „научной религіи“ для новаго общества и называлъ эту религію „культомъ Ньютона“; средоточіемъ ея долженъ былъ служить мавзолей Ньютона. И эта научная религія должна была имѣть своихъ праведниковъ и своихъ „на вѣки осужденныхъ“, а именно тѣхъ, кто препятствовалъ прогрессу наукъ и искусствъ. Контъ, по завершеніи своей системы позитивной философіи, пришелъ и самъ къ убѣжденію, за которое упрекалъ Сен-Симона, что не слѣдуетъ приносить „аффективную сторону“ въ чловѣкѣ въ жертву умственной и тогда, сдѣлавшись основа-

телемъ новой религіи для своихъ послѣдователей, осуществилъ завѣтъ своего учителя, утверждавшаго въ „Новомъ Христіанствѣ“, что для того, чтобы основать новое общество, необходима новая религія.

Но помимо теоретическихъ аналогій между Сен-Симономъ и Контомъ существуетъ еще замѣчательное сходство въ настроеніи, которое отразилось и на историческихъ взглядахъ обоихъ. Несмотря на то, что Сен-Симонъ пережилъ эпоху, глубоко взрытую политическими страстями и революціонными переворотами, онъ былъ совершенно чуждъ „революціоннаго духа, соціальной ненависти, демагогической страсти“, и то-же можно сказать о Контѣ. Несмотря на то, что оба были мечтателями, они оба были чрезвычайно сильно проникнуты чувствомъ соціального порядка, сочувствіемъ къ іерархическому строенію общества и культомъ власти. Наконецъ, о нихъ обоихъ можно сказать, что они соединяли способность увлекаться химерами съ чуткимъ пониманіемъ новыхъ потребностей современнаго имъ общества.

Въ числѣ идей, которыя Контъ могъ заимствовать или же слышать отъ Сен-Симона, нужно еще упомянуть объ одной, которой Контъ себѣ не усвоилъ, но о которой тѣмъ не менѣе приходится говорить при оцѣнкѣ его системы,

Сен-Симонъ преслѣдовалъ всю жизнь, какъ выражается Литре, „злосчастную“ мысль, что притяженіе есть принципъ, который можетъ служить основаніемъ для цѣльнаго пониманія міра (conception universelle) со всѣми его явленіями физическаго, химическаго, біологическаго и соціальнаго свойства. Сен-Симонъ, дѣйствительно, весьма тщательно формулировалъ свой взглядъ на этотъ вопросъ въ 4 пунктахъ, въ которыхъ устанавливалъ, что можно не только вывести болѣе или менѣе непосредственно всѣ явленія изъ идеи всеобщаго притяженія, но, что эта идея единственное средство реорганизовать всѣ системы нашихъ познаній; далѣе, что идея притяженія не противоположна идеѣ о Богѣ, такъ какъ она ничто иное, какъ идея того неизмѣннаго закона,

посредствомъ котораго Господь управляетъ вселенной и, наконецъ, что съ извѣстными предосторожностями философія притяженія можетъ постепенно и безъ толчковъ замѣнить, съ помощью представленій болѣе ясныхъ и точныхъ, всѣ принципы полезной морали, которымъ учить богословіе.

Идея объединенія посредствомъ принципа притяженія всѣхъ нашихъ знаній и этическихъ принциповъ въ одно стройное логическое цѣлое должна была очень прельщать Конта: дѣйствительно это было бы торжествомъ позитивизма, если бы ему удалось изъ одного мірового физическаго закона вывести всѣ прочіе законы, какъ физическихъ и органическихъ, такъ и социальныхъ и нравственныхъ явленій: но тѣмъ не менѣе Контъ относился къ этой идеѣ съ какимъ-то раздвоеніемъ мысли: то онъ допускалъ возможность объединенія прочихъ законовъ міра закономъ притяженія, — но въ отдаленномъ будущемъ, то онъ полемизировалъ противъ этой идеи. Трудно рѣшить, чѣмъ именно руководился Контъ, отказываясь отъ любимой идеи своего учителя. Побуждала ли его къ тому его болѣе солидная ученость, воздерживавшая его въ этомъ случаѣ отъ фантастическаго оптимизма Сен-Симона? или имъ руководилъ также духъ противорѣчія, которому онъ не рѣдко поддавался въ научныхъ вопросахъ? Можно думать также, что ему внушала недовѣріе религіозная форма, въ которую Сен-Симонъ облакалъ свою теорію механическаго объясненія міра; по крайней мѣрѣ вѣрный истолкователь Контовскаго позитивизма, Литре, видѣлъ въ понятіи всеобщаго притяженія „замѣну богословской или метафизической идеи Бога“. Или, наконецъ, Контъ опасался, что, принявъ гипотезу Сен-Симона о единой причинѣ всѣхъ міровыхъ явленій, онъ выйдетъ изъ сферы позитивизма, отвергающаго всякое абсолютное понятіе и ограничивающаго философскую мысль областью относительнаго? Съ этой точки зрѣнія Литре признавалъ усвоеніе позитивизмомъ идеи всеобщаго притяженія — *самоубійствомъ* *).

*) Littré, Aug. Comte, p. 78.

Вопросы философіи кн. 42.

Можетъ быть, и въ другомъ еще случаѣ идеи Сен-Симона имѣли обратное вліяніе на Конта. То странное нерасположеніе Конта къ политической экономіи, которое побудило его изгнать ее совершенно изъ установленной имъ системы наукъ, не объясняется-ли недовѣріемъ, которое ему внушали оригинальныя, но нестройныя и произвольныя размышленія и утвержденія Сен-Симона въ этой области?

Значеніе Сен-Симона для исторіи идей Конта не ограничивается только личнымъ вліяніемъ: сюда нужно еще присоединить вліяніе кружка, собиравшагося около Сен-Симона. Въ числѣ членовъ этого кружка особенно выдается личность доктора Бюрдена. Сен-Симонъ приводитъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій лишь одну *бесѣду*, которую онъ имѣлъ съ Бюрденомъ; но этой бесѣдѣ нужно отвести знаменательное мѣсто въ исторіи позитивизма. Правда, взглядъ Бюрдена изложенъ именно въ томъ сочиненіи—*Mémoire sur l'homme*, которое появилось въ печати лишь въ 1859 г., но которое было составлено въ 1813 г. и въ рукописныхъ экземплярахъ распространено между знакомыми Сен-Симона. Трудно предположить, чтобы содержаніе его осталось безызвѣстнымъ Конту. Приведенныя выше мысли Сен-Симона о постепенномъ приближеніи наукъ въ опредѣленной очереди къ позитивному типу или идеалу изложены здѣсь докторомъ Бюрденомъ болѣе стройно и догматично. „Всѣ науки въ началѣ имѣли характеръ предположеній (*ont commencé par être conjecturales*); великій порядокъ вещей призвалъ всѣхъ сдѣлаться позитивными“.

Упомянувъ о томъ, какъ астрономія развилась изъ астрологіи, а химія изъ алхіміи, Бюрденъ указывалъ на то, что физиологія, долго блуждавшая въ шарлатанизмѣ, нынѣ покоится на основаніи фактовъ, добытыхъ наблюденіемъ. „Такъ и психологія начинаетъ основываться на физиологіи и освобождаться отъ религіозныхъ предразсудковъ, на которыхъ она была основана“.

По мѣрѣ того, какъ науки становятся позитивными, онѣ

должны входить въ систему публичнаго обученія. Въ этомъ именно положеніи находится теперь физиологія, благодаря работамъ Вик-д'Азира, Кабаниса, Биша и Кондорсе. Мораль сдѣлается положительной наукой, когда будетъ основана на физиологіи; философія сдѣлается позитивной наукой, когда всѣ отдѣльныя науки, изъ которыхъ слагается эта общая наука, также станутъ позитивными.

Здѣсь предъ нами почти всѣ звенья, изъ которыхъ состоитъ остовъ позитивизма. Высшаго Контовскаго звена, ^У социологіи, еще нѣтъ, но наука духовнаго бытія челоуѣка уже введена въ іерархію наукъ подъ именемъ психологіи и нравственной науки, которая должна быть основана на физиологіи.

Наконецъ, здѣсь ясно формулирована исторія и программа философіи позитивизма или общей науки (la science ^У générale). „Философія имѣла чисто гипотетическій характеръ, пока входившія въ ея составъ науки были гипотетичны; она стала на половину гипотетичною и на половину позитивною, когда частныя науки отчасти стали позитивны, отчасти оставались гипотетичны. Ей остается сдѣлаться позитивной и для этого нужно придать позитивистическій характеръ наукѣ о челоуѣкѣ“.

По поводу доктора Бюрдена не лишнимъ будетъ еще одно замѣчаніе. Позитивизмъ сложился подъ вліяніемъ точныхъ наукъ—математики, физики, химіи. Входя въ кругъ позитивныхъ идей, физиологи тѣмъ не менѣе, какъ представители органическаго міра, тяготились преобладаніемъ математиковъ въ этой области. Уже Бюрденъ высказываетъ мысль, къ которой потомъ не однократно возвращался Контъ и которая проявлялась въ его жизни и въ личныхъ столкновеніяхъ, что „руководящая роль, которую играютъ математики въ гимназіяхъ, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и, наконецъ, въ Институтѣ, должна отойти отъ нихъ, и что въ виду ожидаемаго съ ихъ стороны сопротивленія, нужно напередъ составить планъ похода противъ нихъ“.

Вотъ тѣ идеи и стремленія, которыя могъ усвоить себѣ Контъ, состоя сотрудиномъ и членомъ кружка Сен-Симона. Въ этой умственной атмосферѣ, наэлектризованной всевозможными мечтаніями и планами о переустройствѣ общества, быстро сложились убѣжденія Конта, и уже въ 1822 году, т.-е. 24 лѣтъ, онъ выступилъ съ открытіемъ своего знаменитаго историческаго закона, отъ котораго онъ исчислялъ новую эру въ развитіи человѣчества. Этотъ трудъ еще вышелъ подъ эгидой Сен-Симона и Контъ въ то время не думалъ выдѣлять своего дѣла изъ дѣла уважаемаго имъ учителя. Но разрывъ между ними былъ неизбѣженъ помимо личныхъ столкновеній, обусловленныхъ тѣмъ, что Сен-Симонъ все еще претендовалъ на роль его руководителя, а Контъ успѣлъ не менѣе его увѣровать въ свое особое призваніе. Ихъ пути должны были разойтись уже потому, что Сен-Симонъ весь отдался задачѣ реорганизовать общество и не слушалъ голоса науки, Контъ же посвятилъ себя тому, чтобъ создать прежде всего научное міровоззрѣніе, „систему позитивной философіи“. Но удаляясь ради этого отъ учителя, Контъ не переставалъ носить въ себѣ его завѣта „соціальной реформы“. Изъ этой идеи онъ исходилъ, какъ показываетъ самое заглавіе его перваго труда *Système de politique positive*, и она не оставяла его во время созиданія его позитивной философіи, а тотчасъ по завершеніи этого труда онъ исключительно предался своему призванію соціальнаго и религіознаго реформатора, т.-е. дѣлу позитивной политики¹⁾. Поэтому между двумя главными трудами его жизни, столь различными, что поклонники перваго отвергаютъ второй, для біографа Конта нѣтъ коренного противорѣчія.

*) Самъ Контъ отзывается объ этомъ фактѣ съ обычнымъ преувеличеніемъ всего, что касалось его лично, слѣдующимъ образомъ: *Naturellement voué presque au sortir de l'enfance, à poursuivre de toutes mes forces l'immense régénération sociale profondément annoncée par mes précurseurs révolutionnaires j'éus l'avantage etc.* Письмо къ Клотильдѣ у Robinet, Notice sur la vie d'Aug. Comte, p. 207.

Прежде однако, чѣмъ коснуться ученія Конта, нужно упомянуть о нѣкоторыхъ частностяхъ его личной жизни, имѣвшихъ важное значеніе для его внутренняго развитія. Контъ женился въ 1825 г. на Каролинѣ Массенъ, личность которой подвергалась весьма противорѣчивой оцѣнкѣ со стороны близкихъ къ Контулицѣ. Этотъ бракъ былъ поводомъ къ разладу Конта съ семьей; родители Конта требовали церковнаго вѣнчанія, а молодой Контъ ограничился гражданскимъ бракомъ, введеннымъ революціей; такимъ образомъ борьба міровоззрѣній, происходившая тогда во французскомъ обществѣ, отразилась на личной жизни Конта въ очень чувствительныхъ для него послѣдствіяхъ. Но родители Конта имѣли еще другую, болѣе личную причину неудовольствія противъ брака сына. Позднѣйшія разоблаченія выяснили, что Каролина Массенъ, незаконная дочь актрисы, была жертвой корыстолюбія матери; и Контъ впоследствии въ своемъ завѣщаніи жесткимъ словомъ заклеилъ ея образъ жизни до замужества. Контъ познакомился съ нею уже въ 1821 году, потомъ она скрылась, и онъ встрѣтился съ нею снова у одного изъ своихъ знакомыхъ за годъ до женитьбы. Прошлое жены висѣло черною тучей надъ семейной жизнью Конта, и его ревность отравляла ихъ отношенія, тѣмъ болѣе, что и во время брака жена четыре раза его покидала. Конечно, трудно установить, была ли она вынуждаема къ этому ревностью и тяжелымъ характеромъ мужа, или, наоборотъ, ревность мужа была не безпричинна. Объ этой семейной драмѣ нельзя умолчать въ біографіи философа не только потому, что она отразилась на *реконструкціи* религіозныхъ и общественныхъ идеаловъ Конта, но и находится въ ближайшей связи съ его роковымъ недугомъ.

Вскорѣ послѣ своей женитьбы Контъ открылъ публичный курсъ, на которомъ сталъ излагать свою новую доктрину. Но чтенія были прерваны „мозговымъ кризисомъ“, по выраженію Конта, вызваннымъ переутомленіемъ и, какъ можно думать, нравственнымъ потрясеніемъ вслѣдствіе удаленія жены. Кризисъ былъ такъ силенъ, что Конта помѣстили

въ заведеніе Эскироля, гдѣ онъ провелъ ко вреду для себя, какъ онъ говорилъ, нѣсколько мѣсяцевъ; своимъ исцѣленіемъ онъ былъ обязанъ домашнему, заботливому уходу матери и жены. Поправленіе шло однако довольно медленно, и Контъ сдѣлалъ въ это время попытку самоубійства, бросившись въ Сену; онъ былъ спасенъ, и послѣ этого выздоровленіе пошло быстро.

Но надъ всею дальнѣйшею жизнью Конта тяготѣла страшная возможность рецидива, и это сознаніе было тѣмъ мучительнѣе, что рецидивъ могъ быть вызванъ усиленными занятіями, именно тѣмъ трудомъ, который Контъ считалъ задачей своей жизни. И дѣйствительно, еще три раза Контъ переживалъ то, что онъ называлъ своими *кризисами*, — приливы къ мозгу, сопровождавшіеся сильной бессонницей и возбужденіемъ. Все это подало поводъ поднять вопросъ о нормальности умственного состоянія Конта; этотъ вопросъ въ особенности возбудился горячими приверженцами *позитивной* философіи Конта, которые не захотѣли послѣдовать за учителемъ въ область *позитивной политики* и видѣли въ этомъ сочиненіи признаки умственнаго расстройства. Вопросъ объ умственномъ состояніи Конта былъ недавно предметомъ очень обстоятельнаго и убѣдительнаго изслѣдованія *). Его авторъ, Г. Дюма, пришелъ къ заключенію, что *кризисы* всегда вызывались переутомленіями и семейнымъ горемъ, что они никогда не доводили Конта до помѣшательства и что они не имѣли никакого вліянія на его умственную дѣятельность и на его образъ мысли.

Несмотря на пережитую Контомъ тяжелую психическую болѣзнь, слѣдующее за этимъ время тридцатыхъ годовъ представляетъ эпоху составленія и обнародованія Контомъ его главнаго труда, заключающаго въ себѣ ученіе, извѣстное подъ названіемъ позитивизма; шестой томъ этого сочиненія вышелъ въ 1842 году; въ словообильномъ способѣ изложенія этого послѣдняго тома

*) G. Dumas. L'Etat mental d'Aug. Comte. въ Revue Philos. Ribot. 1898. № 1, 2.

замѣчается какъ бы нѣкоторое ослабленіе умственной силы Конта. Въ связи съ завершеніемъ этого жизненнаго труда находится переворотъ въ жизни основателя позитивизма — разрывъ Конта съ женой, послѣдовавшій неожиданно и безъ достаточнаго наружнаго повода. Послѣ разрыва Контъ говорилъ друзьямъ о своемъ раннемъ бракѣ, какъ о „роковомъ увлеченіи“ (*fatal entrainement*) — выраженіе, напоминающее его отзывъ объ его отношеніяхъ къ Сен-Симону; но увлеченіе это во всякомъ случаѣ было глубоко и продолжительно, ибо, какъ можно судить по письмамъ, которыя Контъ въ разное время писалъ своей женѣ, онъ относился къ ней съ уваженіемъ, съ сердечнымъ участіемъ и заботою объ ней; она же обнаруживала, по свидѣтельству Литре, по отношенію къ Конту преданность и пониманіе его натуры, стараясь оберегать его отъ тревогъ и непріятностей съ другими. Контъ былъ не въ ладахъ съ учеными математиками въ Политехнической школѣ, гдѣ онъ былъ репетиторомъ и экзаменаторомъ, и въ Академіи, куда онъ желалъ попасть. Считая себя недостаточно признаннымъ ими—въ чемъ онъ былъ правъ, Контъ позволялъ себѣ въ своихъ сочиненіяхъ разныя противъ нихъ выходки. Такъ и въ 1842 году онъ готовился выступить противъ знаменитаго Араго, а когда жена старалась отговорить его отъ этого, Контъ заподозрилъ ее въ сообщничествѣ съ его врагами и потребовалъ, чтобы она оставила его домъ.

Супруги на всегда разстались, но разладъ между ними продолжался: онъ выразился въ завѣщаніи Конта и въ судебномъ процессѣ, который вела Королина Массень противъ душеприказчиковъ Конта и который окончился лишь въ 1870 г. Изъ стѣнъ суда тяжба перешла въ литературу, и сочиненіе Литре, вѣрнаго выразителя *позитивнаго* фазиса въ жизни Конта, является апологіей его жены; книга позднѣйшаго ученика Конта, Робице, выразителя его *аффективнаго* и *религіознаго* фазиса, становится апологіей Конта по отношенію къ его женѣ; наконецъ, фактическія свѣдѣнія, сообщенныя Лафитомъ, преемникомъ Конта, какъ главы „позитивной секты“ даютъ воз-

можность глубже вникнуть въ семейную драму, которая имѣетъ такую тѣсную связь съ „личной эволюціей“ создателя позитивизма.

Три года спустя послѣ разрыва съ женою Контъ познакомился съ молодой женщиной, Клотильдой де Во, личность и судьба которой внушили ему глубокое участіе; ея мужъ былъ приговоренъ въ самомъ началѣ ихъ брачной жизни къ пожизненному заключенію, и она осталась вдовой при живомъ мужѣ. Симпатія Конта къ Клотильдѣ быстро развилась въ сильную страсть, какъ можно судить по его письмамъ къ ней, число которыхъ дошло въ 9 мѣсяцевъ до 181, хотя они въ это время часто видались между собою. Ихъ платоническія отношенія были не продолжительны: съ осени Клотильда стала чахнуть и скончалась въ апрѣлѣ 1846 года, черезъ годъ послѣ ихъ первой встрѣчи. Преждевременная смерть любимой женщины еще болѣе содѣйствовала идеализаціи ея со стороны Конта, который вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ идеализировать и свое чувство къ ней. Утративъ возможность личнаго счастья, Контъ сталъ искать въ своей любви къ покойной источникъ благородныхъ стремленій и нравственнаго перерожденія. „Мои внутреннія радости“, говоритъ онъ въ одномъ изъ сердечныхъ изліяній (effusions), обращенныхъ къ умершей, „впредь должны быть исключительно почерпаемы изъ непрерывнаго культа чистыхъ и благородныхъ воспоминаній, которыя навсегда оставилъ во мнѣ нашъ ни съ чѣмъ несравнимый годъ добродѣтельной взаимной нѣжности. Этотъ культъ любви и признательности всегда будетъ ободрять меня и направлять къ добру“. Несомнѣнно, что чувство къ Клотильдѣ де Во сдѣлалось для Конта откровеніемъ великаго принципа любви или *альтруизма*, какъ его назвалъ Контъ, т.-е. „жизни для другихъ“ — *vivre pour autrui*. Этотъ принципъ сталъ теперь для Конта на ряду съ руководившимъ имъ прежде принципомъ умственнаго развитія въ духѣ положительной философіи и съ теченіемъ времени получалъ все большее надъ нимъ преобладаніе. Любовь къ Клотильдѣ стала

для Конта девизомъ побѣды надъ себялюбіемъ—эгоизмомъ, что онъ и выражалъ въ ежедневно имъ повторяемомъ обращеніи къ ней, заимствованнымъ изъ знаменитой книги Тома Кемпійскаго *О слѣдованіи за Христомъ*: *Amen te plus quam me, nec me, nisi propter te*. Признавая свою любовь къ Клотильдѣ источникомъ совершившагося въ немъ внутренняго перерожденія, Контъ заявлялъ, что это перерожденіе превзошло всѣ его надежды и чаянія. Согласно съ этимъ онъ въ самой Клотильдѣ сталъ видѣть *новую Беатриче*, которая ввела его въ царство истины. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ въ предисловіи къ своему новому сочиненію—о позитивной политикѣ: „Это неизбѣжное возрожденіе, которое должно исходить отъ сердца, досталось мнѣ въ удѣлъ, благодаря несравненному ангелу, которому совокупностью (*l'ensemble*) судебъ человѣческихъ было предназначено передать мнѣ общій результатъ постепеннаго усовершенствованія нашей (т.-е. человѣческой) нравственной природы“. Съ этой точки зрѣнія онъ объявилъ Клотильду „своей истинной супругой“, своей святой сподвижницей, „матерью своей второй жизни“, своимъ „ангеломъ“, „жрицей человѣчества“, „посредницей между истиннымъ великимъ существомъ (человѣчествомъ) и его первосвященникомъ“, т.-е. Контомъ. Но Контъ на этомъ не остановился. Въ этой второй фазѣ своей жизни, когда онъ поставилъ своей задачей восполнить пробѣлы первой эпохи надлежащимъ развитіемъ „аффективной стороны своей природы и фантазіи, какъ источниковъ нравственной и художественной эволюціи“*, Контъ сталъ склоненъ къ олицетвореніямъ—къ фетишизму, какъ можно было бы сказать, примѣняя къ нему его терминологию, и образъ Клотильды сдѣлался для него не только олицетвореніемъ принципа женственности („*des ewig Weiblichen*“), соединеніемъ въ одномъ образѣ типа дѣвственницы, жены и матери *)—но и самого

*) *Tre dolci nomi hà in te raccolte, sposa, madre, figliuola* — называетъ Контъ Клотильду въ своемъ „памятованіи“.

„человѣчества“, которое въ его новой религіи замѣнило божество.

При такомъ настроеніи культъ Клотильды казался Конту уже не личнымъ только дѣломъ, а обязанностью всѣхъ поклонниковъ истинной и всеобщей религіи человѣчества. Тщательно установленныя Контомъ формы этого новаго „служенія“ отзываются такимъ слащавымъ романтизмомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старческимъ педантизмомъ, что легко просмотрѣть ихъ значеніе для историка. Помимо біографическаго и психологическаго интереса, культъ Клотильды представляетъ собою полное „оживаніе“ католическихъ образовъ и обрядовъ и свидѣтельствуешь, что Контъ никогда не утрачивалъ симпатіи не только къ іерархической организаціи католицизма, но и къ его символизму и внѣшнимъ формамъ „служенія“.

Въ доказательство этой симпатіи къ католическимъ формамъ, легко привести цѣлый рядъ фактовъ: наприм., посланіе Конта къ іезуитскому ордену, которому онъ предлагалъ дѣйствовать совместно противъ разрушительныхъ принциповъ, и его наклонность къ католической символикѣ. Такъ, привыкнувъ даже мелкія и случайныя обстоятельства возводить къ *синтезу* своей „эволюціи“, въ гигиеническихъ мѣрахъ, съ которыми онъ боролся противъ грозившихъ ему приливовъ къ мозгу, Контъ сталъ видѣть ступени аскетическаго самовоспитанія на пути нравственнаго усовершенствованія: объясняя Клотильдѣ де Во пережитые имъ три личныхъ кризиса, онъ писалъ: „Одинъ изъ моихъ маленькихъ философскихъ секретовъ, которымъ я хочу съ вами подѣлиться, заключается въ слѣдующемъ предписаніи (précepte), болѣе драгоценномъ, чѣмъ это кажется на первый взглядъ. Для того, чтобы упрочить или облегчить какое-либо усовершенствованіе умственное или эмоціонное (affectif), чрезвычайно важно связать его съ какимъ-нибудь физическимъ усовершенствованіемъ, въ особенности относящимся къ какому-нибудь прочному улучшенію матеріальнаго образа жизни. Изъ этого принципа въ сущности вытекаетъ все, что есть существеннаго въ пози-

тивной теоріи *таинствъ*, значеніе которыхъ, какъ физическихъ знаковъ нашихъ различныхъ духовныхъ успѣховъ, жреческій эмпиризмъ смутно чувствовалъ. Въ этомъ смыслѣ я могу сказать, что три существенныхъ кризиса моей двоякой личной эволюціи въ 1826, 1838 и 1845 годахъ въ моихъ глазахъ были освящены прочнымъ вещественнымъ симптомъ, а именно тѣмъ, что я былъ доведенъ до окончательнаго воздержанія сначала отъ кофе, потомъ отъ табаку, а теперь отъ вина* *).

Несмотря на пережитый Контомъ кризисъ, сопровождавшій его чувство къ Клотильдѣ де Во, сочиненія втораго фазиса его жизни находятся, какъ было сказано, въ тѣснѣйшей связи съ сочиненіями перваго періода. Уже въ юношескомъ своемъ сочиненіи, которое можно назвать его программой, Контъ призналъ *позитивную*, т.-е. научную философію лишь *основаніемъ* для позитивной, т.-е. научной *политики*. Поэтому еще до окончанія своей первой задачи онъ настолько обдумалъ вторую, что уже въ VI томѣ своего курса позитивной философіи, обозначилъ содержаніе своего слѣдующаго труда съ распределеніемъ его на 4 тома. Только нѣкоторыя частности этого новаго зданія, имъ предпринимаемаго, не были имъ тогда еще разработаны.

Контъ тогда-же задумалъ приступить къ печатанію своего новаго труда. Но такъ какъ его задерживалъ недостатокъ денежныхъ средствъ, онъ составилъ предварительный очеркъ своей политико-соціальной системы, который появился въ свѣтъ въ знаменательный 1848 годъ подъ заглавіемъ *Discours sur l'ensemble du Positivisme*. Четыре года спустя, Контъ издалъ свой „позитивный катехизисъ“, чтобы распространить въ народѣ основныя положенія своего ученія. Между тѣмъ онъ принялся за разработку главнаго труда *Système de la Politique positive*, который онъ, по обычаю, привелъ очень быстро къ окончанію, такъ что всѣ 4 тома этого сочиненія появились въ 1852—54 годахъ. Контъ однако все еще счи-

*) У Робине стр. 212.

талъ свой жизненный трудъ незавершеннымъ, и въ послѣднемъ томѣ своей Позитивной политики объявилъ о предстоящемъ появленіи въ свѣтъ новаго сочиненія подъ заглавіемъ „Субъективный Синтезъ“ въ трехъ томахъ, которые онъ предполагалъ выпустить въ 1856, 59 и 61 годахъ. Первый томъ долженъ былъ заключать въ себѣ „Позитивную Логикъ“, второй „Позитивную Мораль“ и третій „Позитивную Индустрію“. Но Конту удалось написать и напечатать только первую часть. Надежды Конта съ помощью тщательно обдуманнаго имъ и педантически исполняемаго гигиеническаго режима дожить „до лѣтъ Фонтенеля“, т.-е. до 100 лѣтъ, не оправдались: онъ сталъ худѣть, силы его стали падать и при такомъ состояніи физическое переутомленіе и простуда на похоронахъ сенатора Вьельяра, которому онъ многимъ былъ обязанъ, послужили толчкомъ къ болѣзни, унесшей его въ могилу 5 сент. 1857 года. Въ 5 часовъ утра его нашли неподвижно распростертымъ передъ „алтаремъ“ Клотильды (ея кресломъ), предъ которымъ онъ хотѣлъ совершить обычныя въ этотъ часъ ея „поминки“. Къ вечеру онъ скончался со взоромъ, устремленнымъ на букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, сдѣланный для него Клотильдой.

Такія мелочи интимной жизни могутъ показаться излишними въ очеркѣ, посвященномъ *позитивизму*. Но онѣ рисуютъ человѣка, а этотъ человѣкъ былъ создателемъ системы, увѣковѣчившей его имя. Частная жизнь Конта во второй ея половинѣ и странности, которыми она изобилуетъ, важны для исторіи контизма потому, что показываютъ, какъ глубока была потребность *аффективной* жизни у создателя системы, сводившей исторію человечества на эволюцію разума въ области опытнаго знанія. Встрѣча Конта съ Клотильдой де Во, его любовь къ ней и роль, которую онъ поэтому отвелъ памяти Клотильды въ культъ человечества, имѣютъ, конечно, случайный характеръ; но самый *фазисъ* „религіозной эволюціи“ Конта не былъ случайностью, и даже вычурная обстановка его религіи человечества не

была произвольной. Въ обрядахъ и формулахъ новой религіи обнаружился замѣчательный пietetъ Конта къ прошлому; справедливо называетъ его одинъ изъ его біографовъ—*ce grand respectueux du passé*. Этотъ пietetъ отразился и на схемѣ всеобщей исторіи Конта, открывъ ему значеніе средневѣковаго католицизма, что составляетъ одно изъ крупныхъ достоинствъ его философіи исторіи;—безъ пietetа къ прошлому вообще не можетъ быть настоящей исторіи.

Въ культѣ Клотильды открывается и другая симпатическая сторона личности Конта,—его способность къ благодарности за доставленныя ему умственные и эстетическія наслажденія. Это свойство составляетъ серьезную сторону придуманнаго имъ позитивнаго календаря, т.-е. инвентаря благодѣтелей человѣчества. Аффективныя свойства Конта необходимо отмѣтить, какъ противовѣсъ необыкновенной его гордынѣ и самоувѣренности, не рѣдко граничащихъ съ маніей величія, и наводящихъ на мысль, что мозговые кризисы не прошли для него безслѣдно.

Однако нѣтъ основанія искать въ недугѣ Конта объясненія его гордыни и болѣзненной гипертрофіи его личнаго я; эта гордыня обуславливается необыкновенною вѣрою Конта въ свое всемірное призваніе, а эта вѣра находится въ тѣснѣйшей связи съ выдающеюся особенностью Конта подчинять явленія схемѣ и строить изъ нихъ систему. Никакой мыслитель не обладалъ такою потребностью и такою способностью все систематизировать вокругъ себя и въ себѣ самомъ, личныя ощущенія, событія и условія времени, какъ Контъ. Все въ своей жизни—отрадное и тяжелое, значительное и мелкое, непріятности со стороны недоброжелателей, даже случайныя выраженія сочувствія, встрѣчу съ Клотильдой и расцвѣтъ своей любви, наконецъ, даже кризисы своей болѣзни—все это Контъ выводитъ, по своему любимому выраженію, изъ самобытной (*spontanée*) эволюціи своей личности, или возводитъ въ необходимый моментъ

общей эволюціи человѣчества *), въ которой онъ не могъ не отвѣсть самому себѣ подобающаго мѣста. Въ виду этого свойства Конта его личность и частная жизнь приобрѣтаютъ значеніе для выясненія генезиса его ученія. Потребность Конта схематизировать и его способность строить систему создали его позитивизмъ какъ особое ученіе.

Обзоръ идей и мечтаній Сень-Симона показываетъ, какими культурными фактами обуславливалось настроеніе кружка, къ которому принадлежалъ Контъ. Кружокъ этотъ былъ не случайнымъ явленіемъ въ современномъ Конту французскомъ обществѣ, а своимъ настроеніемъ весьма мѣтко выражалъ собою его историческую судьбу. Это общество *пережило* эпоху католицизма и отвернулось отъ него; оно пережило также эпоху революціоннаго движенія и осталось имъ неудовлетвореннымъ. „Великіе принципы 1789 г.“, на основаніи которыхъ революція хотѣла создать новое общество, — свобода, равенство и народовластіе, — оказались, какъ ихъ называетъ Контъ, *отрицательными*, анархическими принципами. Въ замѣнъ ихъ нужно было найти начала *положительныя*. Эти позитивныя начала могъ дать только опытъ и основанная на опытѣ

*) Особенно интересны приведенные въ статьѣ Дюма (Rev. Phil. 1898, № 3 р. 59) примѣры того, какъ Контъ примирялся съ неудачами въ своей жизни, придавая имъ какъ бы провиденціальное значеніе для своей личности и системы. Когда предпринятое Контомъ изданіе журнала не имѣло успѣха, Контъ заявилъ, что «избранная публика, къ которой я обратился, поняла лучше меня несомвѣстность такого предпріятія съ общимъ духомъ системы, которой суждено положить конецъ журнализму». Контъ несочувственно относился къ журналистикѣ. — Когда при Наполеонѣ III былъ приостановленъ курсъ, читавшійся Контомъ, послѣдній утѣшалъ себя мыслью, что правительство, болѣе прозорливое, чѣмъ онъ, поняло, что великому жрецу человѣчества не приличествуетъ являться на кафедрѣ и передъ аудиторіей. Что же касается до инстинктивной склонности Конта искать въ явленіяхъ схему, то нельзя не видѣть слѣдовъ ея въ признаніи Контомъ *трехъ* мозговыхъ кризисовъ: Между тѣмъ самъ Контъ, признавалъ одинъ изъ этихъ кризисовъ, относимый имъ къ 1838 году, какимъ-то *промежуточнымъ* (intermédiaire), менѣе ясно обнаружившимся; но такой *третій*, промежуточный кризисъ былъ ему нуженъ, по его мнѣнію, ради *перехода* отъ чисто-научнаго введенія въ его «великое философское зданіе» къ социологическому элементу, который долженъ былъ составить вѣнецъ и сущность позитивной философіи.

наука. На этомъ научномъ опытѣ, казалось, можно было снова соединить умы въ одномъ общемъ цѣльномъ міровоззрѣніи, какъ они были объединены средневѣковымъ богословіемъ, которое было разбито метафизикой, съ своей стороны противоположной опыту или физицизму. Всѣ эти идеи были достояніемъ эпохи Конта, т.-е. историческаго момента, переживаемаго современнымъ ему обществомъ, — они стали и его личнымъ достояніемъ. Но то, что для другихъ было лишь эмпирическимъ фактомъ, ихъ личнымъ убѣжденіемъ, не могло оставаться таковымъ для Конта. Какъ природный систематикъ, онъ овладѣлъ эмпирическими моментами современности, привелъ ихъ въ схему и создалъ изъ нихъ систему: онъ соединилъ, координировалъ ихъ въ последовательномъ порядкѣ, т.-е. въ понятіи эволюціи, и этимъ возвелъ ихъ въ законъ. Такимъ образомъ онъ открылъ законъ умственнаго развитія человѣчества, который объяснилъ ему прошлое человѣка и далъ твердую почву для регулированія будущаго.

Какой же это былъ законъ?

В. Герье.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Позитивная біологія О. Конта и философія*).

Мм. гг.! Отдаваясь изученію явленій живой природы, современные біологи въ громадномъ большинствѣ случаевъ до такой степени поглощаются своей сложной и трудной работой, что лишь изрѣдка могутъ оторваться отъ того или другого частнаго вопроса, чтобы заняться обсужденіемъ вопросовъ болѣе общихъ и философскихъ. Сплошь и рядомъ высказывается даже та мысль, что естествоиспытателю-біологу нѣтъ дѣла до философіи, и что вниманіе къ задачамъ философскаго характера составляетъ для біолога дурное предзнаменованіе, свидѣтельствующее объ утратѣ способности къ производительному, собственно научному труду. Всего страннѣе при этомъ, что біологи намѣчаемаго мною типа, обнаруживая самое недвусмысленное пренебреженіе къ философіи, тѣмъ не менѣе считаютъ себя въ душѣ истинными біологами-философами и любятъ ссылаться, между прочимъ, на позитивную философію О. Конта...

На мою долю выпала честь представить вамъ краткій очеркъ воззрѣній О. Конта на всю область біологіи, и я не безъ смущенія принимаюсь за посильное выполненіе предложенной мнѣ задачи. Вѣдь и я принадлежу къ числу тѣхъ скромныхъ научныхъ работниковъ, которые почти всѣ свои силы отдають изученію различныхъ частныхъ вопросовъ; притомъ, я—врачъ-патологъ, а кому не извѣстно, что О. Контъ

*) Рѣчь, произнесенная 14 марта 1897 г. въ публичномъ засѣданіи Философскаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

признавалъ нелѣпостью предоставленіе разработки біологіи досугу врачей, хотя и не отрицалъ высокаго значенія патологическихъ явленій для біологіи! Правда, врачебная практика такъ же далека отъ меня, какъ и пренебреженіе къ философіи въ традиціонномъ ея значеніи; какъ бы то ни было, я все-же патологъ, а не нормальный біологъ. Если, несмотря на эти отягчающія обстоятельства, я все-таки рѣшаюсь подѣлиться съ вами кое-какими соображеніями на указанную выше тему, то лишь потому, что я такъ-же глубоко убѣжденъ въ важности нѣкоторыхъ основныхъ началъ позитивизма для науки о жизни и въ принадлежности патологіи къ біологіи, какъ и въ недостаточности біологическаго контизма для философскаго пониманія живой природы.

Мое основное положеніе можетъ быть выражено въ немногихъ словахъ. Біологія, какъ наука о жизни или какъ своеобразный научный синтезъ частныхъ біологическихъ ученій, должна по сей день считаться съ позитивизмомъ О. Конта; какъ при изученіи явленій нормальной жизни, такъ и при изученіи явленій жизни патологической, нормальные біологи и патологи, въ качествѣ научныхъ работниковъ, должны быть позитивистами, хотя-бы и не безусловно въ контовскомъ значеніи этого слова. Но біологическія явленія и законы этихъ явленій подлежатъ не одной только научной оцѣнкѣ, которая допускается для нихъ позитивизмомъ,—они неизбежно оцѣниваются и съ нѣкоторыхъ другихъ точекъ зрѣнія, упускаемыхъ изъ виду работниками научными или прямо-таки несущественныхъ для нихъ. Коротко говоря, біологія, какъ наука, оказывается тѣмъ болѣе обоснованной, чѣмъ болѣе она позитивна, въ широкомъ смыслѣ слова; но для философа и всякаго мыслящаго чловѣка, желающаго выработать или сохранить въ себѣ цѣльную чловѣческую личность, позитивная біологія не есть то пониманіе жизненныхъ явленій, которое можетъ быть признано единственнымъ и окончательнымъ. Въ моихъ глазахъ, великія заслуги О. Конта передъ біологіей не подлежатъ сомнѣнію, и въ области собственно научной я воздаю ему

такую-же дань удивленія и почтенія, какъ и другіе научные работники, ревнующіе объ успѣхахъ точнаго знанія; но я не могу идти за О. Контомъ, когда отъ меня требуютъ, чтобы на вопросы о жизненныхъ явленіяхъ, не разрѣшаемые наукой, я не искалъ опредѣленныхъ отвѣтовъ, неизмѣримо важныхъ для меня, какъ человѣка, а не біолога, за предѣлами позитивной біологіи.

Какъ патологу, мнѣ часто приходило въ голову, что нормальное состояніе человѣческаго сознанія всего лучше уподобляется состоянію хроническаго голоданія. Это вѣчно алчущее и жаждущее бытіе, неустанно стучащееся во всѣ двери, за которыми, по предположенію, хранятся запасы пищи и питья. Во имя своей ненасытной потребности все поять или понять, человѣческое сознаніе, на высокихъ ступеняхъ своего развитія, переводитъ внѣшній міръ въ себя безъ остатка и доходитъ до утвержденія, что доподлинно существуетъ только я. И мнѣ всегда казалось, что этому, по природѣ своей, ненасытному бытію читать благоразумныя наставленія въ духѣ контовскаго позитивизма на тему *ignoramus et ignorabimus* такъ-же не пристало, какъ не пристало предлагать чуткому, порывистому и нѣсколько фантастическому европейцу — съ его Распятымъ Богомъ, съ его способностью видѣть двѣ бездны, одну надъ собой, а другую подъ собой,—въ высшей степени скучную, умѣренную и здравомысленную конфуціанскую мораль.

Удовлетвореніе своему голоду и жадѣ, хотя-бы временное и призрачное, сознаніе наше находитъ въ наукѣ, въ философіи, въ религіи и въ искусствѣ. Я сказалъ: „призрачное и временное“, и не беру назадъ этихъ жесткихъ словъ, ибо разсуждаю теперь съ точки зрѣнія объективной. Въ смыслѣ субъективномъ ничто не призрачно и не временно, точно также какъ въ смыслѣ объективномъ все призрачно и временно. Человѣческое сознаніе добываетъ себѣ пищу и питье какъ-бы четырьмя руками. И то, до чего не можетъ достать одна рука, забирается другой рукой; и то, что ускользаетъ отъ другой руки, захватывается третьей или

четвертой. Это міродержавный четырёхрукій Брама, пока все остается въ предѣлахъ здоровья или нормы; это уродливая четырёхрукая обезьяна, какъ только божескій образъ искажается въ сумасшествіи или вообще болѣзни. И если позитивная философія, называя себя философіей, говоритъ мнѣ, что научныхъ данныхъ для рѣшенія извѣстнаго вопроса нѣтъ и не будетъ, и что поэтому стремиться къ разгадыванію тайнъ мірозданія безразсудно и безцѣльно, то я, въ качествѣ простаго смертнаго, которому не чужды ни научные, ни философскіе, ни религіозные, ни художественные интересы, позволяю себѣ возразить: предоставьте наукѣ, развивающейся и совершенствующейся вѣками, рѣшить самой, для чего у нея нѣтъ и не будетъ отвѣтовъ; философія же, если она желаетъ быть философіей, а не мнимой наукой наукъ, пусть рѣшаетъ дѣло за самое себя, а не за науку; не слѣдуетъ также торопиться съ упраздненіемъ религіознаго созерцанія и художественнаго постиженія, которыя еще могутъ постоять за себя. Подвести свои общіе итоги наука въ состояніи сама. Если рядомъ съ научнымъ познаніемъ черезъ всю исторію человечества проходятъ и другіе типы познанія—философскій, религіозный и художественный, то, очевидно, для этого имѣются достаточныя основанія въ самой природѣ нашего духа, которая сильнѣе позитивизма и первѣе его. И сколько бы ни совершенствовалась и сколько бы ни развивалась наука, она все-таки останется наукой и не превратится въ философію, точно также какъ самое совершенное постиженіе художника не въ состояніи породить высокой религіозной истины. Да и зачѣмъ стремиться къ тому, чтобы дифференціальное исчисленіе превратилось въ критику чистаго разума, а девятая симфонія въ нагорную проповѣдь? Человѣческое сознаніе искало и ждало этой проповѣди тысячелѣтія; такія-же тысячелѣтія искало оно и ждало девятой симфоніи, критики чистаго разума и дифференціального исчисленія. Позитивная философія, предписывающая научное самообузданіе ненаучнымъ типамъ познанія и даже упраздняющая ихъ, похожа на того мате-

матика, который, видя художника въ мукахъ художественнаго постиженія, сказалъ бы ему: „не знаю, чѣмъ помочь тебѣ, да и не хочу знать; совѣтую тебѣ не гнаться за тѣмъ, что скрывается въ туманной дали, недоступной строгому математическому анализу“. Къ счастью, художникъ не послушался математика и выбрался изъ затрудненія очень просто: онъ оставилъ математика при математикѣ и пошелъ по своему особливому пути, пошелъ спотыкаясь и озираясь, но все-таки пошелъ, а не остался на мѣстѣ. И мы знаемъ, что онъ не только пошелъ, но и пришелъ туда, куда его влекъ спасительный „свободный умъ“.

Въ знаменитомъ *Cours de philosophie positive* изложенію своихъ біологическихъ воззрѣній О. Контъ посвящаетъ большую часть 3-го тома, составляющую около 400 страницъ убористой печати. Передать въ короткой часовой бесѣдѣ содержаніе цѣлаго обширнаго трактата—задача, безъ сомнѣнія, нелегкая, въ особенности если принять въ соображеніе отсутствіе архитектурной стройности у автора и тяжеловѣсный способъ изложенія, избѣгающій, какъ-бы нарочно, краткихъ заключительныхъ формулъ. Поневолѣ приходится ограничиться разсмотрѣніемъ наиглавнѣйшихъ основъ всего ученія, приурочивая къ нимъ тѣ или другія замѣчанія.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи будутъ разсмотрѣны послѣдовательно нижеслѣдующіе вопросы:

1) что такое біологія по О. Конту и въ чемъ ея предметъ?

2) въ чемъ состоятъ задачи біологіи и каковы ея методы?

3) на какіе главные отдѣлы раздѣляется біологія?

4) къ чему сводится существенное содержаніе біологіи статической, распадающейся, въ свою очередь, на біотомію и біотаксію?

и 5) къ чему сводится существенное содержаніе біологіи динамической или біономіи, представляющей три вѣтви — физиологію растительную, физиологію животную и физиологію френологическую?

По поводу cadaго изъ наиболѣе существенныхъ поло-

женій О. Конта, относящихся къ области біологіи, я буду высказываться сначала съ точки зрѣнія научныхъ требованій, а затѣмъ и съ точки зрѣнія требованій философскихъ.

Итакъ, спрашивается прежде всего: что же такое біологія по О. Конту, въ чемъ ея предметъ?

Уже около столѣтія, говоритъ О. Контъ, какъ біологія стремится занять опредѣленное мѣсто въ рациональной іерархіи основныхъ наукъ, но она все время колеблется между метафизикой, которая старается удержать ее за собою, и физикой, которая покушается поглотить ее. Такому прискорбному положенію вещей долженъ наступить конецъ, и біологію пора уже признать за одну изъ основныхъ наукъ, получающую свое мѣсто вслѣдъ за математикой, астрономіей, физикой и химіей. Біологія имѣетъ свой собственный предметъ. Предметъ біологіи есть вся совокупность жизненныхъ явленій, или жизнь, какъ таковая. Всего болѣе удовлетворительнымъ представляется О. Конту опредѣленіе жизни, данное де-Блэнвиллемъ, который характеризуетъ жизнь какъ двойственное внутреннее движеніе соединенія и разложенія, общее и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывное; слѣдовало бы только, по мнѣнію О. Конта, нѣсколько точнѣе указать на два соотносительныя основныя условія—опредѣленную организацію и приличествовавшую ей среду. Взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ элементовъ—организаціи и среды—и обусловливаются всѣ жизненныя явленія, не только животныя, но и растительныя. Такимъ образомъ предметомъ біологіи оказывается не жизненная сила или какая-нибудь метафизическая сущность, а нѣчто совершенно конкретное, доступное собственно научному разслѣдованію.

Соединяя въ одно цѣлое всѣ относящіяся сюда разсужденія О. Конта, мы могли бы сказать, что біологія занимается изученіемъ того своеобразно оформленнаго комплекса вещей, который обнаруживаетъ способность къ двойственному внутреннему движенію—соединенія и разложенія, общему и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывному, въ извѣстномъ соотношеніи съ вліяніями внѣшней среды. Безъ сомнѣнія, при

такомъ опредѣленіи предмета біологіи требованія строго научнаго изученія жизненныхъ явленій обезпечиваются въ достаточной мѣрѣ. О. Контъ проявляетъ и на этотъ разъ ту въ высшей степени цѣнную для естествоиспытателя сдержанность, до которой было такъ далеко многимъ изъ его современниковъ. Да и въ настоящее время, какъ часто уклоняются изслѣдователи, не проводящіе рѣзкой границы между наукой и философіей, съ того вѣрнаго пути, на который указываетъ О. Контъ! Цѣнная и чрезвычайно плодотворная дѣятельность цѣлаго ряда ученыхъ, работавшихъ въ духѣ контовскаго пониманія предмета біологіи, не спасаетъ біологовъ, блуждающихъ внѣ подлинной науки и внѣ подлинной философіи, отъ тѣхъ-же наивныхъ ошибокъ, въ которыя впадали многіе изъ современниковъ и предшественниковъ О. Конта. Реставрація витализма, подмѣнивающаго строго научное понятіе о силѣ понятіемъ о *spiritus vitalis*, представляется все еще возможной, хотя насмѣшки надъ „жизненною силой“ успѣли стать опощеннымъ общимъ мѣстомъ.

Я не считаю удобнымъ входить въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, которыя мѣшали упроченію взглядовъ О. Конта на предметъ біологіи и окончательному торжеству ихъ. Достаточно сказать, что главная причина неуспѣха лежитъ на этотъ разъ въ самомъ О. Контѣ, въ самомъ его позитивизмѣ.

Живая природа со всей вереницей жизненныхъ проявленій, кружащихся въ ней, оказывается доступной для сколько-нибудь научно-точного изслѣдованія лишь съ тѣхъ сторонъ, которыми она соприкасается съ математикой, механикой, физикой и химіей. И если мы уже утратили способность обольщаться мнимо-научными объясненіями, удовлетворявшими біологовъ стараго времени, то этимъ мы обязаны въ значительной степени позитивизму О. Конта, и это непрекаемая заслуга его. Но тутъ и оканчиваются всѣ преимущества позитивизма, на которыхъ остановиться, однако же, нельзя. Вѣдь жизнь, это удивительное двойственное

внутреннее движение соединенія и разложенія, общее и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывное, есть та самая жизнь, которою я живу, которою живете вы. Я ношу въ себѣ эту жизнь, я не знаю, какъ и когда она началась, не знаю, какъ и когда она кончится, но я знаю, что она во мнѣ и что она вовсе не похожа на двойственное внутреннее движение соединенія и разложенія, общее и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывное. Можетъ-быть, для біолога, какъ ученаго, такое опредѣленіе жизни и достаточно; можетъ-быть, всякое другое опредѣленіе было бы для его научной работы стѣснительнымъ. Но вѣдь разобраться въ жизненной загадкѣ желательно не одному біологу, и не изъ однихъ біологовъ состоитъ человечество. Правда, за біологіей слѣдуетъ въ системѣ позитивной философіи социологія, а нѣкоторые позитивисты признаютъ необходимымъ ввести между біологіей и социологіей и еще одну основную науку—психологію; но и въ этихъ дисциплинахъ допускается лишь строго-научное изслѣдованіе, имѣющее безспорно феноменальный, а не ноуменальный характеръ. И вотъ начинается разладъ. Вытравить въ себѣ непосредственное сознаніе жизни невозможно; подавить въ себѣ способность созерцать жизнь не только снаружи, но и изнутри совершенно не мыслимо; помириться съ тѣмъ, что вся моя жизнь съ ея правдой и ложью, съ ея восторгомъ и отчаяніемъ есть только двойственное внутреннее движение соединенія и разложенія, я не только не могу и не хочу, но и не долженъ. И что за несносная схоластика овладѣла бы жизнью, еслибы всѣ порѣшили остановиться тамъ, гдѣ останавливается позитивная біологія! Къ счастью, человекъ лучше, чѣмъ о немъ думаетъ О. Контъ. Никто еще и никогда на опредѣленіи жизни, даваемомъ позитивной біологіей, не останавливался, хотя-бы иному и казалось, что онъ—воплощенная наука и что всѣ его идеальныя потребности удовлетворяются наукой. И дѣйствительно, даже въ средѣ ученыхъ оживаютъ старыя виталистическія ученія, дающія въ мнимо-научной формѣ слабое въ философскомъ смыслѣ восполненіе позитивизма, и вся

біологія погружается въ какой-то мистическій сумракъ. Удивляться-ли этому? Очевидно, удивляться нечему. Вся бѣда, однако-же, въ томъ, что и новѣйшая біологическая мистика такъ-же пагубна для науки, какъ и прежняя, ибо привнесене въ науку чуждыхъ ей элементовъ только засоряетъ науку. Изъ какихъ бы благородныхъ побужденій ни проистекала эта погоня за витализмомъ, въ наукѣ ему не можетъ и не должно быть мѣста—уже по той простой причинѣ, что наукѣ рѣшительно нечего съ нимъ дѣлать. Какъ же быть? Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ согласиться, что біологія, какъ наука, должна быть позитивной; но слѣдуетъ также согласиться, что наше пониманіе жизни строится не на однихъ только научныхъ данныхъ. Позитивная философія, называющая себя именно философіей, уясняетъ намъ, въ чемъ предметъ біологіи съ научной точки зрѣнія; но она не даетъ намъ философскаго позиманія жизненнаго процесса во всей его полнотѣ, ибо то, что есть философія жизни по О. Конту, есть лишь научный элементъ ея. Приходится, однимъ словомъ, сознаться, что новѣйшія попытки реставраціи полу-забытыхъ воззрѣній Штала, совершенно бесплодныя въ научномъ смыслѣ, суть не что иное какъ одно изъ косвенныхъ порожденій позитивной философіи, желающей замѣнить собою и философію, и науку и питающей насъ только наукой. Нужно либо отказаться отъ философіи, либо признать, что контовское опредѣленіе предмета біологіи есть опредѣленіе не-философское.

Давши понятіе о предметѣ біологіи и опредѣливъ жизнь какъ нѣкоторый видъ движенія, О. Контъ переходитъ затѣмъ къ болѣе точному выясненію задачъ біологіи и ея методовъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего съ классическимъ положеніемъ, столь охотно повторяемымъ всѣми послѣдователями О. Конта: двойная задача біологіи состоитъ въ томъ, чтобы по данному органу или данному видоизмѣненію его найти отправленіе или дѣйствіе, и наоборотъ; при этомъ предполагается, что свойства и вліянія среды вполнѣ опредѣ-

ляются показаніями другихъ основныхъ наукъ, предшествующихъ біологіи по общей классификаціи наукъ.

Положеніе это не оставляетъ желать ничего лучшаго по своей ясности, простотѣ и краткости. Дѣйствительно, если ученому біологу посчастливилось раскрыть въ томъ или другомъ случаѣ постоянное и необходимое соотношеніе между строеніемъ и отправленіемъ, его можно поздравить съ большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Полное научное пониманіе строения внѣ связи съ отправленіемъ не мыслимо, точно также не мыслимо и полное научное пониманіе отправленія внѣ связи со строеніемъ. Два обширные потока біологическихъ изслѣдованій направляются такимъ образомъ въ одно общее русло.

Весьма любопытны, далѣе, соображенія О. Конта относительно біологической методики. По мнѣнію творца позитивной философіи, на первомъ мѣстѣ должно поставить наблюденіе. Въ помощь органамъ чувствъ являются многочисленныя научныя приборы, дѣлающіе, по выраженію Л. Больтцманна, наши природныя органы какъ-бы новыми органами чувствъ. Значеніе опыта оказывается болѣе ограниченнымъ, ибо въ высшей степени трудно подобрать для опыта такую обстановку, чтобы сопоставляемыя жизненныя явленія, простое и видоизмѣненное вмѣшательствомъ испытываемаго условія, различались между собою лишь въ одномъ этомъ отношеніи, лишь съ одной этой точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе цѣнны тѣ опыты, которые предоставляются въ наше распоряженіе самой природой: здѣсь имѣются въ виду многочисленныя патологическія состоянія, уродства и т. п. Необходимо только знать, въ чемъ выражается истинно нормальное состояніе организма, и каковы истинныя границы индивидуальныхъ отклоненій. Какъ бы то ни было, наиболѣе пригоднымъ средствомъ къ изученію живой природы О. Контъ признаетъ сравненіе. По его убѣжденію, біологія только тогда станетъ наукой совершенной, когда она охватитъ сравнительнымъ изученіемъ, подъ всѣми возможными видами, весь рядъ живыхъ существъ.

Трудно было бы и теперь прибавить что-либо существенное къ очерку біологической методики, представляемому О. Контомъ. Конечно, какъ и въ другихъ случаяхъ, чувствуется потребность въ нѣкоторыхъ оговоркахъ и поправкахъ; но сущность дѣла схвачена О. Контомъ въ общемъ довольно вѣрно. Всего менѣе удачными приходится считать разсужденія О. Конта относительно значенія опыта въ біологіи. Мы знаемъ, какое широкое распространеніе пріобрѣли опытные пріемы изслѣдованія въ области біологіи за текущее столѣтіе, и насколько важны результаты, добытые опытнымъ путемъ. Опытъ успѣлъ проникнуть во всѣ отдѣлы біологіи. Въ настоящее время опытъ уже оправдалъ себя не только въ области физиологіи нормальной и патологической, поскольку дѣло касается высшихъ животныхъ и растений, но и въ области микробиологіи. Вивисекціи производятся теперь не только надъ собаками, кроликами и лягушками, этими терпѣливыми домашними животными біологовъ, но и надъ простѣйшими организмами, доступными лишь вооруженному глазу. Весьма важные результаты получаются при пользованіи опытными способами изслѣдованія и въ области эмбриологіи и тератологіи (ученія объ уродствахъ). Современный біологъ не довольствуется изученіемъ тѣхъ уродствъ, которыя заготавливаются для него самой природой; онъ дѣятельно вмѣшивается въ эмбриологическій процессъ и, видоизмѣняя такъ или иначе теченіе его, лѣпитъ по произволу то тѣ, то другія новыя формы. Меня бы завело слишкомъ далеко даже краткое перечисленіе всего того, чѣмъ біологія обязана опыту; тѣмъ не менѣе я смѣю думать, что О. Контъ былъ все-таки правъ, неслишкомъ увлекаясь значеніемъ опыта и выдвигая на видное мѣсто значеніе сравненія. Надо, въ самомъ дѣлѣ, принять въ расчетъ, что въ его время опытное изслѣдованіе жизненныхъ явленій не могло похвалиться тѣми пріобрѣтеніями, которыя теперь находятся въ нашихъ рукахъ, да кромѣ того, ему слѣдовало особенно подчеркнуть значеніе сравнительнаго метода, не пользовавшагося должнымъ вниманіемъ.

емъ. И ближайшее будущее показало, насколько прозорливымъ былъ О. Контъ въ этомъ случаѣ. Всевозможныя сравнительныя науки біологическаго характера разрабатываются теперь множествомъ изслѣдователей, и почти каждый день приноситъ какія-нибудь новыя сравнительно-біологическія находки.

Все вышеизложенное относительно задачъ и методовъ біологіи представляется, безспорно, очень поучительнымъ; но, какъ это ясно безъ всякихъ дальнѣйшихъ истолкованій, мы остаемся цѣликомъ на почвѣ научной. Очевидно, чѣмъ дальше развиваетъ О. Контъ свои идеи относительно біологіи, тѣмъ дальше отходить онъ отъ того, что составляетъ собственно философскую область. Этимъ объясняется, между прочимъ, почему онъ не идетъ въ своихъ пожеланіяхъ дальше установленія постоянныхъ и необходимыхъ соотношеній между строеніемъ и отправленіемъ, причемъ всякая телеологія, столь поражающая насъ въ явленіяхъ живой природы, оставляется въ сторонѣ. Телеологическій принципъ трудно совмѣстимъ съ механистическимъ пониманіемъ біологіи; но насколько неистребима потребность въ телеологическомъ объясненіи жизненныхъ явленій, явствуетъ хотя-бы изъ громаднаго успѣха дарвинизма, который вѣроваль въ возможность провести телеологию въ ученіе о живой природѣ подъ флагомъ механистическаго ученія. Выходило такъ, что игрою механическихъ факторовъ, слѣпыхъ, глухихъ и безразличныхъ въ смыслѣ какого бы то ни было сознательнаго цѣлеположенія, создается изумительное по стройности царство живой природы, гдѣ все цѣлесообразно или стремится къ цѣлесообразности. Безъ сомнѣнія, научное объясненіе того или другаго біологическаго явленія можетъ обойтись безъ указанія на цѣль этого явленія въ ряду другихъ явленій. Но спрашивается: теряемъ-ли мы что нибудь, если намъ удастся установить не только фактъ соотношенія между строеніемъ и отправленіемъ, но и проникнуть въ тѣ ближайшія цѣли, которыя достигаются тѣмъ или другимъ отправленіемъ, тѣмъ или другимъ строеніемъ въ общей экономіи? Простой здра-

вый смысл подсказывает на этот вопрос отрицательный отвѣтъ: нѣтъ, не теряемъ. И даже наоборотъ: научное изслѣдованіе, не дающее намъ телеологическаго прозрѣнія, хотя-бы только предположительнаго, оставляетъ насъ неудовлетворенными. Все это я говорю не въ защиту телеологическихъ объясненій, которыя сами по себѣ, въ качествѣ объясненій не-механическихъ, бесплодны для науки о жизни, а лишь для того, чтобы показать, какъ соблазнительно для нашей мысли прозрѣніе въ то царство цѣлей, гдѣ поэтическое чувство наше разрѣшаетъ въ какой-то всеобъемлющей гармоніи всѣ наши недоумѣнія и тревоги, гдѣ все разумно не только въ смыслѣ причиннаго объясненія, но и въ смыслѣ объясненія телеологическаго. Если же это такъ, то для философствующаго ума задачи біологіи и методы ея должны быть, очевидно, расширены. Біологъ, какъ научный работникъ, можетъ довольствоваться тѣмъ, что ему даетъ по этой части О. Контъ. Но именно поэтому онъ, т.-е. этотъ біологъ, не можетъ считать дѣла поконченнымъ. Онъ долженъ искать другого въ другомъ мѣстѣ. Механистическое пониманіе задачъ біологіи, предполагающее соответствующую методику, есть единственно возможное для науки; при нежеланіи пользоваться терминологіей, сдѣлавшейся подозрительной, благодаря слѣпому усердію матеріалистическихъ проповѣдниковъ, мы можемъ, пожалуй, отбросить механику и признать біологію за энергетику жизненныхъ явленій—существо дѣла этимъ не затрогивается. Но вѣдь человѣчество домогается, въ концѣ концовъ, не одной механики и не одной энергетике; оно домогается яснаго уразумѣнія внутренняго смысла жизненныхъ явленій, а для этого однихъ законовъ біологическихъ явленій, устанавливаемыхъ съ помощью внѣшнихъ наблюденія, опыта и сравненія, слишкомъ мало. Мы ищемъ прозрѣнія въ то царство цѣлей, которое для науки о жизненныхъ явленіяхъ какъ-бы не существуетъ; мы неизмѣнно пользуемся самонаблюденіемъ и внутреннимъ опытомъ, вводящими насъ туда, куда внѣшніе наблюденіе, опытъ и сравненіе доступа не имѣютъ.

Бросая общій взглядъ на всю совокупность біологическихъ изысканій, мы легко различаемъ въ біологіи ея статическіе и динамическіе элементы. Біологія распадается, очевидно, на двѣ части, но обѣ части остаются тѣсно связанными между собою. Біологія статическая изучаетъ законы организаціи, біологія динамическая — законы жизненныхъ отправленій. Біологія статическая распадается, далѣе, на біотомію и біотаксію, смотря по тому, разсматриваются ли организмы, при изученіи строенія и состава ихъ, въ отдѣльности, или же сравнительно, причемъ устанавливается великая біологическая іерархія. Біологію динамическую О. Контъ предлагаетъ называть біономіей. Сообразно съ сказаннымъ, приходится подраздѣлить біологію на біотомію, біотаксію и біономію. Раздѣленіе это покажется болѣе простымъ, если подъ терминологию О. Конта подставить болѣе привычныя выраженія. Ясно, что О. Контъ усматриваетъ въ біологіи три вѣтви: анатомію простую, анатомію сравнительную и физиологію.

По мнѣнію О. Конта, анатомическія изысканія должны начинаться съ тканей; затѣмъ должно слѣдовать изученіе законовъ, опредѣляющихъ сочетаніе тканей въ органы и сочетаніе органовъ въ приборы. Необходимо, однако-же, различать собственно анатомическіе элементы тѣла отъ органическихъ продуктовъ, уже вышедшихъ изъ жизненнаго процесса или еще не вступившихъ въ него. Споры и пререканія относительно жизненныхъ свойствъ жидкостей обусловливаются, по О. Конту, неправильной постановкой вопроса: для развитія жизненнаго процесса необходимы и плотныя, и жидкія части, ибо основныя идеи жизни и организаціи по необходимости соотносительны и нераздѣлимы: плотными частями опредѣляется организація, жидкими обусловливается самая возможность жизни. Отсюда слѣдуетъ, что ни абсолютный гуморизмъ, ни абсолютный солидизмъ допущены быть не могутъ. Какъ бы то ни было, изученіе плотныхъ составныхъ частей должно быть преобладающимъ, ибо организація связана ближайшимъ образомъ имен-

но съ этими частями. Существенной и первичной основой организма является клѣточная ткань. Ткань эта преобразуется въ другія ткани, причемъ въ однихъ случаяхъ измѣняется лишь строеніе, а въ другихъ и самый составъ. Мышечная и нервная ткани разсматриваются поэтому какъ производныя клѣточной ткани. Нѣкоторые притязательные умы, особенно въ Германіи, не удовлетворяются такимъ сведеніемъ всѣхъ тканей къ одной первичной ткани—они стремятся разложить эту первичную ткань на своеобразныя органическія монады, являющіяся какъ-бы истинными первичными элементами всякаго живого тѣла. О. Контъ настаиваетъ на химеричности подобнаго стремленія, могущаго лишь затормозить поступательное движеніе науки. Онъ отказывается даже понять, въ чемъ могла бы состоять организація или жизнь простой монады.

За „философіей анатомической“ слѣдуетъ „философія біотаксическая“. Иерархическое соподчиненіе всѣхъ извѣстныхъ и даже лишь возможныхъ организмовъ составляетъ одну изъ необходимыхъ предпосылокъ для біологическаго умозрѣнія. Оставляя въ сторонѣ частности, ограничусь замѣчаніемъ, что О. Контъ высказывается противъ Ламарка и становится на сторону Кювье, котораго онъ, впрочемъ, также оспариваетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. О. Контъ утверждаетъ, что вліяніе среды никоимъ образомъ не можетъ простираться слишкомъ далеко, до трансформации родовъ и семействъ.

Таковы въ существенныхъ чертахъ воззрѣнія О. Конта на жизненную статику.

Всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ развитіемъ научной біологіи за послѣднія десятилѣтія, легко согласится со мною, если я скажу, что и тодько-что отмѣченныя сужденія О. Конта содержатъ въ себѣ много вѣрнаго. Къ сожалѣнію, въ нихъ немало и ложнаго, ибо научная область, въ которой вращается мысль О. Конта, расширилась и усовершенствовалась за это время въ высокой степени. Не нужно принадлежать къ числу тѣхъ притязательныхъ гер-

манскихъ умовъ, къ которымъ О. Контъ относится такъ пренебрежительно, чтобы признать, что изученіе анатомическихъ отношеній мы должны начинать не съ тканей, а съ клѣтокъ, и что анатомическое расчлененіе самыхъ клѣтокъ стоитъ нынѣ на совершенно твердой почвѣ. Правда, органическія монады и насъ соблазняютъ очень мало; большинство осторожныхъ изслѣдователей сторонится отъ всѣхъ этихъ пластидуль, мицеллей и другихъ гипотетическихъ единицъ живой матеріи. Но вѣдь нельзя не сознаться, что сторонимся мы отъ нихъ не потому, чтобы мы были убѣждены въ однородности и безусловной простотѣ клѣтки, и не потому, чтобы дальше клѣтки мы ничего не желали видѣть, а потому, что наши наличныя данныя еще слишкомъ скудны. Люди съ весьма хорошимъ естественно-научнымъ образованіемъ и съ трезвымъ философскимъ складомъ ума, какъ Ч. Дарвинъ и Г. Спенсеръ, не отказываются отъ принципиальной возможности научно разсуждать, а не только фантазировать, объ этихъ гипотетическихъ единицахъ. Слѣдуетъ, далѣе, оговориться, что весьма тонкія и остроумныя соображенія О. Конта относительно гуморизма и солидизма не разрѣшаютъ задачи окончательно. Намъ извѣстны завѣдомо живыя образованія со всей полнотой жизненныхъ свойствъ, не превышающія по своимъ размѣрамъ дробной части I кубическаго микромиллиметра, т. е. I тысячной миллиметра въ кубѣ. Эту величину такъ-же невозможно представить себѣ конкретно, какъ невозможно представить себѣ конкретно какую-нибудь гигантскую астрономическую величину, и тѣмъ не менѣе человѣческая мысль, вѣчно тѣряющаяся, какъ еще замѣтилъ Паскаль, передъ безконечно великимъ и передъ безконечно малымъ, сумѣла овладѣть этими живыми существами, научилась даже управлять ихъ жизненнымъ процессомъ. Очевидно, это не пустая фантастика, не химерическое измышленіе, а подлинная дѣйствительность. А почему бы не допустить жизни въ еще болѣе мелкихъ частицахъ, ускользающихъ отъ наилучшихъ оптическихъ приборовъ, и гдѣ окажутся тогда контовскія пред-

ставленія о принципахъ организаціи, предполагающія наличности плотныхъ веществъ въ грубомъ смыслѣ слова? Не могу также не замѣтить, что требованіе О. Конта свести всѣ ткани къ одной основной клѣточной ткани никого уже въ настоящее время удовлетворить не можетъ. Успѣхи эмбриологіи приводятъ насъ къ одному основному клѣточному элементу—яйцевой клѣткѣ, въ которую внѣдряется другой основной клѣточный элементъ—сперматозома; ткани оказываются безспорно не первичными образованіями, а вторичными. Конечно, мысль О. Конта о послѣдовательной дифференцировкѣ тканей сохраняетъ свою силу понынѣ; но не ясно-ли все-таки, что онъ слишкомъ скромно оцѣнивалъ эволюціонную способность науки, когда выражалъ свои запреты? Что касается принциповъ трансформизма, провозглашенныхъ Ламаркомъ, то недостаточность ихъ хорошо сознается теперь всѣми, и въ этомъ отношеніи критику О. Конта нельзя не считать проницательною. Мнѣ нѣтъ, однако-же, надобности настаивать на томъ, что сужденіями О. Конта врядъ-ли могли бы воспользоваться тѣ, кто пожелалъ бы оспаривать послѣдующихъ представителей трансформизма и въ особенности Ч. Дарвина.

Не удовлетворяясь въ полной мѣрѣ жизненною статикой О. Конта съ научной стороны, я не могу удовлетвориться ею и съ философской точки зрѣнія. Здѣсь необходимо сказать хотя-бы нѣсколько словъ о томъ, какъ мы представляемъ себѣ философскую утилизацію научныхъ матеріаловъ, и какъ слѣдуетъ понимать такія выраженія, какъ философія біологіи, философія анатоміи, философія біотаксіи и т. п.

Въ мірѣ явленій, изучаемомъ наукой, царятъ чрезвычайное разнообразіе, величайшая пестрота, неугомная смѣна формъ и состояній. На первый взглядъ кажется, будто-бы это сушій хаосъ. Но первый взглядъ насъ обманываетъ. Къ міру явленій подходит наука и показываетъ намъ, что этотъ мнимый хаосъ подчиненъ единообразнымъ законамъ, что въ этой, повидимому, случайной сутолокѣ имѣются свои постоянныя. Въ мірѣ явленій начинается сквозить норма, въ

немъ раскрывается присутствіе чего-то неизмѣннаго. Явленія мимолетны, но законы ихъ постоянны. Постоянство это свидѣтельствуетъ о томъ, что за колеблющейся тканью явленій имѣется незыблемая основа, пребывающая въ условіяхъ не случайнаго, а постояннаго. Для этого постояннаго не страшны ни время, ни пространство; оно какъ бы внѣ ихъ. Постоянное въ явленіяхъ, опредѣляемое наукой все съ большею и большею точностью, все съ большею и большею полнотой, усугубляетъ нашу надежду на то, что феноменальному соотвѣтствуетъ нѣчто ноуменальное, непроницаемое для научнаго познанія, но доступное для умозрѣнія философскаго. Надежда эта внѣдрена въ нашу душу первѣе науки, но питается она, между прочимъ, и наукой, а именно постоянными элементами ея, родственными безусловному. Изъ этого чаянія выросла вся философія, которая къ научнымъ достовѣрностямъ (*certitudes*) прибавляетъ свои вѣроятности и грезы (*probabilités u rêves*), если позволительно примѣнить здѣсь по-своему слова Ренана. Какъ наука есть лишь усовершенствованное и просвѣтленное познаніе явленій, зачинающееся раньше науки, такъ и философія есть лишь прошедшая черезъ строгую теорію познанія и закрѣпленная общимъ логическимъ синтезомъ надежда проникнуть въ міръ ноуменовъ, смутно предчувствуемый раньше философіи.

Сообразно съ сказаннымъ, отношеніе науки къ философіи можно мыслить такъ: отбрасывая случайное и частное, наука устанавливаетъ въ мірѣ явленій общія и постоянныя законности и кодифицируетъ ихъ съ точки зрѣнія своихъ потребностей; философія беретъ этотъ устойчивый остатокъ желѣзныхъ законовъ, управляющихъ дѣйствительностью, и сплавляетъ его съ другими матеріалами, заимствуемыми ею изъ другихъ источниковъ и принадлежащими ей самой. Содержаніе науки не переходитъ цѣликомъ въ содержаніе философіи; но содержаніе науки своими постоянными и закономѣрными элементами неизмѣнно участвуетъ въ томъ великомъ синтезѣ, который вырабатывается философіей.

Подлинное содержаніе философіи никогда не исчерпывалось высшими обобщеніями науки, только намѣчающими міръ ноуменовъ, и подлинное содержаніе науки было всегда шире этихъ высшихъ обобщеній, оставляющихъ многое внѣ узъ постояннаго и закономѣрнаго уже въ силу неизбѣжнаго несовершенства науки. Философія данной частной науки не есть поэтому простой систематическій сводъ ея высшихъ обобщеній—философія данной частной науки, предполагающая опознаніе того значенія, которое принадлежитъ постояннымъ и закономѣрнымъ элементамъ этой науки въ общей философской системѣ, есть ученіе о ноуменальной сторонѣ предмета данной науки, рассматриваемаго научными изслѣдователями лишь со стороны феноменальной.

Если послѣ всѣхъ этихъ разсужденій, весьма несовершенныхъ, конечно, и далеко не полныхъ, мы обратимся къ только-что прореферированному отдѣлу *Cours de philosophie positive*, то легко станетъ понятнымъ, почему нельзя удовлетвориться этимъ отдѣломъ съ точки зрѣнія философской. Очевидно, во-первыхъ, что передъ нами лишь высшія научныя обобщенія, или обобщенія, признаваемые за таковыя; столь-же очевидно, во-вторыхъ, что отношеніе этихъ высшихъ обобщеній къ основнымъ задачамъ философіи остается совершенно невыясненнымъ. Философія жизненной статики по О. Конту не есть, однимъ словомъ, философія,—это только матеріалъ для нея, притомъ не сплошь доброкачественный. Нужно-ли прибавлять, что и другіе отдѣлы позитивной біологіи О. Конта страдаютъ тѣмъ-же существеннымъ недостаткомъ? Высказывая настоящія замѣчанія именно здѣсь, по поводу жизненной статики, я имѣю въ виду лишь удобства изложенія, а также и то, что на этотъ разъ недостаточность контизма выступаетъ съ особенною отчетливостью.

Спѣшу перейти къ жизненной динамикѣ или физиологіи, которую, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ біологіей.

Хотя всѣ жизненныя явленія находятся всегда въ тѣсной связи между собой, тѣмъ не менѣе, въ силу естественнаго

соображенія объ ихъ убывающей общности, ихъ приходится раздѣлить на нѣсколько группъ. Прежде всего О. Контъ различаетъ, вслѣдъ за Биша, органическую или растительную жизнь, общую всѣмъ живымъ существамъ, и жизнь собственно животную, свойственную животнымъ организмамъ. Далѣе, въ качествѣ особливаго порядка явленій, онъ признаетъ наличность третьей группы біологическихъ явленій, составляющихъ психическую жизнь. Положительное изученіе умственныхъ и нравственныхъ явленій оказывается такимъ образомъ послѣдней основной вѣтвью физиологіи; точное разслѣдованіе относящихся сюда явленій возможно только на организмахъ, ближайшихъ къ человѣческому организму.

Обозрѣніе основныхъ соображеній касательно растительной или органической жизни открывается общей теоріей органическихъ средъ, выясняющей значеніе для жизненнаго процесса такихъ факторовъ, какъ тяжесть, давленіе, температура, свѣтъ, электричество и т. п. Не забыто и рациональное изслѣдованіе тѣхъ особыхъ измѣненій, которыя вызываются въ организмахъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ веществъ, причемъ дѣлается небольшая экскурсія въ область ученія о специфическихъ лѣчебныхъ средствахъ, которыя стремятся занять столь видное мѣсто и въ современной медицинѣ. Истинно философскій характеръ физиологіи, говорить затѣмъ О. Контъ, обусловливается установленіемъ точной и постоянной гармоніи между статической и динамической точками зрѣнія, между идеями организациі и идеями жизни, между представленіемъ о дѣятелѣ и представленіемъ о дѣйствиі. Отсюда вытекаетъ необходимость свести всѣ наши отвлеченныя представленія о физиологическихъ свойствахъ къ изслѣдованію элементарныхъ и общихъ явленій, изъ которыхъ каждое необходимо вызываетъ въ насъ идею о какомъ-нибудь болѣе или менѣе ограниченномъ мѣстѣ въ тѣлѣ (или сѣдалищѣ). Согласно, по мѣрѣ возможности, анализъ физиологическій съ анализомъ анатомическимъ, мы можемъ сказать, что идея о свойствѣ соотвѣтствуетъ идеѣ

о ткани, тогда какъ идея о функции соотвѣтствуетъ идеѣ объ органѣ. Растительная или органическая жизнь характеризуется тремя существенными свойствами — гигроскопичностью, волосностью и упругостью, составляющими принадлежность основной или первичной ткани, т.-е. вышеназванной клѣточной ткани. Что касается функций, связанныхъ съ органами растительной жизни, то таковыхъ О. Контъ различаетъ двѣ: поглощеніе или всасываніе питательныхъ веществъ, подлежащихъ усвоенію, и выдѣленіе наружу частицъ, подлежащихъ разусвоенію. Очевидно, существенные акты, изъ которыхъ слагается растительная жизнь, суть, по своей природѣ, явленія физико-химическія, доступныя физико-химическому анализу. Къ тремъ основнымъ свойствамъ и двумъ основнымъ функциямъ растительной или органической жизни, только-что названнымъ, примыкаютъ явленія болѣе сложныя, на которыя приходится смотрѣть какъ на результатъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ частей организма. Здѣсь разумѣются воспроизведеніе или размноженіе и развитіе или переходъ черезъ фазы возрастанія и увяданія. Сообразно съ этимъ, окончательное представленіе о результатѣ оказывается соотвѣтствующимъ уже не ткани или органу, а цѣлому организму. Къ сожалѣнію, эта область остается еще очень темной, главнымъ образомъ, потому, полагаетъ О. Контъ, что въ ней ищутъ того, что не можетъ быть найдено, — ищутъ причинъ, а не законовъ. Не удивительно, что и общая теорія смерти продвинулась впередъ очень незначительно.

Съ точки зрѣнія современной научной біологіи воззрѣнія О. Конта на задачи растительной физиологіи представляютъ, безспорно, много цѣннаго. Различеніе растительныхъ и собственно животныхъ отправленій стало однимъ изъ обычнѣйшихъ пріемовъ группировки физиологическихъ явленій. Довольно замѣтный пробѣлъ въ схемѣ соотношеній между растительнымъ и животнымъ царствами зависитъ отъ причинъ, которыя не были во власти О. Конта: я разумѣю здѣсь то царство микробовъ, которымъ оба вышеназванныя царства смыкаются въ одинъ цѣльный физиологическій кругъ.

и который былъ почти неизвѣстенъ въ то время, когда О. Контъ писалъ свой *Cours de philosophie positive*. Очень здравыми представляются намъ и всѣ замѣчанія О. Конта касательно сведения всѣхъ нашихъ отвлеченныхъ представлений о физиологическихъ свойствахъ къ изслѣдованію элементарныхъ и общихъ явленій. Идеи о физиологическихъ свойствахъ, дѣйствительно, могутъ весьма легко преобразиться въ старья представленія о метафизическихъ сущностяхъ, бесплодныя для науки, если физиологъ увлечется разсужденіями о свойствахъ, оторванныхъ отъ реальной почвы. Физиологъ долженъ оперировать не надъ свойствами, а надъ явленіями, стремясь къ разложенію явленій сложныхъ на явленія простѣйшія и прилагая всѣ усилія къ установленію тѣхъ законностей, которыми опредѣляется механизмъ явленій. Правда, было бы трудно согласиться въ настоящее время съ О. Контомъ, что идея о функціи связывается лишь съ идеей объ органѣ. Дѣло въ томъ, что при помощи микроскопическаго анализа мы давно уже добрались до клѣтокъ, изъ которыхъ слагаются ткани и органы, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы можемъ уже съ полнымъ правомъ говорить о функціи отдѣльныхъ клѣтокъ. Съ другой стороны, и тѣ три основныя свойства, на которыя указываетъ О. Контъ, какъ на принадлежность основной или первичной ткани, не играютъ въ современныхъ физиологическихъ ученіяхъ той самостоятельной роли, которая предугадывается для нихъ О. Контомъ, да и самая мысль объ основной или первичной ткани нуждается въ существенныхъ поправкахъ. Какъ бы то ни было, съ сущностью требованій О. Конта приходится считаться и въ настоящее время; сущность же эта состоитъ въ томъ, чтобы разлагать жизнь не на отвлеченныя свойства, а на реальныя явленія, изъ которыхъ она слагается въ дѣйствительности. Это значитъ, другими словами, что и при перенесеніи центра тяжести съ органовъ и тканей на клѣтки мы должны уяснять себѣ жизнь клѣтки какъ сумму нѣкоторыхъ опредѣленныхъ дѣйствій, имѣющихъ свой особый механизмъ. Здѣсь же возникаетъ множество новыхъ вопросовъ, невѣдомыхъ

О. Контю. Одинъ изъ этихъ вопросовъ заслуживаетъ особаго вниманія. Надо отчетливо понять, что все то, что является какъ свойство ткани, функція органа или результатъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ частей тѣла, есть на самомъ дѣлѣ жизнь клѣтокъ, составляющихъ эту ткань, этотъ органъ или этотъ организмъ. Функція есть понятіе служебное, жизнь есть понятіе самостоятельное. Клѣтки живутъ, а не функціонируютъ; или, еще точнѣе, клѣтки сложнаго организма функціонируютъ въ интересахъ цѣлаго, живя своею жизнью. Какимъ образомъ жизненные процессы великаго множества клѣтокъ, образующихъ тѣло сложнаго организма, сливаются въ нѣкоторое стройное цѣлое съ расчлененной системой органовъ и тканей, это одна изъ величайшихъ загадокъ біологій, въ которой мы едва-едва начинаемъ теперь разбираться. Не подлежитъ сомнѣнію, что два главныхъ отправленія растительной жизни, на которыя указываетъ О. Контъ, а именно поглощеніе и выдѣленіе, сдѣлаются доступными полному научному пониманію лишь постольку, поскольку питаніе цѣлаго сложнаго организма удастся понять, какъ результатъ питанія составляющихъ его клѣтокъ. Что касается явленій воспроизведенія и развитія, то право ихъ на мѣсто въ растительной фізіологій вообще можетъ быть допущено безъ особаго затрудненія. Слѣдуетъ, однакоже, имѣть въ виду, что организмы растутъ не потому только, что они питаются; точно также и размножаются они не потому только, что питаются; да и самая смерть далеко не всегда есть лишь простое завершеніе болѣе или менѣе длиннаго ряда питательныхъ явленій. При изученіи явленій роста съ его различными фазами, а также при изученіи явленій размноженія и развитія вообще, мы вынуждены считаться съ какимъ-то особымъ формальнымъ принципомъ, который, *ohne Weiteres*, не можетъ быть сведенъ къ физико-химическимъ явленіямъ, обусловливающимъ питаніе организма въ тѣсномъ смыслѣ слова. Дѣло не въ томъ, что ищутъ причинъ, а не законовъ,—бѣда въ недостаточности нашихъ знаній, касающихся молекулярной механики, которая, согласно

справедливому замѣчанію Секки, находится по сей день почти въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находилась небесная механика во времена Кеплера. Неоднократныя нападки О. Конта на біологовъ и другихъ изслѣдователей за то, что они затрачиваютъ слишкомъ много времени и силъ на поиски причинъ, основательны, конечно, лишь постольку, поскольку причины признаются вообще непостижимыми для науки, т.-е. постольку, поскольку онѣ мыслятся ненаучно, что составляетъ очевидный трузизмъ, изъ-за котораго не стоитъ спорить. Но вѣдь законъ достаточнаго основанія заложенъ неистребимымъ образомъ въ каждой здравой логикѣ, да и причины на самомъ дѣлѣ постижимы для науки, если только подъ причинною связью между явлениями подразумѣвается не отнесеніе даннаго явленія къ той или другой внѣ-опытной сущности, а установленіе нѣкоторыхъ постоянныхъ соотношеній между явлениями, съ раскрытіемъ приложимости того или другого общаго закона къ данному частному случаю.

Общія представленія о растительной жизни, складывающіяся въ нашемъ умѣ подъ влияніемъ ученія О. Конта, достаточны для болѣе или менѣе успѣшнаго развитія растительной физиологіи. Но даетъ-ли намъ позитивная біологія О. Конта все то, чего домогается наша мысль при оцѣнкѣ явленій растительной или органической жизни?

Человѣкъ, съ точки зрѣнія объективной, какъ природное данное, продѣлываетъ все то, что продѣлываютъ и другіе организмы. Не удивительно, конечно, что въ немъ есть растительная жизнь, что онъ питается, возрастаетъ, размножается, увядаетъ и умираетъ. Но вѣдь нельзя же отказаться и отъ субъективной точки зрѣнія. Выйдя изъ сумеречнаго состоянія первобытнаго дикаря, человѣкъ хочетъ знать, для чего ему питаться, если въ концѣ концовъ его самого пожретъ время; онъ хочетъ знать, можетъ-ли онъ плодить жизнь, которая „яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтеть“. Растительная жизнь должна быть понята не въ одной только научной, объективной истинѣ, но и въ своей внут-

ренней, философской правдѣ. Оправданіе растительной жизни, этой органической первоосновы, на которой покоится и животная жизнь съ ея драгоценнѣйшими для насъ психическими отправлениями, есть такая-же несомнѣнная потребность развитого человѣческаго сознанія, какъ и уразумѣніе тѣхъ законностей, которымъ подчиняются растительные процессы и установленіемъ которыхъ занимается растительная физиологія. И что это въ самомъ дѣлѣ такъ, показываетъ вся исторія культурнаго человѣчества. Никогда не переводились аскетическія побужденія, никогда не умолкала аскетическая проповѣдь. Начиная съ самыхъ несложныхъ правилъ самообузданія и самоограниченія, преподносимыхъ отъ лица гігіены съ утилитарными цѣлями, и оканчивая полу-изувѣрскимъ и полу-психопатическимъ отрицаніемъ всякой пищи и всякихъ плотскихъ вожделѣній, провозглашаемыхъ отъ лица философскаго и религіознаго экстаза, нашу растительную жизнь преслѣдуютъ и въ концѣ XIX-го вѣка всяческими предписаніями, направленными къ подавленію ея самовольнаго и черезчуръ пышнаго расцвѣта. На-ряду съ аскетами шли и другіе проповѣдники, призывавшіе къ широкому пользованію благами растительной жизни, утверждавшіе эту жизнь во всѣхъ возможныхъ и даже невозможныхъ направленіяхъ. Невольно приходитъ здѣсь на мысль и великая культурно-историческая роль искусства съ его любовнымъ созерцаніемъ всей полноты жизни, не только духовной, но и плотской, съ его неугомоннымъ стремленіемъ заселять нашъ природный міръ все новыми и новыми образами, которыми сознаніе наше такъ-же дорожить, какъ и плодами любви тѣлесной. Не удовлетворяясь непосредственнымъ матеріальнымъ самовоспроизведеніемъ, человѣкъ путемъ своеобразнаго художественнаго постиженія міра возсоздаетъ въ чувственныхъ образахъ все идеальное содержаніе его, привлекаемый къ нему глубокимъ любовнымъ чувствомъ. Понятно, въ виду этого, почему аскетическое самообузданіе ополчилось не только противъ растительной жизни, но и противъ искусства; понятно также, почему и жизнерадостное на-

слаженіе растительными отправлениями. шло сплошь и рядомъ рука объ руку съ безграничнымъ культомъ искусства, въ концѣ концовъ унижавшимъ его. И я врядь-ли вызову слишкомъ большія недоумѣнія, если скажу, что искусство порождено любовью къ жизни и міру, что искусство есть систематизированная, облагороженная и одухотворенная любовь, подобно тому, какъ философія есть строго образумленная, всячески оправдываемая и оправданная надежда. Я не буду, впрочемъ, входить въ разсмотрѣніе всѣхъ возникающихъ при этомъ вопросовъ по существу, такъ какъ мнѣ хочется только показать, что собственно научная точка зрѣнія недостаточна для оцѣнки всего значенія растительной жизни; какъ она недостаточна и въ другихъ случаяхъ.

За физиологіей растительной или органической жизни слѣдуетъ физиологія животной жизни. Основными явлениями оказываются здѣсь раздражительность и чувствительность. Въ неорганическомъ мірѣ мы не встрѣчаемъ ничего подобного. Раздражительность, по мнѣнію О. Конта, не отдѣлима отъ чувствительности. Это двойное жизненное свойство должно быть разсматриваемо какъ первичное свойство извѣстныхъ тканей — нервной и мышечной, а потому оно и представляется безусловно необъяснимымъ. По мнѣнію О. Конта, здѣсь такая-же тайна, какъ и въ случаѣ всякаго другого основного физическаго свойства. Раздражительность и чувствительность сопоставляются имъ съ тяжестью, теплотою и т. д.; только біологи-метафизики могутъ надѣяться разгадать эту великую загадку. Позитивная теорія животной жизни стремится къ точному анализу явленій раздражительности и чувствительности и къ установленію соотвѣтствующихъ законностей, опредѣляющихъ порядокъ сосуществованія или послѣдовательности этихъ явленій. Животная жизнь, возникающая на основѣ растительной жизни, служитъ въ концѣ концовъ этой-же растительной жизни. Весьма важно, далѣе, что позитивная теорія животной жизни, опирающейся на жизнь растительную, признается тѣсно связанной съ философіей неорганической природы. Заключи-

тельные акты раздражительности, т.-е. явления мышечной сократительности, подчинены, безъ сомнѣнія, самымъ общимъ законамъ неорганической физики. О.Контъ оспариваетъ Биша, который принималъ, что раздражительностью и чувствительностью обладаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ всѣ ткани. Онъ настойчиво повторяетъ, что существуютъ собственно животныя ткани, призванныя быть носительницами животныхъ отправления, —ткани мышечная и нервная. Раздражительность есть явленіе необходимо животное, ибо, по мнѣнію О. Конта, она предполагаетъ соответствующую иннервацию. Движенія произвольныя и непроизвольныя подлежатъ обсужденію съ этой-же точки зрѣнія, причемъ особой пользы можно ожидать отъ изученія движеній, бывшихъ сначала непроизвольными и ставшихъ затѣмъ произвольными, и наоборотъ. Явленія чувствительности должны быть разслѣдованы прежде всего въ отношеніи органовъ чувствъ, доставляющихъ намъ внѣшнія впечатлѣнія. Внутренняя чувствительность, обнимающая, по О.Конту, всѣ умственныя и нравственныя функціи, составляетъ, согласно вышесказанному, особую часть физиологіи, о которой рѣчь впереди. Органы чувствъ слѣдуетъ изучать въ порядкѣ возрастанія ихъ спеціального характера; на первомъ мѣстѣ ставится осязаніе, далѣе называются вкусъ, обоняніе, зрѣніе и слухъ. Весьма важно также изслѣдованіе ощущений, исходящихъ отъ самого организма и не извѣщающихъ насъ о внѣшнемъ мірѣ. Лекція, посвященная животной жизни, заканчивается разсужденіями относительно прерывистаго характера животныхъ функцій и значенія привыканія, относительно различныхъ степеней проявленія раздражительности и чувствительности и двухъ главныхъ формъ сочетанія животныхъ функцій—симпатій и синэргій. Прерывистый характеръ животныхъ функцій заключаетъ въ себѣ и самую возможность привыканія. При достаточно внимательномъ разсмотрѣніи вопроса оказывается, впрочемъ, что привыканіе можетъ быть сведено въ научномъ смыслѣ ко всеобщему закону инерціи. По степени проявленія животныхъ дѣятельностей, О. Контъ

различаетъ уклоненія отъ средней величины въ обѣ стороны, т.-е. и въ сторону угнетенія, и въ сторону чрезмѣрнаго усиленія. Что касается, наконецъ, симпатій и синергій, то разница между ними въ томъ, что первыя соотвѣтствуютъ сочетанію нѣсколькихъ органовъ для совмѣстнаго выполненія извѣстной функціи при патологическихъ условіяхъ, а вторыя такому-же сочетанію при условіяхъ нормальныхъ. Симпатіи и синергіи являются исключительною принадлежностью животной жизни. О. Контъ полагаетъ, что изученіе синергій приведетъ насъ къ уразумѣнію той цѣлостности и того единства, которыя присущи каждому животному организму.

Противъ сведенія животной или относительной жизни къ явленіямъ раздражительности и чувствительности ничего не возражаетъ и современная научная біологія. Слѣдуетъ, конечно, имѣть въ виду, что терминъ: „животная жизнь“ имѣетъ лишь условное значеніе. Дѣло въ томъ, что явленія раздражительности и чувствительности свойственны не однимъ животнымъ, но и нѣкоторымъ растительнымъ образованіямъ. Кому не извѣстны, напримѣръ, растительные оплодотворяющіе элементы, обладающіе чрезвычайною подвижностью? Въ общемъ можно все-таки признать, что раздражительность и чувствительность выступаютъ гораздо отчетливѣе въ животномъ царствѣ, чѣмъ въ растительномъ. Можно ли, однако, согласиться съ О. Контъ, что сущность и причины раздражительности и чувствительности должны остаться навсегда сокрытыми для науки? Мнѣ кажется, сопоставленіе раздражительности и чувствительности въ качествѣ совершенно однородныхъ по своей научной непостижимости категорій не можетъ быть признано основательнымъ, какъ бы ни понимать такія выраженія, какъ „сущность“ и „причины“. Подвергая раздраженію двигательный нервъ, связанный съ мышцею, мы получаемъ укороченіе и утолщеніе мышцы — вотъ одно изъ наиболѣе обычныхъ проявленій раздражительности. Опредѣлить природу этого явленія животной жизни значитъ опредѣлить тотъ механизмъ, который лежитъ

въ основаніи возбужденія нервнаго проводника, съ одной стороны, и въ основаніи укороченія и утолщенія мышцы, съ другой. Какъ ни чрезвычайно трудна эта задача, она все-таки, — по крайней мѣрѣ, въ будущемъ, — можетъ быть мыслима разрѣшенной въ предѣлахъ науки, ибо все остается въ границахъ объективнаго перераспредѣленія вещества и силы. Чувствительность, какъ таковая, дана лишь въ нашемъ внутреннемъ опытѣ; по аналогіи мы предполагаемъ ее и въ другихъ живыхъ существахъ, въ той или другой степени развитія. Даже безъ атрибута сознательности, чувствительность является передъ нами какъ нѣчто внутреннее, какъ нѣкоторый субъективный коррелятъ чего-то объективнаго — можетъ быть, движенія матеріальныхъ частицъ нервной субстанции и т. п. Очевидно, чувствительность вводитъ насъ въ область психическихъ явленій, съ которыми наукѣ, дѣйствительно, не справиться, если только требовать отъ науки не простой регистраціи этихъ явленій, а раскрытія ихъ подлинной природы. Сколько бы ни углублялось анатомическое и физиологическое изученіе матеріальнаго субстрата жизненныхъ явленій, научной біологіи не удастся перейти отъ объективнаго къ субъективному: она будетъ скользить по поверхности субъективнаго, но не погрузится въ него. Уже этихъ бѣглыхъ замѣчаній вполне достаточно для того, чтобы отвергнуть правомѣрность того сопоставленія раздражительности и чувствительности, которое дѣлается О. Контомъ. Нельзя обойтись безъ возраженій и по поводу утвержденій О. Конта, будто-бы только мышечная и нервная ткани служатъ носительницами раздражительности и чувствительности. Тутъ снова съ полною рѣзкостью обнаруживается опасность научныхъ предсказаній ограничительнаго свойства, не вытекающихъ изъ логики вещей и касающихся факта. При изученіи явленій раздражительности и чувствительности научная біологія давно уже выступила за предѣлы мышечныхъ и нервныхъ тканей. Простѣйшіе одноклѣточные организмы, не имѣющіе вообще какихъ бы то ни было тканей въ смыслѣ О. Конта, обладаютъ тѣмъ не менѣе и раз-

дражительностью и чувствительностью; научная достоверность относящихся сюда наблюдений ничуть не меньше, чѣмъ научная достоверность наблюдений, касающихся высшихъ организмовъ. И напрасно запугиваль насъ О. Контъ, совѣтуя держаться за тѣ помочи, которыя протягивала ему современная ему наука. Явились остроумные наблюдатели, усовершенствовалась научная техника, и старыя помочи могли бы теперь только затормазить движеніе науки впередъ. Дальнѣйшій разборъ положеній О. Конта, поскольку дѣло касается различныхъ группъ двигательныхъ явленій и различныхъ видовъ чувствительности, особаго научнаго значенія не имѣетъ. Конечно, современная животная физиологія, отдѣленная отъ позитивной біологіи О. Конта слишкомъ полу-вѣковымъ промежуткомъ времени, узнаетъ въ этихъ положеніяхъ свою юность; но справедливость требуетъ все-таки сказать, что эта юность была оцѣнена О. Контотъ по достоинству. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы даже признаемъ, что сравнительно быстрымъ переходомъ къ зрѣлости животная физиологія обязана въ значительной мѣрѣ именно О. Контотъ, сумѣвшему направить физиологовъ на путь точнаго и строгаго наблюденія природныхъ явленій и оторвавшему ихъ отъ бесплодныхъ умствованій въ духѣ плохой метафизики.

Свои разсужденія относительно собственно животной жизни О. Контъ называетъ, по обыкновенію, разсужденіями философскими, уполномочивая насъ тѣмъ самымъ предъявлять къ нимъ не только научныя, но и философскія требованія. Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ, однако-же, вдаваться въ слишкомъ большія подробности, почему я и ограничусь разсмотрѣніемъ лишь одного, на мой взглядъ, существеннаго, пункта. Признавая чувствительность чѣмъ-то безусловно непостижимымъ, О. Контъ считаетъ ее тѣмъ не менѣе атрибутомъ всѣхъ высшихъ формъ жизни, ея типическимъ проявленіемъ. Онъ допускаетъ, конечно, что чувствительность есть нѣчто, принадлежащее не ему только, но и всякому другому челоуѣку, всѣмъ животнымъ или, по

крайней мѣрѣ, всѣмъ высшимъ представителямъ животнаго царства. Спрашивается: чѣмъ удостовѣряется подобное допущеніе съ научной точки зрѣнія? Безъ сомнѣнія, простой аналогіей: мы видимъ около себя существа, выполняющія такія-же дѣйствія, какія выполняемъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ мы сами, и мы заключаемъ, что они обладаютъ такой-же чувствительностью, какой обладаемъ и мы. Дальше этого наука идти не можетъ. Объективному изученію доступна лишь раздражительность, которую мы и можемъ приписывать животнымъ, животной жизни или жизни вообще; что касается чувствительности, то за предѣлами личнаго внутренняго опыта наука вправѣ лишь предполагать ее. А если это такъ, то почему бы не поискать другихъ удостовѣреній, помимо той аналогіи, на которую опирается вслѣдъ за простымъ здравымъ смысломъ и научный анализъ? Наука умолкаетъ; пусть же говорятъ другіе типы познанія и пусть они попытаются разобраться въ этихъ важныхъ и трудныхъ вопросахъ. Мнѣ, какъ человѣку, не все равно, предположительно-ли только существуетъ чувствительность у другихъ людей, или достовѣрно; мнѣ не все равно, существуетъ-ли чувствительность, какъ элементарная основа психическихъ отправленій, гдѣ-нибудь за предѣлами моей нервной системы, или нѣтъ. Позитивная біологія отстраняетъ отъ себя всѣ эти и другіе имъ подобные вопросы, но человѣческое сознаніе отдѣлаться отъ нихъ не можетъ. И было бы, по-истинѣ, жаль, еслибы когда-нибудь для человѣческаго сознанія наступила такая пора, что ему стало бы все равно, живеть-ли одна единственная чувствительность, или живутъ и другія чувствительности. Поразительное равнодушіе О. Конта къ задачамъ гносеологическаго характера составляетъ общеизвѣстную истину; не всѣ, однако-же, догадываются, что равнодушіе это обусловливается прежде всего односторонней оцѣнкой жизненныхъ явленій, и въ особенности явленій животной жизни.

Ученіе объ умственныхъ и нравственныхъ отправленіяхъ или (по терминологіи О. Конта) церебральныхъ функціяхъ

только недавно высвободилось, по мнѣнію О. Конта, изъ тенетъ метафизики, благодаря главнымъ образомъ Галлю, отцу френологіи. Экспериментальное и раціональное разслѣдованіе различныхъ проявленій внутренней чувствительности, свойственныхъ черепно-мозговымъ узламъ, составляетъ простое продолженіе животной физиологіи. Заслуги Галля, являющагося основателемъ френологической физиологіи, оцѣниваются О. Контомъ чрезвычайно высоко; онъ заявляетъ, впрочемъ, что это не есть *une science faite, mais une science entièrement à faire*. Главныхъ задачъ двѣ: необходимо, во-первыхъ, установить въ точности различныя органическія условія, отъ которыхъ завясятъ интеллектуальныя и моральныя функціи; необходимо, во-вторыхъ, прослѣдить ту послѣдовательность, въ которой одни интеллектуальные и моральные акты смѣняются другими. Только при такой постановкѣ дѣла можно рассчитывать на прочныя выводы. Далѣе, О. Контъ перечисляетъ различныя ошибки, въ которыя такъ часто впадали біологи-метафизики. Сюда относятся: предпочтеніе, оказываемое способностямъ интеллектуальнымъ передъ способностями аффективными; признаніе въ такъ называемомъ инстинктѣ чего-то по природѣ своей отличнаго отъ разума и принадлежащаго лишь животнымъ; искусственное объединеніе и отождествленіе всѣхъ психическихъ способностей въ понятіи о духѣ. Выходъ изъ столь неудовлетворительнаго положенія О. Контъ усматриваетъ въ двухъ незыблемыхъ, по его мнѣнію, принципахъ: врожденности различныхъ интеллектуальныхъ и аффективныхъ склонностей и множественности существенно раздѣльныхъ и совершенно независимыхъ другъ отъ другъ способностей. Съ точки зрѣнія анатомической такое пониманіе интеллектуальныхъ и моральныхъ отправленій приводитъ по необходимости къ различенію въ черепномъ мозгу извѣстнаго числа отдѣльныхъ органовъ, которые при всей своей смежности и при всемъ своемъ сходствѣ, дѣлающихъ ихъ чрезвычайно способными къ симпатіямъ и синергіямъ, остаются раздѣльными и независимыми другъ отъ друга. Однимъ словомъ, че-

репной мозгъ не есть простой органъ, а цѣлый приборъ, или сочетание органовъ, болѣе или менѣе сложное, смотря по высотѣ животныхъ проявленій. Сообразно съ этимъ, слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобъ опредѣлить точное соотвѣтствіе между тѣмъ или другимъ церебральнымъ органомъ и той или другой отчетливо выраженной, простой и новой способностью, аффективной или интеллектуальной. О. Контъ полагаетъ, что наименѣе развитая передняя часть мозга служить мѣстопробываніемъ способностей собственно человѣческихъ, и что болѣе объемистые задніе отдѣлы мозга предоставлены способностямъ общимъ для всѣхъ животныхъ. Отъ соотвѣтственной разработки физиологіи черепного мозга О. Контъ ожидаетъ очень многого; между прочимъ, онъ высказывается въ томъ смыслѣ, что именно церебральной физиологіи принадлежитъ раціональная постановка философскаго вопроса о воспитаніи. Онъ сознается, впрочемъ, что предстоитъ еще не мало работы какъ анатомамъ, которые должны болѣе совершеннымъ образомъ ознакомиться съ строеніемъ мозга; такъ и физиологамъ, на долю которыхъ выпадаетъ установленіе различныхъ элементарныхъ способностей. Крайности физиологической френологіи должны быть отстранены. При этомъ О. Контъ снова указываетъ на важное значеніе патологическихъ наблюдений. Конечно, при этомъ предполагается, что труды психіатровъ будутъ отличатся надлежащей научной строгостью; про наличныя психіатрическія монографіи О. Контъ отзывается не очень одобрительно — онъ признаетъ ихъ не столько научными, сколько литературными работами. Понятно также, что очень полезными могутъ быть наблюденія и надъ животными, къ которымъ человѣкъ относится сплошь и рядомъ слишкомъ безразборчиво. Заканчивая 3-ій томъ, О. Контъ выражаетъ убѣжденіе, что новая наука, устанавливаемая имъ подъ именемъ соціальной физики, коренится непосредственно въ біологіи, вслѣдствіе чего правильная оцѣнка біологическихъ явленій представляетъ чрезвычайную важность не только для біолога, но и для соціолога.

Разбирая основные положенія френологической физиологии О. Конта съ точки зрѣнія современной научной биологии, нельзя не отмѣтить прежде всего, что уже ближайшими послѣдователями О. Конта была усмотрѣна недостаточность его аргументаціи, направленной къ отстраненію психологии, какъ самостоятельной дисциплины. Большинство позитивистовъ заявляетъ въ настоящее время, что психологии должно быть отведено въ классификаціи наукъ особое мѣсто, а именно между биологіей и социологіей. Я не говорю уже о томъ, что самостоятельное ученіе о духѣ составляетъ неизбѣжную принадлежность и всякой философіи, дѣйствительно достойной этого имени. Было бы несправедливо, однако-же, упускать изъ виду, что даже такая существенная поправка не умаляетъ основной заслуги О. Конта, состоящей въ томъ, что онъ указалъ на большое число точекъ соприкосновенія психологии съ физиологіей. И дѣйствительно, въ послѣдствіи народилась цѣлая особая отрасль физиологии, такъ называемая психофизика, которая немало уже сдѣлала для научной биологии. Признавая за психологіей всѣ права на самостоятельное существованіе, современный биологъ не останавливается передъ изученіемъ доступныхъ ему условій дѣятельности центральной нервной системы, поскольку эти условія укладываются въ рамки физики, химіи, механики и математики въ широкомъ смыслѣ слова. И никто, конечно, не позволитъ себѣ утверждать, чтобы эти изученія были осуждены на безплодіе. Достаточно припомнить новѣйшіе успѣхи невропатологии и психіатріи, чтобы не оцѣнивать этихъ изученій слишкомъ дешевою цѣной. Слѣдуетъ, далѣе, согласиться, что увлеченіе принципами локализаціи интеллектуальныхъ и моральныхъ отправленияхъ, заходящее у О. Конта по временамъ слишкомъ далеко, проистекаетъ все-таки изъ источника здороваго, хотя и очень замутившагося подъ руками преемниковъ Галля. Современная физиология центральныхъ нервныхъ массъ широко примѣняетъ эти принципы въ преобразенномъ и усовершенствованномъ видѣ. Экспериментальное разслѣдо-

ваніе мозговыхъ функцій на животныхъ и клиническое изученіе болѣзненныхъ уклоненій отъ психической нормы, сопровождаемое изысканіями патолого-анатомическаго характера, почти совершенно чуждыя О. Конту, воспитали въ позднѣйшихъ физиологахъ и патологахъ чрезвычайную требовательность, и никто уже не удовлетворится теперь тѣми искусственными построеніями, которыя удовлетворяли О. Конта. Соображенія, которыми онъ руководствуется при попыткахъ распредѣлить чувства и способности по различнымъ частямъ центральныхъ нервныхъ массъ, оказываются въ нашихъ глазахъ по большей части совершенно произвольными и неубѣдительными. Нѣчто подобное приходится высказать и относительно взглядовъ О. Конта на врожденность и множественность интеллектуальныхъ и моральныхъ отправленій. Безъ сомнѣнія, и современная научная біологія принуждена считаться и съ наслѣдственностью психической организаціи, и съ сложностью состояній сознанія; но вѣдь отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы не имѣли права на существованіе и другіе столь-же важные вопросы, а именно вопросы о происхожденіи интеллектуальныхъ и моральныхъ отправленій и о природѣ самосознающаго единого я. Все это не должно, впрочемъ, мѣшать признанію дѣйствительныхъ заслугъ О. Конта и въ рассматриваемой области. Основныя идеи его—приуроченіе мозговыхъ функцій къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ нервно-мозговымъ субстратамъ и систематизація этихъ функцій по даннымъ конкретной дѣйствительности—сохраняютъ и для насъ все свое высокое значеніе, поскольку дѣло касается физиологическихъ основъ психическихъ отправленій, такъ или иначе связанныхъ съ этими основами.

Френологическая физиологія О. Конта, стремящаяся замѣнить психологію, какъ самостоятельную науку, упраздняетъ и философское ученіе о духѣ, какъ основѣ психическихъ явленій. Если уже при разсмотрѣннн всѣхъ другихъ біологическихъ разсужденій О. Конта собственно философская односторонность ихъ бросается въ глаза каждому не-

предупрежденному въ пользу позитивизма челоуѣку, то здѣсь эта односторонность прямо-таки рѣжетъ глаза. Вспомнимъ, что такое жизнь по О. Конту. Жизнь, поучаетъ онъ насъ словами де-Блэнвилля, есть двойственное внутреннее движеніе соединенія и разложенія, общее и вмѣстѣ съ тѣмъ непрерывное. Какъ бы ни было высоко наше сочувствіе къ этой формулѣ, довольно точно характеризующей жизнь съ объективной стороны, мы никакъ не можемъ согласиться съ тѣмъ, чтобы высшими степенями этого удивительнаго движенія были мысль, чувство, воля. Какъ бы ни потенцировалось движеніе матеріальныхъ частицъ, оно не можетъ стать чѣмъ-то гетерогеннымъ по существу. Сказанное выше по поводу разсужденій О. Конта о чувствительности можетъ быть повторено здѣсь съ еще большимъ удареніемъ. Разрѣшить возникающія такимъ образомъ противорѣчія наука, какъ таковая, не въ состояніи. Чтобы уяснить себѣ отношенія объективнаго къ субъективному, необходимо обратиться къ философіи. Душа наша, какъ бы ни старался позитивизмъ успокоить ее ссылками на формулу де-Блэнвилля, не ждетъ, и мысль наша не можетъ и не хочетъ оставаться въ полныхъ потемкахъ относительно себя самой, относительно своей подлинной природы, своего назначенія и мѣста въ макрокосмосѣ и въ микрокосмосѣ. Высшія психическія отправленія—наше драгоцѣннѣйшее достояніе, и оставить это достояніе исключительно въ рукахъ научныхъ психологовъ, фізіологовъ и патологовъ рѣшительно нельзя. Пусть наука дѣлаетъ по этой части все, что только она можетъ сдѣлать, пусть свободно и безъ всякой помѣхи возводитъ она самыя разнообразныя и самыя смѣлыя гипотезы, пусть она отрицаетъ и духъ, и душу—все это, въ сущности, не представляетъ ни малѣйшей опасности ни для науки въ ея цѣломъ составѣ, ни для общества съ его практическимъ разумомъ, если только поддерживается должный интересъ къ другимъ типамъ челоуѣческаго познанія, если рядомъ съ наукой и столь-же безпрепятственно развивается и философія Сдѣлаемъ, пожа-

луй, несоразмѣрно большую уступку позитивизму и допустимъ, что всѣ рѣшенія, предлагаемыя философией, не выдерживаютъ критики; все-таки еще не все потеряно. Существуетъ великая область религіознаго созерцанія, дающаго вѣрѣ то, на что надѣется философія, осужденная на вѣчныя чаянія; существуетъ не менѣ великая область художественнаго постиженія, открывающаго любви глубокое внутреннее единство всего сущаго. Сознаемся же прямо, что позитивное ученіе объ интеллектуальныхъ и моральныхъ функціяхъ только распалаетъ нашу жажду, но не утоляетъ ея.

Заканчивая свою рѣчь, позволяю себѣ выразить увѣренность, что все существенное въ сужденіяхъ О. Конта относительно біологіи и задачъ ея отмѣчено мною безъ крупныхъ пробѣловъ. Правда, я оставался въ предѣлахъ *Cours de philosophie positive* и не касался такъ называемой второй карьеры О. Конта. Оправданіемъ можетъ служить послѣдующая судьба позитивизма. Вторая карьера О. Конта, несмотря на всѣ старанія лаффитистовъ, представляется большинству историковъ философіи не столько прямымъ продолженіемъ первой карьеры, сколько отступленіемъ отъ первоначальной строгости принциповъ или извращеніемъ основной идеи. Положительное значеніе контизма исчерпывается позитивной философией первой карьеры, и вторая карьера оказывается поучительной не столько съ точки зрѣнія общей исторіи человѣческаго сознанія, сколько съ точки зрѣнія психологической, въ качествѣ эпизода въ личной судьбѣ О. Конта, обличившаго его личную неудовлетворенность позитивной философией.

Я не умалялъ крупныхъ заслугъ О. Конта передъ научной біологіей, поскольку дѣло касается установленія основныхъ принциповъ собственно научнаго изслѣдованія жизненныхъ явленій; но я не утаивалъ и своего личнаго отношенія ко всей системѣ его біологическихъ построеній, представляющейся мнѣ лишенной собственно философскаго содержанія. Роль О. Конта въ исторіи новѣйшаго просвѣщенія можетъ считаться настолько упроченной, что откровенное обсужденіе слабыхъ сторонъ его системы ни въ комъ

не способно возбудить подозрѣнія, будто-бы желаютъ низвергнуть общепризнанный авторитетъ. Самая притязательная критика, вооруженная всѣми орудіями специальныхъ знаній, должна въ концѣ концовъ преклониться передъ твореніемъ человѣка, который и черезъ сто лѣтъ по рожденіи какъ бы все еще живетъ среди насъ, какъ-бы все еще является властителемъ нашихъ думъ. Раздробленное человѣческое сознание, увлекаемое то религіозными интересами по преимуществу, то философскими, то научными, то художественными, еще не скоро сойдетъ съ міровой сцены окончательно; не скоро изживетъ свое содержаніе и позитивная философія, хотя бы контизмъ, смѣшивающій ненаучное съ противо-научнымъ, и былъ уже побѣжденъ передъ судомъ безпристрастнаго философскаго мышленія. Простымъ историческимъ фактомъ, не возбуждающимъ страстныхъ чувствъ, позитивная философія, полагающая въ наукѣ всю полноту вѣдѣнія и не признающая за ненаучными типами познанія никакого положительнаго значенія, станетъ лишь тогда, когда наука и философія, освободившись отъ всего инороднаго и укрѣпившись на своихъ собственныхъ основахъ, соединятся съ религіей и искусствомъ въ цѣльномъ и безспорно вселенскомъ міропониманіи, раскрывающемъ всѣ тѣ тайны, надъ которыми мы теперь бьемся, переходя отъ отчаянія къ очарованію и отъ очарованія къ отчаянію. И мнѣ думается, что такое время настанетъ, ибо намеки на возможность объединенія раздробленнаго даны не только въ личномъ душевномъ процессѣ каждаго изъ насъ, но и въ исторіи человѣчества, какъ цѣлаго. Народится на землѣ великое всеобъединяющее сознание, которое воистину будетъ вправѣ сказать не только: я знаю, но и—я надѣюсь, я вѣрю, я люблю,—знаю въ наукѣ, надѣюсь въ философіи, вѣрю въ религіи, люблю въ искусствѣ. Народится же такое сознание тѣмъ скорѣе, чѣмъ отчетливѣе будемъ мы сознавать всю недостаточность сознанія раздробленнаго, отрицающаго философію ради науки, религію ради философіи и науки и искусство ради религіи, философіи и науки.

С. Лушняновъ.

О прогрессѣ *).

I.

Съ каждымъ годомъ, можно сказать—съ каждымъ днемъ, среди мыслящихъ людей нашего общества все настоятельнѣе и настоятельнѣе становится запросъ на осмысленное изложене историческихъ фактовъ, на построене науки объ обществѣ, соціологіи, которая достойно завершила бы рядъ наукъ математическихъ, естественныхъ и философскихъ, на опредѣленіе законовъ и обобщеній, которые внесли бы ясность и правильность въ хаотическое многообразіе историческаго матеріала. Не всегда было такъ: въ теченіе поколѣній и столѣтій вниманіе направлялось на другія задачи и вопросы. Въ средніе вѣка отворачивались отъ безотраднато теченія мірскихъ дѣлъ въ сторону обѣщанной религіей будущей жизни, и если занимались настоящимъ и прошедшимъ человѣчества, то лишь для того, чтобы усмотрѣть въ нихъ приготовленіе къ этой будущей жизни, предназначенія о ней, искусъ и упражненія, открывающія путь къ ней. Новая исторія тѣмъ существенно и отличается отъ средневѣковой, что она замѣнила аскетическое міровоззрѣніе, отнимавшее у жизни самодѣятельный смыслъ, обращавшее ее въ простую подготовку къ чему-то другому,—гуманистическимъ, сосредоточившимъ вниманіе на дѣйстви-

*) Три лекціи, прочитанныя въ Москвѣ, въ аудиторіи Историческаго музея 4, 5 и 6 февраля 1898 г.

вительной жизни и природѣ людей, и направлявшимся указаніями ихъ разума.

Даже и въ новое время, однако, не съ перваго раза дошла очередь до изученія послѣдовательности человѣческихъ дѣяній. Послѣ первыхъ восторженныхъ порывовъ возродившейся вѣры въ человѣка, въ его красоту и силу, европейская мысль примѣнила гуманистическія мѣрки разумныхъ требованій и свободы совѣсти къ религіознымъ построеніямъ, произвела рядъ попытокъ подвести все мірозданіе подъ извѣстныя общія идеи рачіональной философіи и, наконецъ, въ XVIII-омъ вѣкѣ столкнулась съ необходимостью пересмотрѣть и перестроить политику, государственныя формы и общественныя отношенія съ точки зрѣнія рачіональности, справедливости, соотвѣтственности потребностямъ людей и ихъ отвлеченно понятымъ правамъ. Въ этой стадіи своего развитія гуманистическое міросозерцаніе по необходимости должно было поднять вопросы о ходѣ историческаго процесса, о руководящихъ имъ силахъ и его общемъ направленіи. Уже Вольтеръ, несмотря на нетерпѣливое и презрительное отношеніе ко всему историческому, поскольку оно затрудняетъ улучшенія и перемѣны, считаетъ долгомъ обозрѣть нравы и обычаи различныхъ народовъ. Во второй половинѣ вѣка ясно намѣчаются два направленія мысли, которыя начинаютъ готовить научное движеніе XIX-го вѣка. Монтескье ставитъ вопросы объ отдѣльныхъ законахъ, управляющихъ историческими явленіями. Гердеръ, Кантъ, Кондорсе пытаются сразу провести просѣки въ дремучемъ лѣсу исторіи, впустить въ него солнечный лучъ съ помощью всеобъемлющаго представленія объ историческомъ прогрессѣ. Позвольте остановить ваше вниманіе на главныхъ попыткахъ втораго рода. Для образованныхъ людей обязательно такъ или иначе выяснить свое положеніе относительно этого капитальнаго вопроса: идетъ ли человечество впередъ, и что значитъ для него идти впередъ? Если оно идетъ впередъ, то какимъ путемъ и подъ вліяніемъ какихъ силъ? На эти вопросы давались весьма различ-

ные отвѣты, но по мѣрѣ спора наиболѣе выяснились нѣкоторыя основныя соображенія, которыя, какъ мнѣ кажется, и являются прочными результатами долгаго и противорѣчиваго обсуждения данной темы.

Я указалъ на то, что съ особенной силой проснулся интересъ къ намѣченнымъ вопросамъ въ XVIII-омъ вѣкѣ, хотя, конечно, и раньше ими занимались отдѣльные мыслители. Въ XVIII-омъ вѣкѣ вопросы эти стали общимъ достояніемъ, приобрѣли значеніе для массы образованнаго общества. Поэтому естественнѣе всего будетъ начать наше разсмотрѣніе съ постановки и разрѣшенія ихъ въ кругу самаго характернаго направленія XVIII-го вѣка, въ зависимости отъ такъ называемаго просвѣтительнаго направленія. Мнѣ нѣтъ надобности напоминать вамъ, что это время характеризуется могущественной, необычайной по своимъ результатамъ агитаціей въ пользу распространенія научныхъ и философскихъ свѣдѣній и теорій въ обществѣ. Этимъ научнымъ результатамъ приписывалась чудодѣйственная сила, передъ ихъ внутреннею убѣдительностью должны были пасть предрасудки, нелѣпости и притѣсненія общественнаго строя, какъ отъ звука трубъ еврейскихъ священниковъ пали стѣны Иерихона.

Главнымъ памятникомъ этого направленія была знаменитая „Энциклопедія наукъ и искусствъ“, сдѣлавшаяся своего рода Библией для большинства образованныхъ людей XVIII-го вѣка. Характернымъ выраженіемъ именно этого направленія по интересующимъ насъ вопросамъ явились разсужденіе Кондорсе: „Набросокъ исторической картины успѣховъ человѣческаго разума“, и примыкающіе къ нему отрывки съ болѣе подробной характеристикой отдѣльныхъ эпохъ. Составлялись эти разсужденія уже въ 90-хъ годахъ, во время пребыванія автора въ тюрьмѣ во время террора; изданы они уже въ началѣ нашего вѣка, но по своему складу они всецѣло принадлежать исходному направленію XVIII-го вѣка, направленію просвѣтительному, и потому должны быть разсмотрѣны прежде, нежели идеи, высказанныя въ сочиненіяхъ

Гердера и Канта, которые появились въ свѣтъ нѣсколько раньше, но представляютъ уже дальнѣйшіе фазисы развитія общественной мысли.

Кондорсе былъ выдающимся математикомъ и лично принималъ значительное участіе въ плодотворной работѣ XVIII-го вѣка въ области точныхъ наукъ. Вопросъ о прогрессивномъ совершенствованіи человѣчества разрѣшается для него съ большой простотой, ясностью и послѣдовательностью. Даже независимо отъ разсмотрѣнія историческихъ фактовъ залогомъ постоянного и необходимаго совершенствованія служитъ природа человѣка. „Человѣкъ рождается со способностью воспринимать ощущенія, комбинировать ихъ, сравнивать эти комбинаціи. Ощущенія сопровождаются удовольствіемъ и страданіемъ, и человѣкъ способенъ превращать эти впечатлѣнія въ длительныя чувствованія и испытывать подобныя же чувствованія при видѣ и при воспоминаніи объ удовольствіи и страданіи другихъ чувствующихъ существъ. Изъ этой способности, а также изъ способности комбинировать идеи происходятъ между нимъ и ему подобными отношенія интереса и долга“. Если каждый человѣкъ, такимъ образомъ, способенъ разумно перерабатывать ощущенія, доставленныя ему окружающей средой, и добывать эту работой извѣстный запасъ знаній и нравственныхъ правилъ, то, благодаря способности людей сообщаться другъ съ другомъ, результаты работы каждаго не теряются для другихъ, а суммируются во все возрастающемъ количествѣ. Каждое новое поколѣніе отправляется отъ пріобрѣтеній поколѣній предшествующихъ и освобождается отъ необходимости впадать въ ихъ заблужденія, считаться съ ихъ затрудненіями. Получается картина постоянного накопленія опыта и претворенія этого опыта въ дѣятельную моральную силу.

Обзоръ хода историческихъ явленій, по мнѣнію Кондорсе, совершенно подтверждаетъ эти апріорныя психологическія соображенія. Раздѣленіе человѣчества на государства и народы, столкновенія этихъ союзовъ, даже вну-

треннее устройство ихъ, какъ отдѣльныхъ цѣлыхъ,—все это имѣетъ лишь второстепенное, антикварное значеніе, все это подсказано случайностями и оказываетъ вліяніе на случайности. Съ обще-исторической точки зрѣнія единственно важными являются передача и ростъ знаній и цивилизации, которые совершаются поверхъ національныхъ и политическихъ раздѣленій. Для Кондорсе существуетъ лишь какъ бы одинъ народъ, и этотъ народъ—человѣчество или, лучше сказать, образованное и образующееся человѣчество. Такъ какъ мѣриломъ и двигателемъ прогресса является знаніе, то и эпохи поступательнаго движенія отмѣчены совсѣмъ не тѣми политическими и социальными переворотами, которые обыкновенно обращаютъ главное вниманіе историка. Кондорсе различаетъ десять историческихъ періодовъ и границей каждаго считаетъ какое-нибудь капитальное приобрѣтеніе человѣческаго ума или крупный шагъ къ усиленію духовнаго общенія людей между собою. Къ первой эпохѣ относится бытъ бродячихъ звѣроловныхъ народовъ, разрозненныхъ на небольшія родовыя группы, однако уже отличающихся отъ животныхъ языкомъ, способностью выражать мысли и обмѣниваться ими. Вторая эпоха начинается, благодаря приобрѣтенію умѣнья приручать животныхъ. Это—время пастушескихъ, кочевыхъ народностей. Когда люди научаются обрабатывать землю, они переходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ третью эпоху осѣдлости со связаннымъ съ нею прочными условіями государственнаго строя и права. Четвертая эпоха открывается изобрѣтеніемъ алфавита, однимъ изъ величайшихъ благодѣяній, оказанныхъ человѣчеству, Благодаря ему, науки впервые освобождаются отъ гіероглифическихъ письменъ, отъ жреческой основы, впервые становятся достояніемъ свѣтскаго общества. На этомъ фактѣ и зиждется историческая слава Греціи, которая живетъ именно въ четвертую эпоху, пользуется зачатками знанія, еще мало опредѣленнаго и плохо расчлененнаго, но тѣмъ болѣе привлекательнаго, что оно воспринималось со свѣжестью и

непосредственностью молодости. Новая эпоха, пятая, наступает, когда науки раздѣляются по специальностямъ въ Александрійской школѣ; этимъ положено начало успѣховъ, которые, однако, ослабляются тѣмъ, что политическое преобладаніе переходитъ къ римлянамъ, народу мало одаренному въ умственномъ отношеніи, направившему всю свою энергію на завоеванія и устроеніе внѣшнихъ отношеній между людьми. Въ шестую эпоху происходитъ какъ бы временный перерывъ и даже упадокъ въ нарастаніи цивилизаціи, благодаря вторженію варварскихъ народовъ и вліянію христіанства, враждебнаго наукамъ. Кое-что, впрочемъ, и въ это время сдѣлано: знанія распространяются шире, хотя теряютъ въ силѣ и глубинѣ, происходитъ улучшеніе въ положеніи многочисленнаго класса рабовъ, этихъ отверженныхъ древняго общества. Но движеніе впередъ возобновляется съ новою силой въ седьмую эпоху, наступаетъ желанное возрожденіе наукъ и искусствъ, благодаря крестовымъ походамъ, встрѣчѣ съ арабами и вліянію восточной образованности, сохранившей и развившей многое, что на Западѣ было утеряно. На рубежѣ восьмой эпохи стоитъ изобрѣтеніе книгопечатанія, которое по послѣдствіямъ для усиленія общенія между людьми и для распространенія знаній можно почти сравнить съ изобрѣтеніемъ алфавита. Къ этому главнѣйшему факту присоединяются и другіе, на примѣръ—открытіе Америки; и поступательное движеніе достигаетъ, наконецъ, перваго открытаго признанія свободы мысли. Можно сказать, правда, что на первое время этой свободы достигаютъ не люди вообще, а лишь христіане, что область свободнаго изслѣдованія остается пока стѣсненной общими принципами христіанской религіи, но начало положено, и движеніе, начавшееся въ области богословія, идетъ дальше, мало-по-малу науки свергаютъ иго слѣпота авторитета и прилагаютъ ко всѣмъ явленіямъ критерій разумности. Восьмую эпоху заключаетъ Декартъ, который по широтѣ и смѣлости своихъ взглядовъ можетъ считаться однимъ изъ геніальнѣйшихъ руководителей человѣчества. Сущность де-

вятой эпохи, продолжавшейся до Французской революціи, заключалась въ побѣдоносной борьбѣ науки съ предрасудками и невѣжественными силами.

„Общее сознание естественныхъ правъ человѣка, сильно выраженное стремление къ свободѣ мысли и печати, къ свободѣ торговли и промышленности, къ облегченію народа; индифферентное отношеніе къ религіямъ, которыя были, наконецъ, занесены въ число суевѣрій или политическихъ измышлений; ненависть къ ханжеству и къ фанатизму; презрѣніе къ предрасудкамъ; ревность къ распространенію знаній—эти принципы, переходя мало-по-малу изъ трудовъ философовъ во всѣ слои общества, стали общимъ исповѣданіемъ, символомъ всѣхъ тѣхъ, кто не былъ ни макиавеллистомъ, ни слабоумнымъ“. „Чувство человѣчности, т.-е. нѣжное и дѣятельное чувство состраданія ко всѣмъ бѣдствіямъ, поражающимъ человѣческую родъ, и отвращеніе ко всему тому, что въ общественныхъ учрежденіяхъ, въ правительственныхъ распоряженіяхъ и въ частныхъ дѣйствіяхъ прибавляетъ новыя горести ко всѣмъ неизбѣжнымъ естественнымъ горестямъ,—это чувство человѣчности было естественнымъ слѣдствіемъ этихъ принциповъ; имъ дышали всѣ произведенія, всѣ рѣчи, и его благотворное вліяніе сказалось въ законахъ и государственныхъ учрежденіяхъ даже поработенныхъ деспотизмомъ народовъ.“

„Философы разныхъ народовъ, обнимая въ своихъ размышленіяхъ интересы всего человѣчества безъ различія странъ, расъ и сектъ, представляли, несмотря на разнорѣчіе въ умозрительныхъ вопросахъ, фалангу, сильно объединенную противъ всѣхъ заблужденій, противъ всѣхъ видовъ тиранніи“.

Французская революція открываетъ десятую эпоху, эпоху практическаго приложенія и торжества началъ, добытыхъ наукой и проводимыхъ просвѣтительной философійей. И мы даже не въ состояніи отгадать грядущіе успѣхи человѣческаго общежитія, потому что только съ десятой эпохой начинается практическая программа

философовъ. Въ частности Кондорсе ожидаетъ отъ успѣховъ знанія развитія чувства собственнаго достоинства, устраненія вѣковой несправедливости—неравенства въ нравственныхъ требованіяхъ, правахъ и матеріальныхъ выгодахъ, которое существуетъ между мужчинами и женщинами, увеличенія средней продолжительности жизни, распространенія всеобщаго языка и т. п.

Великъ былъ оптимизмъ философа, заставлявшій его забыть горькую участь, которую приготовила ему какъ разъ французская революція, эта заря періода благоденствія и разумности, и опирается этотъ оптимизмъ на цѣльное, хотя и узкое, пониманіе исторіи. Мыслитель ясно видитъ передъ собою противниковъ въ міровой борьбѣ: просвѣщеніе, науку, съ одной стороны, предрасудокъ, отсталость, съ другой, и онъ ни на минуту не сомнѣвается въ томъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Для него не существуетъ ни безплодныхъ эпохъ, ни регресса, потому что разъ приобрѣтенное знаніе не затеривается, а постоянно умножается и распространяется то скорѣе, то медленнѣе, но все-таки умножается и распространяется. Все зло въ мірѣ—исключительно отъ заблужденій и предрасудковъ. „Во всѣхъ странахъ, во всѣ времена существуютъ различные предрасудки въ зависимости какъ отъ степени образованности разныхъ классовъ населенія, такъ и отъ ихъ занятій. Предрасудки философовъ вредятъ новымъ успѣхамъ истины; предрасудки классовъ менѣе просвѣщенныхъ задерживаютъ распространеніе истинъ уже добытыхъ; предрасудки людей извѣстныхъ профессій, пользующихся довѣріемъ и властью, противопоставляютъ этому препятствія: это три вида враговъ, съ которыми разумъ долженъ непрестанно сражаться и надъ которыми онъ часто одерживаетъ побѣду только послѣ долгой и тяжелой борьбы“.

„Всѣ заблужденія въ политикѣ, въ морали имѣютъ своимъ корнемъ заблужденія философскія, а эти, въ свою очередь, связаны съ заблужденіями физическими. Не существуетъ ни религіозной системы, ни нелѣпости о чемъ-либо сверхъ-

естественномъ, которыя бы не были основаны на незнаніи законовъ природы“. Главной опорой предразсудковъ являются для Кондорсе, какъ истиннаго представителя рационализма XVIII-го вѣка, всякаго рода религіозныя системы и церкви.

Отмѣчая зачатки религіозныхъ вѣрованій у дикихъ народовъ, онъ клеймитъ ихъ, какъ „искусство обманывать людей, чтобы ихъ грабить“. Жрецы и священники ему ненавистны, какъ люди двойного ученія, которые даже въ лучшемъ случаѣ, если доходятъ до истины, то оставляютъ эту истину для себя, а въ народъ пускаютъ ложь и ею торгуютъ. Христіанство, какъ мы видѣли, не составляетъ исключенія для Кондорсе. Оно явилось въ міръ, какъ религія труждающихся и обремененныхъ, и въ этомъ смыслѣ оказало извѣстную пользу, но оно внесло въ то же время въ свою мораль рабскія чувства отреченія отъ земныхъ благъ, слѣпого смиренія, добровольнаго униженія, презрѣнія къ знаніямъ. Но особенно антипатична ему дѣятельность христіанства въ средніе вѣка: онъ горько ставитъ ему въ упрекъ торговлю отпущеніемъ грѣховъ, монашество, распространение суевѣрныхъ ученій, напримѣръ, ученія о чистилищѣ, притѣсненіе разномыслящихъ.

Такъ какъ въ религіяхъ Кондорсе не видитъ ничего, кромѣ суевѣрія и заблужденія, то онъ и убѣжденъ, что онѣ исчезнутъ передъ просвѣщеніемъ, какъ таетъ снѣгъ передъ лучами солнца.

Въ общемъ, передъ нами сильная односторонняя система, не отступающая ни передъ чѣмъ, не пугающаяся обвиненія въ чрезмѣрныхъ выводахъ, но, во всякомъ случаѣ, система цѣльная, стройная, безъ остатка проводящая основной принципъ, что двигателемъ историческаго развитія является дѣятельность ума человѣческаго. Единство этой системы вытекаетъ изъ исходнаго сенсуализма автора—вся психологія человѣка производится изъ ощущеній, перерабатываемыхъ умомъ. Какъ нѣтъ никакихъ другихъ источниковъ знанія, кромѣ ощущеній, никакихъ прирожден-

ныхъ идей, никакихъ предварительныхъ категорій, такъ, съ другой стороны, всѣ проявленія чувства и воли, всѣ нравственныя свойства человѣка коренятся въ концѣ концовъ въ подборѣ и обработкѣ ощущеній умомъ. Заручившись этимъ „сенсуалистическимъ“ ключомъ, Кондорсе не знаетъ преградъ: историческіе факты удобно укладываются для него вокругъ главныхъ изобрѣтеній и открытій, обобщеній, моментовъ распространенія знаній.

Теорія эта всегда останется интересной въ двухъ отношеніяхъ, поскольку она смѣло и послѣдовательно проводить идею умственного прогресса и поскольку она выражаетъ самую сущность надеждъ и стремленій просвѣтительнаго направленія. Но уже въ самомъ XVIII-омъ вѣкѣ были замѣчены и раскрыты слабыя стороны этого направленія и его пониманія исторіи.

Противъ него выступили люди, которые въ практическихъ вопросахъ шли заодно съ просвѣтителями и не менѣе ихъ ненавидѣли окружающую дѣйствительность. Изъ среды самихъ философовъ раздается протестъ противъ односторонняго господства ума, противъ отвлеченности разсужденій, въ пользу всесторонняго развитія человѣческихъ силъ и въ защиту самостоятельнаго значенія каждой изъ этихъ силъ, чувства и воли наряду съ умомъ. Просвѣтителей останавливали на нѣкоторыхъ коренныхъ допущеніяхъ: мысль, что нравственныя правила и поведеніе людей зависятъ отъ ихъ умственного развитія, рѣзко отрицалась; воспитаніемъ людей и ихъ счастіемъ стали интересоваться больше, чѣмъ ихъ знаніями; здоровая простота нравовъ и извращенная, утонченная цивилизація сдѣлались любимою темою разсужденій. Направленіе, главнымъ провозвѣстникомъ котораго можно считать Руссо, такимъ образомъ высказалось наперекоръ нѣкоторымъ изъ излюбленныхъ положеній просвѣтителей. Въмѣсто того, чтобы радоваться успѣхамъ наукъ и искусствъ, Руссо, какъ извѣстно, въ самомъ началѣ своей карьеры объявилъ ихъ вліяніе вреднымъ, вносящимъ порчу, излишества и изнѣженность въ природныя свойства и бытъ

человѣка. Онъ рисовалъ цивилизацію не со стороны ея приоб- рѣтеній, а со стороны ея искусственности, объявлялъ фи- лософскія теоріи и научныя свѣдѣнія достояніемъ меньшин- ства и кабинетныхъ ученыхъ, въ открытіяхъ и изобрѣте- ніяхъ видѣлъ лишь удовлетвореніе поверхностныхъ второ- степенныхъ нуждъ людей, искалъ нравственной твердости, простоты, здраваго смысла и находилъ ихъ скорѣе у ди- карей, чѣмъ въ цивилизованномъ обществѣ, опиравшемся на долгіе вѣка культурнаго развитія.

Съ крайней точки зрѣнія, занятой Руссо, была вообще невозможна никакая теорія прогресса; но, помимо крайно- стей, новое морально-сентиментальное направленіе, если его можно такъ назвать, выставило и болѣе умѣренныя формы, способныя считаться съ исторіей, не обязанныя осу- дить ее, какъ проявленіе человѣческой порчи и вырожденія. Одинъ изъ наиболѣе популярныхъ защитниковъ идеи про- гресса, Гердеръ, принадлежитъ именно къ этому морально- сентиментальному направленію, подготовлявшему позднѣй- шій романтизмъ. Всѣ его интересы направлены преимущест- венно на сочувственное пониманіе поэтической, бытовой сто- роны исторіи. Ранѣе другихъ онъ заговорилъ о народной массѣ, какъ о единственной почвѣ, изъ которой все личное, все придуманное, все изобрѣтенное получаетъ въ исторіи свое происхожденіе, сталъ прислушиваться къ народной мудрости въ языкѣ, въ былинной поэзіи, въ преданіяхъ и вѣрованіяхъ. Многое, что просвѣщенному взгляду Кондорсе кажется предразсудкомъ, суевѣріемъ, невѣжествомъ, препятствіемъ къ прогрессу, въ поэтической душѣ Гердера звучитъ глу- бокимъ смысломъ, жизненнымъ откровеніемъ, передъ кото- рымъ всѣ разсужденія образованныхъ людей получаютъ или обоснованіе и жизненность, или приговоръ искусственности и несвоевременности. Совершается, какъ въ театрѣ, маги- ческое превращеніе—спеціальныя знанія и теоріи филосо- фовъ отодвигаются на задній планъ и суживаются въ своихъ историческихъ размѣрахъ, полу-инстинктивное творчество массы объявляется родоначальникомъ всякихъ идей и дви-

гателемъ исторіи. Если представленіе Кондорсе о ходѣ историческаго процесса можно сравнить съ постепеннымъ восхожденіемъ солнца надъ поверхностью земли, при которомъ вначалѣ освѣщаются вершины горъ, и затѣмъ свѣтъ проникаетъ въ долины, наконецъ, проливается равномерно повсюду, то представленіе Гердера возбуждаетъ въ насъ мысль о внутреннемъ движеніи сока въ растеніяхъ, о томъ, какъ снизу, изъ корней, всасывается и поднимается оживляющая влага, проходящая въ послѣдніе отростки и листы. Но какъ соединилъ Гердеръ свой взглядъ на органическую связь между всѣми отдѣльными проявленіями исторической жизни съ идеей прогрессивнаго движенія челоуѣчества? Не обусловливаетъ ли какъ разъ тѣсная связь съ почвою какъ бы неподвижность и постоянную своеобразность историческихъ организмовъ? Какъ разъ примѣры органической природы подсказываютъ Гердеру основныя начала теоріи прогресса. Онъ видитъ въ природѣ рядъ прогрессирующихъ формъ, отдѣльныхъ другъ отъ друга и все-таки сродныхъ другъ другу, возвышающихся другъ надъ другомъ.

„Мы видѣли, какъ отъ камня къ кристаллу, отъ кристалла къ металламъ, отъ металловъ къ созданію растеній, отъ растеній къ животному, отъ послѣдняго къ челоуѣку, подымается форма организаци, а вмѣстѣ съ нею силы и влеченія твореній становятся разнороднѣе, и всѣ они, наконецъ, соединяются въ образъ челоуѣка, поскольку послѣдній могъ ихъ обхватить. На челоуѣкѣ рядъ закончился; мы не знаемъ надъ нимъ никакого существа, которое было бы разнообразнѣе и съ большимъ искусствомъ организовано; онъ представляетъ высшее, до чего могла дойти земная организациа. „...„Ничего въ ней (природѣ) не стоитъ, все стремится и движется дальше. Еслибы мы могли провидѣть начальный періодъ творенія, какъ одно царство надстраивалось надъ другимъ, что за прогрессія стремящихся впередъ силъ открылась бы намъ въ развитіи всего!“

Какъ видите, Гердеръ близко подходилъ къ идеѣ транс-

формизма, такъ близко, что въ кружкѣ его единомышленника и сотрудника Гёте его взгляды принимались за настоящій трансформизмъ. Госпожа Штейнь съ восторгомъ писала о впечатлѣннѣи, произведенномъ въ кружкѣ Гёте чтеніемъ первыхъ книгъ „Идей по всемірной исторіи“: „Гердеръ дѣлаетъ вѣроятнымъ, что мы когда-то были растеніями и животными“.

Правда, мысль самого Гердера направляется отчасти къ мистическимъ представленіямъ о дальнѣйшемъ совершенствованіи существъ въ мірѣ духовъ, но кромѣ этого онъ проводитъ идею постепеннаго совершенствованія историческихъ народностей въ прогрессѣ всемірной культуры. При этомъ все значеніе дальнѣйшаго развитія людей онъ видитъ въ развитіи *человѣчности*; такъ же какъ совершенствуются природные организмы, вырабатывая все болѣе и болѣе совершенные виды, такъ прогрессируютъ общественные организмы, осуществляя идею *человѣчности*.

Къ чему сводится *человѣчность*? Къ разуму и справедливости. Умственное начало не отвергается, но оно взято не въ смыслѣ положительнаго знанія, а какъ разумное пониманіе жизни, въ особенности какъ пониманіе отношеній между людьми, и оно неразрывно переплетается съ началомъ нравственнымъ, подчиняющимъ эгоистическія стремленія общему благу, признанію чужого права, дѣятельной любви къ ближнему.

Человѣчность не есть что-нибудь привитое или производное, — она прирождена человѣку, какъ таковому; но каждый отдѣльный человѣкъ осуществляетъ свою *человѣчность* лишь въ борьбѣ съ животной природой и лишь путемъ пріобрѣтенія все большей и большей разумной власти надъ собою; въ этомъ состоитъ его воспитаніе. Для совокупности людей то, что сдѣлано однимъ, передается другому, то, что достигнуто однимъ народомъ, вліяетъ на другой, иногда становится всемірно историческимъ, унаслѣдованнымъ достояніемъ; поэтому, исторія можетъ быть разсматриваема, согласно выраженію Лессинга, какъ *воспитаніе* *человѣчества*.

Признавъ культурно-нравственное начало главной осно-

вой историческаго развитія, Гердеръ получаетъ возможность близко присмотрѣться къ реальнымъ особенностямъ исторической жизни и къ отдѣльнымъ народностямъ, какъ факторамъ исторіи. У Кондорсе въ стремленіи къ просвѣщенію всѣ народы сливались какъ бы въ одинъ народъ; Гердеръ, напротивъ, внимательно слѣдитъ за судьбами каждаго племени, за условіями исторической жизни каждаго народа. Лучшія страницы его книги посвящены характеристикѣ органическаго роста національностей, указанію причинъ, почему этотъ ростъ направляется такъ или иначе въ зависимости отъ извѣстныхъ условій почвы, почему онъ завершается тѣмъ или другимъ цвѣтеніемъ культуры. Эта сторона не только лучше всего удалась Гердеру, она и особенно важна для него. Вся его книга проникнута идеей относительнаго удовлетворенія на всякой степени культуры. Каждому народу дана возможность достигнуть нѣкоторыхъ положительныхъ результатовъ и испытать своеобразное удовлетвореніе отъ своей дѣятельности, хотя ни одинъ народъ не достигаетъ полнаго осуществленія человѣческихъ идеаловъ и устойчиваго счастья. Каждый въ свое время отцвѣтаетъ и уступаетъ мѣсто преемнику, но мы никогда не можемъ примириться съ мыслью, что народы, предшествовавшіе въ исторіи, появились на сценѣ только ради совершенствованія послѣдующихъ.

„Что бы . . . могло значить . . . , что человѣкъ, какъ мы его здѣсь знаемъ, созданъ для безконечнаго роста его душевныхъ силъ, для постояннаго расширенія его чувствованій и проявленій, . . . а всѣ его поколѣнія созданы собственно только для послѣдняго поколѣнія, чтобы оно царило на подмосткахъ исчезнувшаго блаженства всѣхъ предшествовавшихъ?“

„Слаба и дѣтски наивна была бы творящая Мать, еслибы она истинное и единственное назначеніе своихъ дѣтей—быть счастливыми—основала на рычагахъ, которые дала бы въ руки немногимъ запоздавшимъ, и отъ ихъ руки ждала бы осуществленія цѣли созданія земли“.

Такимъ образомъ, въ рукахъ Гердера и морально-чувствительнаго направленія содержаніе исторіи получило гораздо болѣе полную обработку. Въ основу объясненій положена была болѣе широкая психологія, привлекающая къ разсмотрѣнію чувство и нравственный процессъ, а не одну познавательную способность. Высказана была плодотворная идея относительности идеаловъ и относительной культурной самостоятельности каждой народности. Разъяснено было, что изъ взаимодействія этихъ идеаловъ и національныхъ существованій можетъ сложиться всемірная культура, но въ то же время въ разсужденія проникло много произвольнаго и шаткаго. Углубляясь въ тайны народнаго духа, слѣдя за творчествомъ народа, Гердеръ и его послѣдователи принуждены были часто прибѣгать къ гаданіямъ, произвольнымъ сближеніямъ, летучимъ аналогіямъ. Помимо неясностей, которыя проистекали изъ самыхъ приемовъ, въ комбинаціяхъ Гердера заключались нѣкоторыя недосказанныя и сомнительныя допущенія.

Роль народовъ и историческихъ періодовъ хорошо характеризована, но условія и двигатели прогрессивнаго роста культуры остаются довольно проблематичными. Въ самомъ дѣлѣ, если исторія совершается подъ влияніемъ двоякаго ряда условій, подъ давленіемъ природы, съ одной стороны, воспитывающей традиціи, съ другой, то исключена ли возможность такого противорѣчія между этими двумя факторами, которое затормозитъ развитіе и, пожалуй, приведетъ къ регрессу? Если условія природы окажутся слишкомъ тягостными для людей, то вполне можно себѣ представить, что тѣмъ самымъ разрушены будутъ плодотворные результаты воспитывающей традиціи. Затѣмъ, связь между гуманностью и счастьемъ не вытекаетъ изъ естественной необходимости. Можно вполне себѣ представить уменьшеніе благоденствія при ростѣ гуманныхъ чувствъ.

Во всякомъ случаѣ, необходимо было придать общимъ разсужденіямъ и характеристикамъ Гердера форму гораздо болѣе точнаго анализа и дополнить ихъ разрѣшеніемъ раз-

личныхъ недоумѣній, которыя Гердеръ не предвидѣлъ или не оговорилъ, чтобы поставить теорію нравственнаго прогресса на сколько-нибудь твердую почву.

На построения Гердера отозвался его учитель, гениальный представитель критической философіи—Кантъ. Онъ посвятилъ „Идеямъ по всемірной исторіи“ нѣсколько критическихъ статей и, кромѣ того, высказалъ свои собственные взгляды на теченіе историческихъ событій въ двухъ самостоятельныхъ брошюрахъ. Многое въ этихъ работахъ отзывается прежнимъ философскимъ раціонализмомъ и представляетъ какъ бы обратную критику этого раціонализма по отношенію къ чувствительному направленію, но есть и стороны, въ которыхъ Кантъ идетъ дальше Гердера: при этомъ сказывается какъ его личное глубокомысліе, такъ и вліяніе политическаго броженія, охватившаго умы передъ французскою революціей.

Общій тонъ Канта строгій, нѣсколько мрачный; чувствуется рѣшимость покончить съ фразами и иллюзіями. Канту не нравится самый языкъ Гердера—не то поэтической, не то философской, не нравятся приемы изложенія, въ которомъ намеки и аллегоріи слишкомъ часто становятся на мѣсто доказательствъ. По существу онъ прежде всего считаетъ необходимымъ совершенно оставить въ сторонѣ вопросъ о достиженіи благоденствія. Оно было бы возможно и, можетъ быть, достигалось бы лучше при полномъ отсутствіи культуры; поэтому и объяснять культуру приходится не стремленіемъ къ счастью.

„Еслибы счастливымъ обитателямъ Отаити, не посѣщеннымъ болѣе цивилизованными народами, было суждено въ теченіе сотенъ тысячелѣтій жить въ ихъ безпечности, можно ли было бы дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, да зачѣмъ же они существуютъ, и не было ли бы такъ же хорошо, еслибы на этихъ островахъ обитали счастливыя овцы и коровы, а не люди, просто наслаждающіеся и поэтому счастливые?

„Повидимому, природа вовсе не заботится о томъ, чтобы

онъ (человѣкъ) хорошо жилъ. Она хочетъ, чтобъ онъ до тѣхъ поръ работалъ, пока своимъ поведеніемъ не сдѣлается достойнымъ жизни и довольства. Всегда при этомъ удивительнымъ остается то, что болѣе раннія поколѣнія совершаютъ свое трудное дѣло только ради болѣе позднихъ, именно, чтобы приготовить послѣднимъ ступень, съ которой они могли бы дальше выводить ту постройку, которая составляетъ цѣль природы; и что, стало быть, только позднѣйшія поколѣнія должны имѣть счастье жить въ томъ зданіи, надъ которымъ (хотя, конечно, ненамѣренно) трудился рядъ ихъ предковъ, не будучи въ состояніи принять участіе въ приготовленномъ ими счастье. Но какъ это ни загадочно, однако это въ то же время неизбѣжно“.

Отвѣтъ на эти безпокоящіе насъ вопросы можно найти лишь въ слѣдующемъ соображеніи: удовлетвореніе человѣкъ получаетъ не отъ сознанія внѣшняго благосостоянія, а отъ сознанія, что онъ разумно стремится къ нему. Исполненіе долга даетъ нравственное удовлетвореніе, которое не можетъ быть замѣнено никакими внѣшними приобрѣтеніями и успѣхами.

При этомъ было бы ошибочно полагать, что люди дѣйствуютъ и совершенствуются въ исторіи, только благодаря сознанію нравственныхъ идеаловъ. Толкаютъ людей къ совершенствованію, къ примѣненію и развитію способностей не только положительныя, но также и отрицательныя стороны человѣческой природы. Прежде всего могущественнымъ двигателемъ историческаго развитія является борьба между людьми.

„Средство, которымъ пользуется природа для того, чтобы выполнить развитіе всѣхъ способностей, есть антагонизмъ живыхъ существъ, насколько послѣдній является въ концѣ концовъ причиною закономѣрнаго ихъ распредѣленія.

„Человѣкъ имѣетъ склонность жить въ обществѣ, потому что онъ чувствуетъ себя въ такомъ состояніи болѣе человѣкомъ, т. - е. чувствуетъ развитіе своихъ естественныхъ способностей. Но, съ другой стороны, у него есть

сильная склонность изолироваться, потому что онъ находитъ въ себѣ противобщественную черту, именно — стремленіе все направлять согласно своему желанію, и поэтому онъ отовсюду ожидаетъ отпора, равно какъ и самъ хорошо знаетъ, что онъ самъ склоненъ давать отпоръ другимъ. Вотъ этотъ-то отпоръ и пробуждаетъ всѣ силы человѣка, заставляетъ преодолевать склонность къ лѣни и, подъ вліяніемъ честолюбія, властолюбія и корыстолюбія, создавать себѣ положеніе среди своихъ сочленовъ, которыхъ онъ не можетъ терпѣть, но отъ которыхъ онъ также и отстать не можетъ⁴.

Выходомъ изъ состоянія борьбы всѣхъ противъ всѣхъ является право, какъ совокупность разумныхъ ограниченій воли и эгоизма отдѣльныхъ людей. Государство есть союзъ, составленный для опредѣленія и осуществленія права, и поэтому именно съ развитіемъ государства связано поступательное движеніе исторіи. Мы можемъ указать на одну цѣль этого движенія, достиженіе которой въ будущемъ совершенно необходимо для совершенствованія человѣчества: именно, антагонизмъ между многими государствами вызываетъ въ настоящее время невыносимое положеніе и тормозитъ культуру, и его необходимо устранить, создавъ единый государственный союзъ человѣчества.

„Пока государства всѣ свои силы направляютъ на тщеславныя и насильственныя цѣли приращенія и, такимъ образомъ, безпрестанно придавливаютъ медленный трудъ внутренняго развитія образа мыслей гражданъ и лишаютъ ихъ всякой поддержки въ этомъ,—до тѣхъ поръ ничего нельзя ожидать хорошаго въ этомъ направленіи, потому что при этомъ требуется продолжительная внутренняя работа каждаго члена общества для образованія гражданъ. Все же хорошее, что привито не на почвѣ морально-хорошаго образа мыслей, есть не что иное какъ блестящій призракъ и несчастіе.“

Какъ отдѣльные люди принуждены были признать необходимость примиренія въ государствѣ, такъ самыя государ-

ства должны слиться въ общій союзъ, который устранилъ бы распри между ними и тѣмъ самымъ открылъ бы путь къ осуществленію положительныхъ задачъ.

Итакъ, Кантъ, подобно Гердеру, прилагаетъ къ исторіи начало разумности и разумнаго совершенствованія въ культурно-нравственномъ смыслѣ, но твердымъ опорнымъ пунктомъ для такого приложенія является государство, какъ сознательный, разумный и въ то же время правовой, т.-е. нравственный организмъ.

Работы Канта въ этой области являются лишь набросками, сама исторія остается неразслѣдованной, но работы эти были не случайны и не лишены значенія,—онѣ стояли въ связи съ философской системой Канта, составляя необходимое дополненіе къ его ученію о безусловномъ долгѣ, или, какъ онъ выражался — категорическомъ императивѣ. Ими достигалась ясная постановка государственнаго развитія въ противоположность теоріи личнаго просвѣщенія Кондорсе и личной гуманности Гердера. Значеніе сознательной организациі общества выдвинулось, такимъ образомъ, на первый планъ; затѣмъ поступательное движеніе человѣчества было поставлено въ зависимость не отъ осуществленія предустановленнаго благоденствія, а отъ реальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ человѣческихъ отношеніяхъ. При этомъ оказалось, что совершенствованію служить не только разумность, но и силы неразумныя, но возбуждающія къ дѣятельности и въ концѣ концовъ къ разумной дѣятельности.

Обозрѣвъ въ общемъ работу главныхъ трехъ теченій мысли XVIII-го вѣка, просвѣтительнаго, чувствительнаго и критическаго, по вопросу объ историческомъ прогрессѣ, мы приходимъ къ заключенію, что при рѣзкомъ противорѣчьи другъ съ другомъ они пополняютъ другъ друга въ томъ отношеніи, что каждое избрало для своихъ наблюденій и выводовъ лишь одну сторону дѣла и провело эти наблюденія съ рѣзкой односторонностью, такъ что тотъ, кто слѣдитъ за ихъ политикой, какъ бы обходить предметъ кругомъ, осматривая то одну, то другую сторону его. Ради ясности

схемы можно было бы, пожалуй, сказать, что Кондорсе, Гердеръ и Кантъ разсматриваютъ историческій процессъ съ точки зрѣнія ума, сердца и воли, выдвигая и выбирая наиболѣе подходящее, разрубая и игнорируя факты, мало удобные и посторонніе ихъ основнымъ идеямъ. Еще точнѣе будетъ сказать, что одинъ сосредоточилъ все вниманіе на роли познавательной способности людей, другой—на значеніи нравственнаго начала человѣчности въ отношеніяхъ между людьми, третій—на вѣроятномъ ходѣ политическаго совершенствованія. На затѣмъ всѣ трое стоятъ на почвѣ XVIII-го вѣка, всѣ трое чувствуютъ необходимость растолковать исторію, еще не зная ея, всѣ трое смотрятъ въ будущее, даже когда утверждаютъ, что наблюдаютъ прошедшее, всѣ трое чувствуютъ приближеніе великаго переворота и вѣруютъ въ его благодатное вліяніе.

Посмотримъ, какъ справился съ той же задачей XIX-й вѣкъ.

II.

XIX-ый вѣкъ лежитъ по сю сторону великаго переворота въ судьбахъ Европы. Онъ такъ же богатъ политической опытностью, какъ XVIII-ый былъ богатъ надеждами. Разъ возбужденный вопросъ объ общемъ направленіи исторіи, о ея цѣли и средствахъ, не могъ сойти съ очереди и въ XIX-омъ вѣкѣ, тѣмъ болѣе, что какъ разъ въ это время историческая наука сдѣлала небывалые успѣхи, обогатилась цѣлымъ рядомъ точныхъ наблюденій и изслѣдованій, освѣтила области человѣческой дѣятельности, которыя до той поры оставались почти совершенно въ забросѣ, подвела итоги своей работы въ цѣломъ рядѣ отдѣльныхъ обобщеній, наконецъ, существенно повліяла на измѣненіе методовъ и общихъ взглядовъ въ родственныхъ общественныхъ наукахъ, политической экономіи и правовѣдѣніи. Теоріи, высказанныя по поводу историческаго прогресса, въ нашемъ вѣкѣ расположились, какъ и слѣдуетъ ожидать, въ руслѣ двухъ главныхъ теченій мысли этого вѣка: въ началѣ онѣ были окрашены тѣмъ теченіемъ идеалистической философіи, которое.

болѣе или менѣе господствовало надъ умами въ первыя 50 лѣтъ; затѣмъ наступаетъ крутой поворотъ въ сторону положительнаго знанія и эмпирической философіи, проникнутой духомъ естествознанія. Какъ разъ нашему вопросу посвятили много вниманія двое изъ самыхъ типичныхъ представителей и руководителей указанныхъ направленій мысли, Гегель и Спенсеръ. Мы и займемся теперь сопоставленіемъ ихъ взглядовъ.

Европейскіе мыслители первой половины XIX вѣка — въ своеобразномъ положеніи. Съ одной стороны, они были принуждены продолжать мысленную работу своихъ предшественниковъ XVIII-го вѣка, — той смѣлой, полной надеждъ философіи XVIII-го вѣка, которая не боялась быть просвѣтительной, критической, революціонной, которая рѣзко протестовала противъ дѣйствительности во имя разумности и мечтала исправить дѣйствительность при помощи разума. Съ другой стороны, надъ ней тяготѣли сокрушающіе опыты исторической практики: видимыя неудачи французской революціи, побѣдоносное возрожденіе силъ, которыя философія XVIII-го вѣка объявила отжившими, приговоренными, жизненность древнихъ національных, монархическихъ, религіозныхъ, даже сословныхъ идеаловъ, необходимость подчиниться внѣшнему порядку, далеко не просвѣтительному, а традиціонному и сильному своими традиціями. Эти глубокія противорѣчія, навязывавшіяся во всѣхъ вопросахъ и областяхъ дѣятельности, надо было такъ или иначе примирить, и философія этого времени по необходимости стала примирительной, синтетической, сливающей разнообразныя теченія мысли, подыскивающей разрѣшенія и переходы. Такова, именно, по существу своему философія Гегеля. Ее можно опредѣлить и обыкновенно опредѣляютъ тремя выраженіями: это философія синтетическая, діалектическая и идеалистическая.

Гегеля приходится произвести въ его основныхъ теоретическихъ взглядахъ и отъ рациональной критики Канта черезъ Фихте и отъ мистическаго романтизма Шеллинга.

Притомъ—онъ опредѣленно сознавалъ то противорѣчіе между философией и исторической жизнью, которое тяготѣло надъ его временемъ, и поставилъ себѣ цѣлью устранить его, найти для него примиряющій синтезъ. Отсюда знаменитое изреченіе „все дѣйствительное разумно, и все разумное дѣйствительно“. Изреченіе это можетъ быть истолковано и примѣнено въ двѣ стороны. Его можно понять, какъ оправданіе дѣйствительности и какъ оправданіе переворота во имя разумности: оно и примѣнялось послѣдователями Гегеля какъ въ томъ, такъ и въ другомъ смыслѣ. Но самъ Гегель понималъ его прежде всего въ первомъ смыслѣ, и въ своей „Философіи права“ рационализировалъ и идеализировалъ прусское чиновничье государство двадцатыхъ годовъ, чтобы разрѣшить, по его собственному выраженію, высшую задачу философіи—добиться „теплага“ примиренія съ дѣйствительностью.

Принципъ примиренія и разрѣшенія противоположностей привелъ, однако, нашего философа не къ эклектикѣ, не къ набиранію фактовъ и несвязанныхъ мыслей, а къ дѣйствительной переработкѣ и синтезу. Оттого философія Гегеля и носить свое второе опредѣленіе — оттого она является діалектической. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя передъ собою смѣну и противорѣчія цѣлаго ряда философскихъ школъ, имѣя передъ собой въ то же время контрастъ умозрѣнія и дѣйствительности, умъ Гегеля всецѣло проникся сознаниемъ глубокаго значенія появленія и разрѣшенія противоположностей, привыкъ не просто слѣдить за извѣстной послѣдовательностью доказательствъ, но въ то же самое время разсматривать это теченіе, какъ выраженіе того или другого субъективнаго теченія, какъ выраженіе поэтому всегда одностороннее, вызывающее на противорѣчія и на поправки. Не даромъ Гегель болѣе чѣмъ какой-либо изъ предшествовавшихъ философствъ занимался исторіей философіи, не даромъ, прибавимъ, онъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ нихъ, интересовался исторіей, ходомъ историческаго прогресса. Наблюдая постоянныя колебанія мысли, взаимо-

дѣйствія мысли и дѣйствительности, Гегель возвелъ ихъ развитіе въ общій законъ какъ мысли, такъ и дѣйствительности. Его знаменитый діалектическій принципъ появляется впервые на почвѣ логики и характеризуетъ ходъ мыслительнаго процесса. Всякій разъ, когда мы слагаемъ и высказываемъ извѣстную мысль, мы отдѣляемъ ее, отграничиваемъ отъ всѣхъ остальныхъ возможныхъ мыслей, ставимъ ее какъ опредѣленное положеніе. Но тѣмъ самымъ мы приходимъ къ необходимости выяснить, опредѣлить то, что положенію противоположно, поставить противоположеніе. Соревнованіе двухъ крайностей ведетъ къ указанію общаго начала, которое возвышается надъ ними и примиряетъ ихъ, къ объединенію или синтезу; это высшее понятіе, въ свою очередь, проходитъ тотъ же процессъ и т. д. Эту діалектическую формулу Гегель провелъ черезъ всю свою философію, примѣнилъ ее какъ къ процессамъ, совершающимся въ природѣ, такъ и къ ходу исторіи. Міровая жизнь съ его точки зрѣнія есть постоянное волненіе, постоянное движеніе; все, что только выступаетъ въ ней, есть нѣчто „посредствующее“, все возникаетъ лишь для того, чтобы перейти въ нѣчто иное, въ свою противоположность, и затѣмъ въ новое примиреніе. Въ такомъ грандіозномъ размѣрѣ Гегель могъ примѣнить это діалектическое умственное начало къ объясненію всего міра только потому, что его система была безусловнымъ идеализмомъ.

Для него идея и дѣйствительность, знаніе и бытіе только двѣ стороны одного и того же существа. Вся природа является мыслью безусловнаго духа, и потому къ ея явленіямъ можетъ быть вполнѣ приложенъ основной діалектическій законъ мысли. Но не будемъ далѣе углубляться въ теоретическія основы ученія Гегеля. Сказаннаго, быть можетъ, достаточно, чтобы истолковать ту часть ученія, которая ближайшимъ образомъ насъ касается. Движеніе исторіи для Гегеля есть также діалектическое движеніе идей. Носителями этихъ идей являются историческіе народы. Борьба этихъ идей совершается не только въ области умо-

зрѣнія, но и въ дѣйствительности, черезъ посредство организованныхъ государствъ. Только въ государствѣ человѣчество находитъ выраженіе своимъ высшимъ стремленіямъ, возвышается отъ личныхъ интересовъ къ общимъ цѣлямъ, работаетъ въ пользу этихъ цѣлей опредѣленными актами воли. И въ ходѣ всемірной исторіи государства встрѣчаются и побѣждаютъ другъ друга, благодаря не социальнымъ и военнымъ талантамъ полководца и не храбрости солдатъ. Въ концѣ концовъ беретъ верхъ то, которое представляетъ высшее начало, т.-е. то начало, которое стоитъ на очереди въ развитіи великихъ историческихъ идей. Точно также и внутри государства партіи, великіе люди заимствуютъ свой успѣхъ или подвергаются поражению смотря по тому, какому положенію, противоположенію или синтезу партіи или великій человѣкъ служить, и какой изъ идейныхъ моментовъ, воплощающихся въ нихъ является въ данное время умѣстнымъ. „Не всеобщая идея вступаетъ въ противорѣчіе, борьбу и опасность, она держится вдали, неприкосновенная и невредимая“. „Хитростью разума слѣдуетъ назвать то, что онъ вмѣсто себя заставляетъ дѣйствовать страсти людей“. „Индивидуумы отдаются на закланіе и приносятся въ жертву“, и „идея выплачиваетъ дань бытія и прехожденія страстями индивидуумовъ, а не собою“. И всѣ эти акты и моменты всемірно историческаго процесса съ точки зрѣнія гегелевскаго идеализма являются лишь проявленіемъ сознанія всемірнаго духа. Это такія же проявленія сознанія, какъ то, которое связываютъ въ одно цѣлое моменты духовной жизни отдѣльнаго человѣка. „Исторія, воспринятая сознаніемъ, представляетъ воспоминаніе и голгоу абсолютнаго духа, его дѣйствительный, истинный и подлинный престоль, безъ котораго онъ былъ бы чѣмъ-то безжизненнымъ, одинокимъ“.

Такъ какъ исторія человѣческаго сознанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія самосознанія всемірнаго духа, то движеніе ея несомнѣнно прогрессивное, притомъ въ направленіи отъ необходимости, какъ внѣшней силы, тяготящей надъ

духомъ, къ свободѣ, къ сознанию, что духъ служитъ своимъ собственнымъ разумнымъ опредѣленіемъ. Посмотримъ, какъ въ общихъ чертахъ расположилъ Гегель дѣйствительные факты исторіи, чтобъ удовлетворить своей діалектической схемѣ.

Въ исторіи древняго Востока всецѣло господствуетъ начало внѣшней необходимости. Государство не признаетъ ни личности, ни свободы мысли; олицетворяется государство въ деспотѣ, который одинъ свободенъ и окруженъ рабами; сама религія поглощается государствомъ и сливается своими догматическими и нравственными опредѣленіями съ политическимъ господствомъ. Греческій міръ представляетъ первое юношеское проявленіе свободы, ограниченное тѣсными предѣлами гражданства, существованіемъ обширнаго рабскаго класса, но замѣчательное по своей непосредственной жизненности. Греческій духъ чувствуетъ себя свободнымъ, но остается пока въ согласіи съ матеріей и творитъ главнымъ образомъ въ области матеріальной красоты и гармоніи; оттого величайшихъ успѣховъ достигли греки въ области искусствъ, но и государство, литература, философія, жизнь грековъ художественны по всему своему строю. Римская жизнь развиваетъ противоположеніе между началомъ матеріальной необходимости и личной свободы; съ одной стороны, возвышается деспотическая имперія, подавляющая всѣ попытки политической самостоятельности; съ другой, вырастаетъ великое частное право, и подъ его покровомъ процвѣтаетъ частная предприимчивость, полный индивидуализмъ и даже эгоизмъ. Примиреніе приноситъ христіанство, какъ религія единого Бога, принесшаго себя въ жертву за міръ. Но затѣмъ въ средніе вѣка единство опять распадается на положеніе и противоположеніе. Съ одной стороны, воздвигается церковь, стремящаяся къ теократіи, проводящая аскетическій взглядъ на жизнь, проповѣдь презрѣнія къ плоти, полной побѣды духа надъ плотью. Съ другой стороны, идетъ исторія варварства, погрязшаго въ матеріальныхъ отношеніяхъ, затѣмъ

свѣтской имперіи, вооружившейся противъ папства и церкви. Лишь въ новой исторіи достигается примиреніе, благодаря дѣятельности германскаго племени и реформаціи. Наступаетъ торжество свободнаго духа. Духовно свободный человѣкъ подчиненъ нравственности, возложенной на него государствомъ, но сознанный, какъ разумное правило жизни, и подчиняется государству, какъ разумно признанному высшему осуществленію человѣческой природы. Слово *свобода* принимается въ этомъ прогрессивномъ развитіи, конечно, не въ обыкновенномъ своемъ значеніи. Разумѣется не самоуправленіе, и не гражданская независимость. Гегель имѣетъ въ виду сознаніе внутренней свободы духа. Такого рода удовлетвореніе разумнаго стремленія духа къ свободѣ человѣчество находитъ въ государственномъ типѣ прусской бюрократіи, слегка осложненной сословными „чинами“. Періодъ духа—старческій возрастъ міроваго развитія, но въ этомъ старчевствѣ нѣтъ ничего печальнаго или унизительнаго. „Хотя естественная старость есть слабость, но старость духа есть совершенная зрѣлость, когда онъ, свершивъ свой жизненный путь, возвращается въ самого себя“.

Не трудно замѣтить, какая пропасть между грандіозными исходными мыслями и жалкимъ концомъ, къ которому свелось ихъ развитіе; не трудно видѣть, что авторъ самъ сдѣлался жертвой заблужденія. Онъ принялъ свое положеніе, положеніе своего времени и народа за высшее и окончательное опредѣленіе, тогда какъ по его же толкованію оно должно было быть только скоропреходящимъ моментомъ развитія; не трудно раскрыть софистику, которая заключается въ игрѣ словами: свобода, необходимость, духъ, матерія, въ примѣненіи такихъ общихъ категорій къ весьма мелкимъ явленіямъ исторической жизни. Проведеніе крайняго деализма, идеи тождества между всемірнымъ духомъ и міромъ, между законами духа и законами природы было своего рода религіей, личной и отвлеченной религіей автора, за которой никто не обязанъ былъ слѣдовать и за которой европейская мысль не послѣдовала. Можно сказать больше.

Можно возражать противъ самой попытки подрубить и прилаживать исторію къ опредѣленной гѣсной схемѣ, выставленной а priori, а не выведенной изъ фактовъ. Эта попытка невольно вызываетъ воспоминаніе о томъ разбойникѣ, который, по греческому преданію, ловилъ людей и привязывалъ ихъ къ своей постели: кто оказывался коротокъ, того онъ растягивалъ, кто былъ слишкомъ длиненъ — тому обрубалъ ноги. Но все-таки не даромъ философія Гегеля увлекала цѣлыя поколѣнія. Мнѣ кажется, что и въ настоящее время, несмотря на то, что многое въ ней насъ положительно отталкиваетъ, что многое видимо нелѣпо, мы должны признать за ней не только крупную историческую заслугу, но и жизнеспособный элементъ.

Элементъ этотъ заключается какъ разъ въ главной идеѣ этой философіи, въ идеѣ діалектическаго развитія. Если оставить въ сторонѣ и тождество между духомъ и міромъ, — и обоготворение государства, и шестіе отъ необходимости къ свободѣ, если отказаться отъ примѣненія діалектическаго мѣрила въ одной плоскости безъ допущенія перекрестныхъ вліяній, которыя могутъ дать совершенно неожиданный поворотъ теченію мыслей и теченію фактовъ, — остается все-таки чрезвычайно важное и плодотворное объясненіе послѣдовательнаго развитія идей и отношеній. Не предрѣшая пока вопроса о томъ, какое мѣсто удѣлить этой идеѣ сравнительно съ другими, ограничимся указаніемъ на то, что, съ формальной стороны, теченіе мысли и жизненныхъ отношеній дѣйствительно даетъ множество примѣровъ именно тѣхъ переходовъ, которые отмѣтилъ Гегель. Нисколько не насилуя исторію, можно показать, что утвержденіе извѣстныхъ взглядовъ или отношеній по существу своему, вслѣдствіе того, что на нихъ въ данномъ направленіи затрачивается энергія, совершается съ извѣстнымъ преувеличеніемъ, съ нарушеніемъ объективной мѣры и равновѣсія. Этотъ перевѣсъ вызываетъ къ существованію противоположное, и борьба противоположностей обыкновенно приводитъ къ третьему посредствующему мнѣнію, стремящемуся уstra-

нить преувеличенія того и другого изъ предшествовавшихъ. Все дѣло въ томъ, что ради формальной стороны нельзя забывать положительной: мнѣнія и отношенія могутъ получить силу независимо отъ идейныхъ колебаній, вслѣдствіе того, что они отвѣчаютъ потребностямъ даннаго положенія, разъ навсегда или хотя бы на извѣстное время разрѣшаютъ данные вопросы. Утвержденіе научныхъ истинъ несомнѣнно зависитъ не только отъ прилива и отлива діалектическихъ противоположеній, но и отъ степени зрѣлости этихъ истинъ. Пифагорова теорема и законы тяготѣнія получили свою силу, не благодаря роли въ діалектической системѣ положенія, противоположенія и синтеза, хотя вырабатывались они и не безъ участія колебаній въ научной литературѣ. Или, если взять примѣръ изъ болѣе спорной области, можно вполнѣ признать, что развитіе средневѣковой католической церкви объясняется въ значительной мѣрѣ контрастомъ съ грубымъ варварскимъ міромъ, надъ которымъ она старалась возвыситься; но развѣ къ этому контрасту сводится все дѣло? А вліяніе римскаго политическаго порядка, а развитіе чисто христіанскихъ ученій? Однимъ словомъ, дѣло не такъ просто и складно, какъ предполагаетъ Гегель, вводя въ объясненіе свой діалектической принципъ; но и та услуга, которую онъ оказалъ, подчеркнувъ значеніе этого принципа, какъ формальнаго двигателя въ историческомъ процессѣ, остается капитальной.

Блестящимъ подтвержденіемъ справедливости діалектическаго метода является судьба самой гегелевской философіи; въ полной противоположности съ ея всеобъемлющими отвлеченіями появляется ей на смѣну направленіе, господствовавшее во второй половинѣ вѣка. Оно ставитъ себѣ прежде всего цѣлью точное изученіе явленій, проникнуто недовѣріемъ ко всякой метафизикѣ и складывается подъ вліяніемъ методовъ и идей естествознанія. И раньше философы обращали вниманіе на явленія природы: какъ мы видѣли, Гердеръ, напримѣръ, отводилъ имъ значительное мѣсто. Но сближеніе между человѣческими отношеніями и есте-

ственно историческими процессами приводило либо къ случайнымъ аналогіямъ; либо къ неяснымъ построениямъ такъ называемой натуръ-философіи. Истинное вліяніе естествознанія на исторію начинается, когда само естествознаніе прониклось идеей превращенія и развитія и выработало себѣ, по выраженію одного изъ нашихъ выдающихся естествоиспытателей, историческій методъ. Теоретическимъ понужденіемъ къ такому обороту дѣла послужила идея единства и круговорота силъ природы. Еще Декартъ высказалъ мысль, что всѣ формы жизни природы являются лишь превращеніями одного и того же основного процесса. Современное естествознаніе различными путями подходитъ къ той же мысли. Законы единства вещества и сохраненія энергіи нашли себѣ частное примѣненіе въ ученіяхъ о превращеніи движенія въ теплоту, о единствѣ свѣта и электричества и т. п.

Это движеніе отозвалось непосредственно на общественныхъ наукахъ съ того времени, какъ идея безконечнаго превращенія проникла въ біологію. Какъ извѣстно, главная заслуга въ этомъ случаѣ принадлежитъ Дарвину. Благодаря его теоріи, совокупность растительныхъ и животныхъ видовъ представилась наблюдателямъ не какъ рядъ неподвижныхъ, точно разграниченныхъ подраздѣленій, а какъ разнообразіе формъ, постепенно переходящихъ другъ въ друга и исторически возникшихъ изъ общихъ основъ. Такого рода обобщеніе заполняло пробѣлъ между міромъ природы и міромъ человѣка и естественно направляло мысль къ тому, чтобы и въ исторіи человѣка провести тѣ же основныя наблюденія, которыя установились для исторіи органическихъ видовъ. Не только главная мысль Дарвина, но и отдѣльныя построенія и доказательства его теоріи получили значеніе для общественныхъ наукъ.

Сушность его объясненія органическаго развитія сводится къ слѣдующему: разнообразіе органическихъ видовъ образовалось путемъ приспособленія организмовъ, сначала однородныхъ, къ различнымъ условіямъ обстановки. Намѣчавшіяся при этомъ отличія строенія и функцій были закрѣп-

лены наслѣдственностью, причѣмъ отборъ производителей для этой наслѣдственной передачи совершался, благодаря борьбѣ за существованіе. Жизнеспособными и потому производительными оказывались тѣ организмы, которые всего лучше приспособлялись къ обстановкѣ, — слѣдовательно, всего сильнѣе развивали спеціальныя отличія, подходившія къ этой обстановкѣ.

Эта работа приспособленія является несомнѣнно цѣлесообразной, можетъ быть понята какъ движеніе къ цѣли, но движеніе это направляется не волею, цѣлесообразность вызвана не преднамѣреннымъ устройствомъ. Такимъ образомъ, мы въ данномъ случаѣ получаемъ грандіозное примѣненіе идеи цѣлесообразности развитія въ силу ряда мелкихъ приспособленийъ, въ силу естественнаго подбора, какъ выражается Дарвинъ. Нечего и говорить, какъ великъ контрастъ между такимъ пониманіемъ и такъ называемой телеологіей, т.-е. ученіемъ о направленіи процесса къ извѣстной цѣли постороннею волею. Изъ доказательствъ, которыя можно привести въ пользу теоріи Дарвина, два имѣли особенное значеніе для развитія общественныхъ наукъ. Во-первыхъ, эмбриологія показываетъ, что отдѣльная особь животнаго міра проходитъ въ своемъ развитіи черезъ нѣсколько стадій, которыя соотвѣтствуютъ цѣлому ряду животныхъ видовъ, начиная отъ видовъ простѣйшей организаціи къ болѣе сложнымъ. Эти наблюденія подсказывали попытку провести подобную же связь между послѣдовательностью развитія отдѣльнаго человѣка и человѣческаго рода, въ его движеніи отъ простѣйшихъ формъ культуры къ усовершенствованнымъ. Во-вторыхъ, какъ извѣстно, одной изъ главныхъ опоръ дарвинизма сдѣлалась палеонтологія, познакомившая насъ съ прошедшимъ земли, съ исчезнувшими въ настоящее время видами животныхъ, которые представляютъ промежуточныя формы и посредствующія звенья между видами, существующими теперь и какъ будто оторванными другъ отъ друга. Палеонтологическія изысканія, съ другой стороны, оказали непосредственное вліяніе на доистори-

ческую археологію человѣка, и хотя въ данномъ случаѣ пришлось держаться лишь на поверхности земли, въ предѣлахъ новѣйшихъ пластовъ, но методы антропологическихъ изысканій опредѣлились подъ влияніемъ палеонтологіи и притомъ палеонтологіи дарвиновскаго направленія, если можно такъ выразиться.

Возвращаясь къ нашей главной мысли, мы опять подчеркнемъ тотъ фактъ, что теорія Дарвина дала могущественный толчокъ къ эволюціонному пониманію жизни природы, т.-е. къ истолкованію всѣхъ отдѣльныхъ процессовъ этой жизни съ точки зрѣнія превращенія и развитія. Самъ Дарвинъ и его ближайшіе послѣдователи разрабатывали, главнымъ образомъ, біологическія задачи, связанныя съ этой общей идеей, но теченіе европейской мысли, которое вызвало къ жизни дарвинизмъ, выражалось также и въ попыткахъ дать философское обоснованіе теоріи эволюціи въ ея цѣломъ. Наиболѣе извѣстнымъ и послѣдовательнымъ выразителемъ этого философскаго направленія является Спенсеръ, къ которому мы теперь и переходимъ.

Для Спенсера не существуетъ никакого коренного различія въ процессахъ, которые изучаются физикой, химіей, механикой, съ одной стороны, біологіей, съ другой, психологіей и соціологіей, съ третьей. Конечно, жизнь и мысль общества имѣютъ свои особые признаки и законы, но то законы частные, позади которыхъ стоитъ одинъ общій законъ, примѣняющійся повсюду.

„Синтетическія объясненія, даваемые наукою, даже и самыя общія изъ нихъ, болѣе или менѣе независимы другъ отъ друга.... Должны ли мы полагать, однако, что процессы горѣнія свѣчи, землетрясенія и возрастанія организма, рассматриваемые каждый какъ одно цѣлое, не имѣютъ общности другъ съ другомъ....? Мы для удобства дѣлимъ измѣненія на разные разряды: на измѣненія искусственныя и естественныя, органическія и неорганическія; но съ высшей точки зрѣнія нельзя дѣлить ихъ на разряды, потому что всѣ они—измѣненія, происходящія въ одномъ и

томъ же космосѣ, части одного громаднаго процесса преобразованій. Игра силъ существенно одинакова въ принципѣ по всей области, познаваемой нашимъ умомъ; и хотя, бесконечно видоизмѣняясь въ формахъ и пропорціяхъ, эти силы производятъ повсюду результаты болѣе или менѣе различныя, кажущіяся ни мало не родственными, но не можетъ не быть коренной общности между этими результатами. Вопросъ, отвѣта на который мы ищемъ: каковъ же общій элементъ всѣхъ конкретныхъ процессовъ?“

Какъ Гегель повсюду видѣлъ діалектическое развитіе, такъ Спенсеръ повсюду проводитъ эволюціонное развитіе. Эволюція въ своей простѣйшей формѣ есть результатъ приложенія силы къ матеріи. Подъ вліяніемъ опредѣленной силы масса матеріи приходитъ въ движеніе: чѣмъ сильнѣе это движеніе, тѣмъ болѣе разрознивается эта масса,—наоборотъ, чѣмъ меньше масса получаетъ движенія, тѣмъ она болѣе сосредоточивается, тѣмъ становится плотнѣе.

„Переходъ изъ разлитаго, незамѣтнаго состоянія въ сосредоточенное, замѣтное—это сосредоточеніе, интеграція матеріи и сопровождающее ее разсѣяніе движенія, а переходъ изъ сосредоточеннаго, замѣтнаго состоянія въ разлитое, незамѣтное—это поглощеніе движенія и сопровождающая его дезинтеграція матеріи.... Составныя части агрегата не могутъ образовать его, не утративъ часть своего относительнаго движенія; и не могутъ распасться, не получивъ прибавки къ своему относительному движенію“. Примѣромъ можетъ служить образованіе планетной системы изъ туманности, т. е. слабо собранныхъ частицъ вещества. Мало-по-малу онѣ сосредоточиваются и приобрѣтаютъ опредѣленность. При этомъ „вещество каждой планеты, проходя свои періоды туманнаго кольца, газообразнаго сфероида, капельножидкаго сфероида и сфероида съ затвердѣвшею поверхностью, шло путемъ измѣненія, въ существенныхъ чертахъ параллельнаго процессу, который проходила вся масса системы“. Тотъ же процессъ сосредоточенія, интеграціи наблюдается въ мірѣ органическомъ.

„Въ зародышѣ млекопитающаго сердце сначала продолговатый, пульсирующій кровяной сосудъ; постепенно оно образуетъ завитокъ и интегрируется. Желчныя клѣточки, образующія первоначальную печень, становятся различными отъ стѣнки кишечнаго канала, въ которой сначала лежатъ, по мѣрѣ накопленія, выступаютъ изъ нея и объединяются въ особенный органъ“. То же самое въ мѣрѣ общественномъ.

„Въ общественномъ организмѣ очень много, и притомъ очень ясныхъ примѣровъ интегрирующихъ измѣненій. Въ нецивилизованныхъ обществахъ они проявляются, когда странствующія семейства соединяются въ племена, довольно многочисленныя, какъ это видимъ у бушменовъ. Дальнѣйшій прогрессъ того же характера повсюду проявляется въ порабощеніи слабыхъ племенъ сильными и въ подчиненіи ихъ вождямъ завоевателей. Происходящія, такимъ образомъ, комбинаціи у первобытныхъ племенъ постоянно возникаютъ и постоянно разрушаются. У высшихъ племенъ онѣ сравнительно прочны“. Но въ интеграціи матеріи и разсѣяніи движенія заключается лишь одна сторона мірового процесса эволюціи. Въ то же самое время, какъ совершается сосредоточеніе между отдѣльными частями первоначально однообразной массы, устанавливаются все болѣе и болѣе замѣтныя различія, по мѣрѣ того, какъ масса становится тѣломъ, системой, органическимъ обществомъ, ея части получаютъ болѣе раздѣльное положеніе и назначеніе, оставаясь въ связи между собою. Масса, такимъ образомъ, переходитъ изъ состоянія однородности въ состояніе разнородности,—дифференцируется.

„Матерія нашей солнечной системы, концентрируясь, сдѣлалась разнообразнѣе прежняго. Соединяя вещество въ разнообразныя сфероидальныя агрегаты, разсѣивая его движеніе, приобрѣтая болѣе рѣзкія несходства внутреннихъ и наружныхъ частей по плотности и температурѣ....., матерія подвергалась дифференціациямъ, число и степень которыхъ возрастали, такъ что развилась, наконецъ, нынѣшняя

организованная группа, образуемая солнцемъ, планетами и спутниками. Разнородность этихъ частей проявляется въ разныхъ отношеніяхъ. Громадёнъ контрастъ между солнцемъ и планетами по объему и по вѣсу; есть и второстепенные контрасты такого же рода между разными планетами, между планетами и ихъ спутниками“. „Всякій зародышъ имѣеть первоначально форму шара и всякій органъ является первоначально почкою или простымъ кругловатымъ комочкомъ. Изъ этой первоначальной однообразности и простоты начинается расхожденіе и организмовъ и главныхъ частей организма къ разнообразію очертаній и къ сложности ихъ. Срѣжемъ плотно свернутые молодые листы, которыми кончается каждый отпрыскъ; мы найдемъ, что ядро этой почки образуетъ центральный клубочекъ, и на немъ сидятъ боковые клубочки, изъ которыхъ каждый разовьется или въ листъ, или въ листокъ чашечки, или въ лепестокъ, или въ тычинку, или въ пестикъ: всѣ эти части, становящіяся подъ конецъ различными, бываютъ вначалѣ одинаковы. Сами побѣги тоже уклоняются въ разныя стороны отъ первоначальной одинаковости формъ. Каждая вѣтвь становится болѣе или менѣе различной отъ другихъ, а вся выросшая надъ землею часть растенія становится различной отъ оставшейся въ землѣ части“.

„Въ первой и нижней своей формѣ общество, какъ мы видимъ у нынѣшнихъ варварскихъ племенъ, составляетъ однородную агрегацию индивидуумовъ, имѣющихъ одинаковыя права и одинаковыя функціи; единственное важное различіе функцій—то, которое сопровождаетъ разницу пола. Каждый мужчина—воинъ, охотникъ, рыбакъ, инструментальный мастеръ, строитель; каждая женщина исполняетъ всѣ женскія работы; каждое семейство производитъ для себя все надобное, и еслибы не представлялись случаи нападать и защищаться, могло бы жить безъ всякихъ связей съ другими. Но очень рано мы находимъ въ процессѣ общественной эволюціи начало дифференціаціи управляющихъ отъ управляемыхъ. Существованіе какого-нибудь

старшины или вождя, повидимому, начинается съ перваго шага прогресса отъ быта отдѣльныхъ бродячихъ семействъ къ быту кочевого племени“.... „Итакъ, въ нашу формулу должны войти эти черты. По понятіямъ объ эволюціи, пріобрѣтеннымъ нами теперь, мы должны опредѣлить ее какъ измѣненіе безсвязной однородности въ связную разнородность, являющееся слѣдствіемъ разсѣянія движенія и интеграціи вещества“.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что это опредѣленіе указываетъ на движеніе не беспорядочное, а въ постоянномъ направленіи, на движеніе прогрессивное въ смыслѣ опредѣленности и сложности системы.

„Будучи переходомъ изъ однородности въ разнородность, эволюція вмѣстѣ съ тѣмъ—переходъ отъ неопредѣленности въ опредѣленность. Вмѣстѣ съ движеніемъ отъ простоты къ сложности въ ней идетъ движеніе отъ беспорядочности къ порядку, отъ неопредѣленнаго распредѣленія къ опредѣленному. Къ какому бы разряду предметовъ ни относилось развитіе, оно представляетъ не только возрастаніе числа неодинаковыхъ частей, но и возрастаніе ясности различій между частями“. Надо только помнить, что прогрессъ, о которомъ идетъ рѣчь, есть результатъ общаго механическаго закона, распространяется на всѣ виды дѣятельности природы, столько же касается поверхности земли, планетъ, растений, животныхъ, сколько человѣка и человѣческаго общества, и ничего не имѣетъ общаго съ конечною побѣдой какого-либо принципа, взятаго спеціально изъ человѣческой жизни. Ни торжество знанія, ни торжество гуманности, ни самосознаніе человѣчества, ни конечное счастье человѣческой породы не предвѣщается этимъ процессомъ, въ строгомъ смыслѣ міровымъ, космическимъ.

Мало того, безпристрастное наблюденіе природы предвѣщаетъ нѣчто совершенно обратное. Дѣло въ томъ, что весь ходъ эволюціи основанъ на постоянно измѣняющемся, неустойчивомъ равновѣсіи между сосредоточеніемъ ма-

терии и разсѣяніемъ силы, между процессами интеграціи и дифференціаціи. Нѣтъ гарантіи, что весь процессъ всегда будетъ находиться въ такомъ равновѣсіи, которое обезпечитъ существованіе теперешней міровой системы въ цѣломъ или въ частяхъ. Наоборотъ, въ частяхъ мы постоянно наблюдаемъ не только процессъ созиданія и роста тѣлъ и организмовъ, но также и процессъ разрушенія и умиранія ихъ. Также и индивидуумъ, который въ первой половинѣ своей жизни имѣетъ избытокъ силъ и пользуется этимъ избыткомъ, чтобы расти, развиваться и совершенствоваться на счетъ окружающей среды, во второй половинѣ жизни начинаетъ страдать недостаткомъ силъ, все болѣе и болѣе чувствительнымъ, и подъ конецъ теряетъ равновѣсіе, падаетъ въ борьбѣ за существованіе, умираетъ, разлагается. То же самое справедливо относительно неорганическихъ тѣлъ и справедливо относительно человѣческихъ обществъ. Вся наша планетная система тратитъ больше теплоты, чѣмъ получаетъ, и потому идетъ, хотя и медленно, къ замѣнѣ своего подвижного равновѣсія неподвижнымъ,—покоемъ и распаденіемъ.

„Если солнечная система мало-по-малу разсѣиваетъ свои силы, если солнце теряетъ свою теплоту...., если съ уменьшеніемъ лучеиспусканій солнца должна уменьшаться дѣятельность геологическихъ и метеорологическихъ процессовъ, должно уменьшаться и количество растительной и животной жизни, и если жизнь человѣка и общества точно также зависитъ отъ дѣйствія этой силы, постепенно истощающейся, то не ясно ли само собою, что мы повсюду идемъ къ смерти?“ „Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что таковъ долженъ быть результатъ всѣхъ происходящихъ въ мірѣ процессовъ“. Насколько мы можемъ судить, послѣ диссолюціи, которая приведетъ весь извѣстный намъ міръ вновь въ состояніе туманности, начнется новый процессъ образованія тѣлъ и дифференціаціи ихъ частей,—процессъ, аналогичный тому, который совершается въ настоящемъ міровомъ періодѣ, но не совпадающій съ нимъ.

На этомъ можно остановиться. Ясно, что нашъ натуралистъ совершенно разорвалъ съ оптимистическимъ взглядомъ философвъ-идеалистовъ. Правда, по его мнѣнію, конецъ міра, нашего міра, отдаленъ на миллионы лѣтъ, но вѣдь онъ все-таки наступитъ, и предшествовать этому концу будетъ медленная „диссолюція“, распаденіе, едва ли болѣе привлекательное, чѣмъ самый конецъ. Косвенно этотъ оборотъ мысли отмѣчаетъ основную шаткость оптимистическихъ теорій обязательнаго прогресса, составленныхъ безъ изученія реальныхъ основаній въ жизни природы. Съ точки зрѣнія Спенсера, человѣческому роду приходится примириться съ закономъ, который тяготѣетъ надъ каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ. Во всякомъ случаѣ эта печальная часть мірового процесса по предположеніямъ философа еще такъ далека отъ насъ, что, прежде чѣмъ приготовляться къ міровой дряхлости и смерти, мы можемъ подумать о томъ, какъ жить и какъ воспользоваться нарастаніемъ силъ и совершенствованіемъ организациі, обезпеченной землѣ еще на миллионы лѣтъ. Даже на этой почвѣ вѣдь возможна еще теорія прогресса, хотя прогресса строго обусловленнаго, не претендующаго на абсолютность. Не даромъ такой чистокровный оптимистъ, какъ Кондорсе, излагая свои мечтанія о счастливомъ будущемъ человѣческаго рода, не думалъ, что онъ разстроится тѣмъ соображеніемъ, что можетъ воспрепятствовать ихъ осуществленію какой-нибудь космической переворотъ. И въ воззрѣніи самого Спенсера высказывается въ сущности не пессимизмъ, а рѣшимость разъ навсегда покончить со всѣми пріятными заблужденіями, со всѣми попытками заставить міръ вертѣться вокругъ человѣка и его стремленія къ счастью, со всякой предвзятой мыслью объ устроеніи хода вещей для окончательнаго удовлетворенія того или другаго предполагаемаго назначенія человѣка. Этотъ окончательный разрывъ съ телеологіей, съ извнѣ установленной цѣлесообразностью мірового процесса, дѣйствительно составляетъ крупную заслугу натуралистическаго направленія.

Что касается до центральной идеи Спенсера, до самого эволюціоннаго принципа, то великое значеніе этой идеи можетъ, пожалуй, проиграть отъ того всеобъемлющаго примѣненія, которое даетъ ей Спенсеръ. Идея въ сущности біологическая, извлеченная, съ одной стороны, изъ ученія о развитіи функцій и органовъ живыхъ организмовъ, съ другой, — изъ исторіи развитія самыхъ органическихъ видовъ отъ простѣйшихъ до самыхъ сложныхъ. Спенсеръ старается придать ей механическое обоснованіе, чтобы безъ остатка свести ее на законы единства существа и сохраненія энергіи, но при этомъ философскомъ синтезѣ утрачивается цѣлый рядъ конкретныхъ и существенныхъ опредѣленій эволюціи и получается возможность спѣшно, безъ критики набивать въ нее, какъ въ какой-то мѣшокъ, самыя разнородныя явленія всѣхъ возможныхъ порядковъ. Не буду останавливаться на поверхностныхъ сближеніяхъ органическихъ и неорганическихъ процессовъ. Это лучше предоставитъ спеціалистамъ. Но сколько произвольнаго и непродуманнаго въ разсужденіяхъ о психологической и общественной, литературной эволюціяхъ! Исторія англійскаго языка, потерявшаго флексіи и замѣнившаго ихъ предлогами, укоротившаго слова до *minimum*'а, объясняется, напримѣръ, законами интеграціи, которая уничтожаетъ многосложныя слова. Отсутствіе перспективы въ живописи древнихъ египтянъ, исторія ритма въ музыкѣ — все это фигурируетъ въ качествѣ иллюстраціи интеграціи матеріи и разсѣянія движенія. Но тутъ приходится повторить то, что было сказано про Гегеля: преувеличенія и заблужденія, хотя бы даже крупныя, не должны затемнять основныхъ заслугъ мыслителя.

Прежде всего мы можемъ признать, что, благодаря эволюціонизму, положенъ конецъ тѣмъ оптимистическимъ заблужденіямъ, которыя заставляли забывать реальныя задачи и трудности ради блестящихъ миражей, отступающихъ передъ зрителемъ по мѣрѣ того, какъ онъ двигается въ направленіи къ нимъ, положенъ конецъ представленію, что міръ вертится вокругъ судьбы людей и служитъ ихъ стрем-

леніямъ къ счастью. Лучше знать разъ навсегда, что счастье можетъ быть достигнуто лишь примѣненіемъ къ общимъ законамъ мірозданія.

Затѣмъ, эволюціонный методъ дѣлаетъ возможнымъ совершенно новую обработку общественныхъ наукъ на основѣ сближенія ихъ съ біологіей. При изслѣдованіи вопроса о возможности социологіи или научной исторіи часто высказывается соображеніе, что социологическіе и историческіе законы, которыхъ мы ищемъ, могутъ быть лишь приложениемъ основныхъ законовъ психологіи, такъ какъ общество и общественная жизнь въ концѣ концовъ сводятся на психическую жизнь челсвѣка. Эта мысль вполне справедлива, но на практикѣ приложить ее пока трудно, потому что большая часть добытыхъ пока психологическихъ обобщеній не такого свойства, чтобы они могли быть приложены съ успѣхомъ къ матеріалу общественныхъ наукъ.

Біологія стоитъ нѣсколько дальше отъ историческихъ данныхъ, чѣмъ психологія, но зато она обладаетъ, такъ сказать, дѣятельными обобщеніями, которыя могутъ быть испробованы, и съ успѣхомъ испробованы на этихъ данныхъ. Въ концѣ концовъ исторія анализируетъ жизнь обществъ, и потому самому она не можетъ остаться чужда вліянію ученій біологіи—науки о жизни.

III.

Передъ нами прошелъ цѣлый рядъ теорій историческаго процесса, выработанныхъ европейскою мыслью въ послѣдніе два вѣка. Отмѣчая значеніе каждой изъ нихъ, выдвигая ту или другую ея положительную сторону, мы, однако, не примкнули всецѣло ни къ одной изъ нихъ. Препятствіемъ являлось одно коренное затрудненіе—всѣ эти теоріи въ концѣ концовъ придавали точному изученію историческаго прогресса второстепенное значеніе, всѣ отправлялись отъ общихъ положеній, добытыхъ на сторонѣ, и примѣняли эти общія положенія къ матеріалу безъ должнаго вниманія

къ его собственнымъ характернымъ чертамъ и требованіямъ. Мыслители, которыхъ мы до сихъ поръ разсматривали, подчинили свои историческія построения необходимости установить ту или другую общеполитическую систему, подходили къ вопросамъ о прогрессѣ и объ условіяхъ историческаго развитія въ сущности съ запасомъ готовыхъ общихъ принциповъ, которымъ во что бы то ни стало приходилось найти удовлетвореніе и въ этой области. Такое положеніе дѣль естественно, потому что всѣ перечисленные писатели были не историками по специальности, а философами, и интересовались не одной частью зданія, а его цѣлымъ. Но понятно также, что при ближайшемъ разсмотрѣніи добытыхъ ими результатовъ историки въ свое время должны возвысить голосъ. И приходится сказать, что наличный историческій матеріаль не оправдываетъ слишкомъ всеобъемлющихъ, слишкомъ самоувѣренныхъ указаній на ходъ историческаго прогресса. Каждая изъ отмѣченныхъ нами теорій XVIII-го вѣка касается дѣла лишь въ одномъ его элементѣ, каждая изъ двухъ важнѣйшихъ теорій XIX-го вѣка односторонне выдвигаетъ лишь одно двигающее начало. Но необходимо прибавить, что какъ разъ теоріи XIX-го вѣка указываютъ вѣрный путь къ дальнѣйшему изслѣдованію, потому что онѣ не только дѣлаютъ обзоръ предполагаемаго развитія, но внимательно, хотя и односторонне останавливаются на основномъ принципѣ совершающагося движенія—діалектическомъ—по одному толкованію, эволюціонномъ—по другому. Этимъ намѣчается методъ изслѣдованія: необходимо сначала разсмотрѣть, въ чемъ состоятъ сущность и особенности историческаго процесса, а затѣмъ уже ставить вопросъ, куда ведетъ этотъ процессъ, насколько онъ обѣщаетъ прогрессъ, круговоротъ или какую бы то ни было другую форму движенія.

Точкой отправленія мы можемъ взять формулу Спенсера, которая, во всякомъ случаѣ, имѣетъ то преимущество, что она предполагаетъ лишь простѣйшія наблюденія надъ явленіями природы и не требуетъ прямо, подобно формулѣ Ге-

геля, такихъ значительныхъ допущеній, какъ допущеніе тождества мысленнаго и мірового процессовъ. Но, какъ уже было сказано въ прошлый разъ, для изслѣдованія историческихъ явленій лучше имѣть въ виду не общую механическую теорію сосредоточенія матеріи и разсѣянія движенія, а постановку эволюціоннаго принципа въ примѣненіи къ біологіи. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, чѣмъ бы онъ ни былъ помимо своей животной природы, во всякомъ случаѣ, есть, между прочимъ, и животное. Біологическіе законы къ нему поэтому несомнѣнно приложимы, еслибы даже они и не были достаточны, чтобъ объяснить всю его дѣятельность. Затѣмъ можно быть какого угодно мнѣнія о степени приложимости понятія организма къ различнымъ формамъ общества, но въ настоящее время никто не сомнѣвается, что развитіе обществъ въ основѣ своей является органическимъ или, пожалуй, подобнымъ органическому. Преувеличеніе аналогіи можетъ привести къ смѣшнымъ попыткамъ найти въ исторіи все то, что характеризуетъ строеніе или отправленіе животнаго или растенія, можетъ повести и къ игнорированію существенныхъ особенностей человѣческихъ обществъ; но недурно поставить хотя бы предварительный вопросъ, на что наводитъ признаніе извѣстнаго сходства въ развитіи животныхъ организмовъ и видовъ и человѣческихъ обществъ, не подсказываетъ ли оно существенныхъ соображеній относительно хода историческаго процесса.

Итакъ, остановимся на нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ, вытекающихъ изъ самаго понятія жизненной эволюціи, и посмотримъ, не приложимы ли они въ одинаковой степени къ организмамъ природы и къ организмамъ исторіи.

Исходнымъ пунктомъ всякой жизненной эволюціи является организмъ, *обособленіе* вещества въ извѣстное цѣлое, выдѣленное изъ окружающей среды и одаренное энергіей, стремленіемъ къ поддержанію своего обособленнаго существованія. Фактъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ возникаютъ какъ бы федераціи организмовъ, которые ведутъ об-

щую жизнь, напимѣръ, федераціи полиповъ коралловаго рифа, и что всякій высшій организмъ можетъ разсматриваться какъ комбинація множества низшихъ, не разрушаетъ основнаго положенія. Онъ показываетъ только, что существуютъ разнообразныя сцѣпленія органическихъ формъ, которыя могутъ быть разсматриваемы или какъ разложимыя комбинаціи, или какъ самостоятельныя особи, смотря по тому, какія цѣли и стремленія мы примемъ во вниманіе, жизнь группы или жизнь составляющихъ ее ячеекъ. И тотъ, и другой процессъ имѣютъ свое теченіе и свои потребности, хотя и тотъ и другой въ значительной степени обусловлены другъ другомъ. Если мы обратимся теперь къ исторической жизни, то едва ли будетъ особенная нужда настаивать на приложимости идеи обособленія органическихъ цѣлыхъ къ человѣческимъ обществамъ, — сходство слишкомъ очевидно и слишкомъ часто разъяснялось.

Семья, родъ, племя, государство, церковь могутъ быть разсматриваемы какъ обособленные организмы, преслѣдующіе свои цѣли и поддерживающіе свое существованіе во взаимодѣйствіи съ окружающею средой. Въ противоположность сознательнымъ ассоціациямъ, эти цѣля не устраиваются нарочно и не зависятъ въ своемъ существованіи отъ опредѣленнаго договора, а развиваются самопроизвольно изъ едва замѣтныхъ зародышей и поддерживаются болѣе молчаливой солидарностью своихъ членовъ, чѣмъ опредѣленными ихъ соглашеніями.

Существеннымъ является, во всякомъ случаѣ, то, что каждая изъ этихъ общественныхъ формъ обособлена, составляетъ цѣлое, выдѣлившееся изъ окружающей среды и до нѣкоторой степени противоположное ей.

Существенное отличіе, которое приходится отмѣтить съ самаго начала междуестественными и общественными явленіями состоитъ въ томъ, что составными клѣточками, входящими во всѣ общественныя комбинаціи, являются отдѣльные живые люди, изъ которыхъ каждый обладаетъ самыми различными потребностями и способностями, физическими и

духовными. Клѣточки эти смыкаются поэтому не въ одну высшую органическую группировку: каждая изъ нихъ входитъ заразъ въ цѣлый рядъ различныхъ комбинацій. Иначе говоря, одинъ и тотъ же человѣкъ принимаетъ участіе и въ жизни своей семьи, и въ жизни государства, и въ жизни церкви, и, можетъ быть, въ жизни промышленныхъ, литературныхъ, научныхъ, художественныхъ цѣлыхъ своей эпохи. Въ каждомъ человѣкѣ перекрещиваются и такъ или иначе комбинируются очень много отдѣльныхъ эволюцій. Жизнь общества—синтезъ всѣхъ этихъ эволюцій, съ преобладающимъ вліяніемъ той или другой, но съ извѣстнымъ вліяніемъ каждой. Эти наблюденія тотчасъ пригодятся намъ при характеристикѣ самой исторической эволюціи.

Затѣмъ, необходимо обратить вниманіе на особенности терминовъ, которые обыкновенно употребляются въ при-мѣненіи къ общественнымъ формамъ. Термины эти часто смѣшиваются, и для правильнаго ихъ употребленія необходимо установить съ самаго начала нѣкоторую предварительную классификацію. Говоря объ общественныхъ формахъ, мы прежде всего имѣемъ въ виду общественные *союзы*, сознательно преслѣдующіе свои цѣли и снабженные опредѣленною властью, въ которой выражается какъ бы коллективная воля союза; воля эта господствуетъ надъ волей отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ союза, и въ извѣстномъ случаѣ можетъ осуществляться въ видѣ принужденія. Такими признаками отличается, очевидно, государство, обладающее извѣстной принудительной властью и опредѣленною организаціей для общей защиты и другихъ положительныхъ цѣлей. Тѣ же признаки найдемъ мы и въ церкви, которая, помимо идеальнаго единства вѣроисповѣданія, имѣетъ рядъ учреждений и правилъ, долженствующихъ поддерживать связь между вѣрующими и въ извѣстныхъ случаяхъ даже дѣйствовать на нихъ принудительно. Въ извѣстной мѣрѣ и такой союзъ, какъ семья, обладаетъ признакомъ коллективной воли, выражающейся во власти родителей надъ дѣтьми. Въ отличіе отъ такихъ опредѣленно

организованныхъ союзовъ отмѣтимъ, во-вторыхъ, общественныя *группы*, которыя такъ или иначе обособились отъ окружающей среды, выработали историческія черты, специально ихъ характеризующія, обладаютъ даже сознаниемъ своего обособленія и средствами болѣе тѣснаго сближенія между составляющими ихъ членами, но не обладаютъ юридически опредѣленною волею и властью. Такою группой является всякій народъ. Единство языка, историческихъ традицій, культурныхъ связей сводитъ его въ опредѣленную, иногда очень плотную группу, въ которой можетъ существовать весьма ясно выраженное сознание обособленности; но только преобразовавшись въ государство, народъ достигаетъ единства воли. Польскій народъ, на примѣръ, который послѣ раздѣловъ пересталъ быть государствомъ, весьма энергически сохраняетъ свою культурную обособленность, и однимъ изъ условий для этого сохраненія является опредѣленное сознание, которое, такимъ образомъ, живетъ, несмотря на отсутствіе формальной власти.

Когда мы употребляемъ выраженія: племя, раса, то наше вниманіе обращается, главнымъ образомъ, на антропологическое сходство тѣхъ лицъ, которыя входятъ въ составъ названныхъ группъ. Сходство это можно объяснить общимъ происхожденіемъ, общими естественными условіями, сформировавшими извѣстный антропологическій типъ, отличающійся отъ другихъ подобныхъ типовъ; но при этомъ улетучивается изъ установленной нами группы не только понятіе власти, какъ опредѣленно сосредоточенной коллективной воли, но и понятіе коллективнаго сознания. Для расы и для племени существенна только наличность извѣстнаго числа признаковъ, отличающихъ группу отъ сосѣднихъ группъ на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ растительный или животный видъ обособляется отъ другихъ видовъ.

Само собой разумѣется, что переходы отъ одной формы къ другой, отъ расы къ племени, отъ племени къ народу, отъ народа къ государству могутъ быть весьма постепенны и что въ дѣйствительности характерные признаки той или

другой изъ этихъ формъ: власть, сознаніе, типическое отлічіе—располагаются скорѣе въ видѣ оттѣнковъ, нежели въ видѣ рѣзкихъ границъ, но тѣмъ не менѣе въ принципѣ мы должны признать эти основныя различія и сообразно съ ними установить классификаціи.

Понятіе развитія постоянно прилагается къ общественнымъ *отношеніямъ*. Мы постоянно говоримъ о развитіи или эволюціи хозяйства, права, нравственности, науки, литературы, искусства. Такого рода словоупотребленіе объясняется нашимъ желаніемъ свести въ одно цѣлое всѣ черты, которыя характеризуютъ послѣдовательное существованіе идей и отношеній, къ которымъ отдѣльные люди временно примыкаютъ, если можно такъ выразиться. Нѣтъ бѣды или опасности въ этомъ способѣ выражаться, если только мы будемъ твердо помнить, что общественныя формы, о которыхъ идетъ рѣчь, не представляютъ полной аналогіи съ указанными раньше союзами и группами. На нихъ можно смотрѣть съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Если мы говоримъ, напримѣръ, о развитіи литературы, то мы можемъ имѣть въ виду, во-первыхъ, совокупность литературныхъ произведеній. При этомъ выдвинутся для насъ вопросы о господствующихъ въ нихъ идеяхъ, о средствахъ литературнаго впечатлѣнія, объ особенностяхъ литературнаго творчества и т. п., хотя, конечно, при этомъ придется принимать во вниманіе условія времени и мѣстности; но условія эти составятъ лишь такъ называемую литературную обстановку для развитія того или другого духовнаго содержанія. Литература представится намъ какъ цѣлое, но не какъ цѣлое, составленное изъ отдѣльныхъ живыхъ людей, не какъ общественная группа. Поэтому и понятіе общественной эволюціи можно будетъ приложить къ ней лишь по аналогіи, и надо будетъ заранѣе примириться съ тѣмъ, что во многихъ отношеніяхъ аналогія окажется неполной и мало подходящей.

Во-вторыхъ, можно имѣть въ виду развитіе литературы извѣстнаго народа или ряда народовъ. Въ такомъ случаѣ

опять выступает вперед общественная сторона процесса. Литературныя произведенія, типы, идеалы подвергнутся изученію какъ выраженія народной жизни, какъ формы дѣятельности того или другого коллективнаго цѣлаго, состоящаго изъ отдѣльныхъ живыхъ людей и обособленнаго извѣстными признаками и организаціей. Съ этой точки зрѣнія, принципъ общественной эволюціи опять вступить въ свои права; но не слѣдуетъ забывать, что онъ будетъ разсматриваться лишь въ примѣненіи къ одной сторонѣ коллективной жизни, что дѣло будетъ идти, такъ сказать, объ одномъ рядѣ отправленій или функций организма. Для удобства разсмотрѣнія можно выдѣлить органы питанія или нервную систему, хозяйство или литературу, но надо помнить, что выдѣленіе это чисто искусственное, что въ дѣйствительности отдѣльныя функціи и органы находятся въ тѣснѣйшей связи со всѣми другими функціями или органами живого цѣлаго.

Помимо всѣхъ перечисленныхъ формъ приходится считаться еще съ понятіемъ *общества какъ совокупности* всѣхъ круговъ жизни, всѣхъ группъ, такъ или иначе соединившихся въ извѣстной географической и исторической обстановкѣ. Общество въ этомъ смыслѣ шире всѣхъ перечисленныхъ группъ, включаетъ въ себя и государство, и церковь, и семью, и тѣ или другія литературныя и научныя соединенія. Понятіе это часто употребляется и имѣетъ реальный смыслъ, именно потому, что на однихъ и тѣхъ же мѣстныхъ основахъ строится цѣлый рядъ соединеній, разнохарактерныхъ по своимъ цѣлямъ, но тѣсно связанныхъ единствомъ входящихъ въ составъ ихъ элементовъ — живыхъ людей. Необходимо лишь имѣть въ виду, что понятіе „общество“ синтетическое и условное. Оно не подчиняется опредѣленному отграниченію и можетъ быть обращено въ ту или другую сторону, смотря по тому, на какой признакъ мы обратимъ преимущественное вниманіе. Во всякомъ случаѣ, эта высшая синтетическая комбинація, подобно первому составному элементу — отдѣльному человѣку, — характе-

ризуется прежде всего многообразіемъ своихъ проявленій и перекрестными связями между всѣми этими проявленіями.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію *цѣлей* историческаго процесса. Въ естественныхъ организмахъ полное единство и простота цѣли, ихъ дѣятельность направлена къ поддержанію существованія и удовлетворенію потребностей этого существованія и ни къ чему другому. Никакого дуализма или раздора между частями отдѣльнаго организма быть въ данномъ случаѣ не можетъ. Каждый организмъ общественный также является цѣлымъ, которое преслѣдуетъ подобныя цѣли, но преслѣдуетъ онъ ихъ не безусловно и самопроизвольно, а въ зависимости отъ того, что онъ служить такъ или иначе интересамъ и потребностямъ отдѣльныхъ личностей, его составляющихъ. Между той и другою цѣлью всегда существуетъ извѣстный антагонизмъ, потому что общественный союзъ долженъ до извѣстной степени жить на счетъ своихъ составныхъ элементовъ, ограничивать ихъ и эксплуатировать ихъ.

Но если антагонизмъ этотъ возрастетъ до слишкомъ сильной степени, то плохо будетъ общественному организму. Нравственная связь, его замыкающая, ослабнетъ, отдѣльные люди плохо будутъ поддерживать общество, выдадутъ въ моментъ опасности, будутъ обманывать и уклоняться въ будничныхъ отношеніяхъ, отвернутся отъ опостылѣвшаго соединенія и перекочуютъ къ какому-либо другому.

Поразительный примѣръ такого перехода интересовъ отъ одного общественного союза къ другому представляютъ отношенія между Римской имперіей и христіанской церковью въ первые вѣка. Тяжелыя условія политической жизни Рима, гнетъ государственной организаціи, ослабленіе политическихъ идеаловъ привели къ тому, что всѣ положительныя силы общества укрылись въ христіанской церкви. Отливъ интересовъ и нравственныхъ силъ изъ одного союза въ другой сознавался уже современниками. Для представителей языческаго государства христіане были врагами рода человѣческаго, потому что подчинялись лишь внѣш-

нимъ образомъ требованіямъ закона, а душою принадлежали своей церковной организаціи. Для представителей христіанской идеи государство стало „царствомъ діавола“ и „вертепомъ разбойниковъ“; „основаніемъ града Божія“ признавалась лишь церковь.

Такимъ образомъ, выясняется, что, помимо внѣшней силы и внѣшняго развитія общества, ему приходится считаться съ требованіями отдѣльныхъ составляющихъ его людей на личную свободу и благосостояніе и что тотъ или другой компромиссъ между этими двумя рядами стремленій составляетъ необходимое нравственное условіе для существованія всякаго общества. Конечно, связь эта будетъ тѣмъ тѣснѣе, компромиссъ тѣмъ полнѣе и тѣмъ легче, чѣмъ больше и то и другое будетъ основано не только на отрицательной необходимости жить подъ закономъ и стѣснять себя для другихъ, а на положительныхъ результатахъ, которыхъ личность будетъ достигать въ союзѣ съ цѣлымъ и благодаря ему. Такимъ образомъ, поскольку цѣлью общества для его собственнаго преуспѣянія должно быть удовлетвореніе лучшихъ потребностей и стремленій его гражданъ, жизнь всей совокупности, общества, вмѣсто того, чтобы остаться коллективнымъ эгоизмомъ, становится идейнымъ и нравственнымъ процессомъ. Такимъ образомъ, обществу не чуждо, а напротивъ врождено все лучшее, къ чему можетъ стремиться отдѣльный человѣкъ, и если послѣдній можетъ и долженъ ставить себѣ цѣлью жизни достиженіе истины, разумность, справедливость, свободу, а не только удовлетвореніе своихъ непосредственныхъ нуждъ и желаній, то въ этой идейной работѣ призвано принять участіе общество со всѣми многообразными силами своей коопераціи и сознательнаго устроенія.

Обратимся теперь къ вопросу о *средствахъ*, которыми достигаются цѣли органической жизни. Органическое цѣлое находится въ постоянномъ взаимодействіи съ окружающею средой; обособившись, возникнувъ какъ особь, организмъ стремится поддержать себя какъ особь. Онъ дол-

жень пополнить убыли, которыя онъ испытываетъ отъ работы на достиженіе этой цѣли, и онъ пополняетъ эти убыли, привлекая изъ внѣшней среды матеріаль, который перерабатываетъ, претворяетъ въ свою собственную органическую ткань, ассимилируетъ. Между организмомъ и окружающей средой устанавливается, такимъ образомъ, обмѣнъ, но обмѣнъ не всегда равномерный: вначалѣ организмъ сильно расходуетъ, но захватываетъ еще больше, чѣмъ расходуетъ. По истеченіи извѣстнаго времени расходы начинаютъ уменьшаться, но еще сильнѣе уменьшаются сила захвата и способность ассимиляціи, пока, наконецъ, не наступаетъ моментъ, когда цѣлое не въ состояніи болѣе поддерживать своей особенности и распадается. И ростъ, и распаденіе нельзя, однако, рассматривать исключительно съ точки зрѣнія процесса взаимодействія съ окружающей средой. И то, и другое отражается извѣстными внутренними измѣненіями, развитіе которыхъ и составляетъ ходъ собственно органической эволюціи. Для болѣе успѣшнаго дѣйствія на среду организмъ приспособляется къ ней, къ борьбѣ съ ней и къ работѣ надъ нею. При этомъ его первоначально однородныя частицы дифференцируются въ своихъ отправленияхъ: однѣ берутъ на себя дѣло поглощенія, другія посвящаютъ себя дѣлу ассимиляціи; однѣ становятся внутренними, другія внѣшними органами цѣлаго. Зачатки организациі вытекаютъ вначалѣ изъ самаго положенія частей, осложняются и закрѣпляются путемъ наследственности и естественнаго подбора: раздѣленіе труда, раздѣленіе функций мало-по-малу переходитъ въ различіе строенія. Въ связи съ внѣшнимъ процессомъ взаимодействія съ окружающей средой развивается, такимъ образомъ, внутренній процессъ дифференціациі и интеграціи функций и органовъ. Этотъ эволюціонный внутренній процессъ имѣетъ свою обратную сторону, весьма характерную. Въ органической жизни обратная сторона процесса эволюціи есть не процессъ диссолюціи, которая наступаетъ лишь по прекращеніи раздѣльнаго существованія организма. Обратною стороною эволюціи является

ея остановка, достиженіе формъ, которыя не подчиняются или слабо подчиняются дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Все это достаточно извѣстно въ біологіи, и я упоминаю обо всемъ этомъ лишь потому, что намъ придется переносить эти понятія и термины въ біологію общественныхъ организмовъ. Индивидуальный организмъ дряхлѣеть, потому что костенѣеть, потому что не только мозгъ, сердце, желудокъ перестаютъ развиваться, но всѣ ткани мало-по-малу устанавливаются и останавливаются въ процессѣ развитія и даже въ процессѣ обмѣна. Можно представить себѣ въ этомъ смыслѣ одряхлѣніе и вымираніе цѣлаго животнаго или растительнаго вида, если предположить, что онъ выработалъ мало-по-малу свою сложную организацію для извѣстныхъ условій природы, — а условія эти подвергались кореннымъ измѣненіямъ. Переплавить выработанной организаціи нельзя, — она была гибка и пластична, лишь пока вырабатывалась, и предѣлъ этой пластичности тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ организація сложнѣе и выше. Быть можетъ, такимъ образомъ вымерли нѣкоторыя палеонтологическіе виды, напримѣръ, мамонты, вымираютъ и теперь нѣкоторыя породы животныхъ, хотя бы, напримѣръ, зубры.

Заручившись этими понятіями, перейдемъ теперь опять къ общественнымъ отношеніямъ. Законъ взаимодѣйствія съ окружающей средой находитъ себѣ блестящее подтвержденіе въ исторіи обществъ. Мало того, что каждая общественная форма принуждена приспособляться къ окружающимъ условіямъ, какъ естественнымъ, такъ и историческимъ, все ея существованіе связано съ вопросомъ, сумѣетъ ли она привлечь къ себѣ достаточное количество людей, матеріальныхъ средствъ, духовныхъ силъ и переработать этотъ матеріалъ для своихъ цѣлей. Она при этомъ вступаетъ въ борьбу за существованіе не только съ подобными себѣ организмами, но также и съ организмами инородными, но оперирующими все надъ тѣмъ же человѣческимъ матеріаломъ, вербуящими его для своихъ цѣлей.

Быть государствъ и борьба ихъ между собою составля-

еть содержаніе даже школьной исторіи, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, вслѣдствіе множественности общественныхъ комбинацій, въ которыя входитъ человѣкъ, получается постоянное взаимодействіе и иногда рѣзкая борьба въ средѣ одного и того же общества, на примѣръ, между государствомъ и родами, между государствомъ и церковью.

Въ Германіи до сихъ поръ католическая церковь составляетъ боевую организацію, плохо примиряющуюся съ требованіями государства и находившуюся одно время въ открытой борьбѣ съ нимъ.

И въ этомъ отношеніи существенно, что сила ассимиляціи, выражающаяся въ борьбѣ различныхъ союзовъ, находится въ прямой пропорціи не только къ ихъ количественной силѣ и выгоднымъ внѣшнимъ условіямъ, но также къ силѣ нравственной связи, которая составляетъ отличительную черту общественныхъ организмовъ. Успѣхи ранняго протестантизма объясняются духовными запросами общества XVI вѣка и порожденной ими крѣпкой нравственной связью, которая восторжествовала въ борьбѣ надъ матеріальными силами католической церкви и католическихъ державъ.

Внѣшнему взаимодействию и росту соотвѣтствуетъ эволюція внутренней организаціи. Для иллюстраціи примѣнимости понятій дифференціаціи и интеграціи къ общественнымъ союзамъ укажу на слѣдующій примѣръ.

Экономическая исторія Римской имперіи даетъ хорошій случай наблюдать взаимодействіе этихъ процессовъ. Когда Римъ соединилъ въ одно цѣлое разрозненные государства, расположенныя въ бассейнѣ Средиземнаго моря, между провинціями, образовавшимися на мѣстѣ этихъ государствъ, установилось съ одной стороны раздѣленіе труда, съ другой—тѣсная экономическая связь. Каждая часть имперіи дифференцировалась какъ особый органъ съ своими самостоятельными задачами, смотря по своему положенію, свойствамъ почвы и климата и т. д. Южныя провинціи, Египеть, Африка, Сицилія специализировались на добываніи

хлѣба и снабженіи имъ остальныхъ областей. Въ Галліи, въ Азіи, развилась обрабатывающая промышленность, въ нихъ приготовлялись, напримѣръ, ткани, которыя шли потомъ на рынки всѣхъ провинцій. По границамъ, въ Британіи, въ Германіи, по Дунаю и т. д. сложилась жизнь военныхъ лагерей и военныхъ поселеній. Центры Италіи и Греціи значительно опустѣли и превратились въ мѣста пребыванія для богатѣйшихъ и бѣднѣйшихъ людей имперіи, одинаково мало трудившихся и зависѣвшихъ въ своемъ благосостояніи отъ труда или попеченія другихъ. Такой порядокъ былъ возможенъ вслѣдствіе того, что имперія поддерживала и охраняла оживленныя сношенія между всѣми своими областями, такъ что каждая могла избрать себѣ спеціальность и отбросить до нѣкоторой степени заботу объ остальныхъ формахъ хозяйственной жизни, рассчитывая на содѣйствіе сосѣдей. Интеграція цѣлой имперіи является, такимъ образомъ, обратной стороною дифференціаціи ея частей. Любопытно, что когда варварскія вторженія и внутреннія неурядица разбила единство имперіи, то провинціи принуждены были отказаться отъ своихъ спеціальныхъ назначеній и перейти вновь къ разрѣшенію всѣхъ хозяйственныхъ задачъ порознь для каждой.

Вопросъ объ остановкѣ развитія и гибели общественныхъ организмовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Общества умираютъ не совсѣмъ такъ, какъ умираютъ животныя или растенія. На первый взглядъ они всегда умираютъ насильственной смертію—отъ того, что въ борьбѣ надъ ними одерживаютъ верхъ другія подобныя же общества. Но эта разниа лишь на поверхности. Вѣдь и естественные организмы получаютъ окончательный толчокъ къ смерти отъ какихъ-нибудь постороннихъ силъ, будь то враги или болѣзни, а настоящею причиною ихъ смерти является указанное раньше несоотвѣтствіе между давленіемъ окружающей среды и внутренней энергіей, или устарѣвшими и окостенѣвшими приспособленіями. Въ этомъ направленіи въ сущности аналогія общественныхъ союзовъ и естественныхъ ор-

ганизмовъ поразительная. Можно привести сколько угодно историческихъ примѣровъ въ пользу того, что паденіе извѣстнаго союза наступаетъ не тогда, когда на него начинаютъ сыпаться удары противниковъ, а тогда, когда на помощь противникамъ приходитъ пріостановка развитія, косность, неспособность измѣнить разъ сложившійся характеръ и организацію. На нашихъ глазахъ совершился необычайный переворотъ въ дальней Азіи. Незначительная по размѣрамъ и населенію Японія быстро одолѣла колоссальный Китай. И вслѣдъ за этой побѣдой наступили ясные признаки распадѣнія послѣдняго. Причины явленія не подлежатъ спору. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ контрастъ между энергическимъ организмомъ, способнымъ обновиться и принять на себя разрѣшеніе новыхъ задачъ—съ одной стороны, дряхлостью и косностью остановившейся на старыхъ началахъ культуры—съ другой.

Но есть существенныя отличія.

Вслѣдствіе того, что въ одномъ и томъ же обществѣ развиваются одновременно нѣсколько общественныхъ союзовъ, не можетъ быть случая полного и окончательнаго уничтоженія извѣстнаго общества или распадѣнія его на первоначальные элементы—на отдѣльныхъ людей. Въ непрерывной исторіи общества можетъ совпасть появленіе признаковъ прогрессирующаго развитія въ одномъ отношеніи съ появленіемъ признаковъ разложѣнія въ другомъ. Тѣ же самые граждане Римскаго государства, которые были поглощены варварскими государствами, одержали верхъ надъ варварами въ качествѣ членовъ христіанской церкви, и періоды развитія церкви накладываются на исторію государствъ, не совпадая съ ними.

Въ школьномъ изложеніи исторіи принято говорить, что въ V-омъ вѣкѣ Римъ былъ побѣжденъ германцами. Ради ясности схемы на этомъ заканчиваютъ одинъ изъ главныхъ періодовъ историческаго развитія. Между тѣмъ, не требуется особыхъ свѣдѣній, чтобы отнести критически къ такой постановкѣ дѣла. Кончилась ли въ самомъ дѣлѣ исто-

рія римскаго общества въ это время? Примемъ во вниманіе хотя бы тотъ простой фактъ, что римская церковь также точно побѣдила германское язычество, какъ германскіе конунги побѣдили римскихъ императоровъ. Гдѣ же были побѣдители и побѣжденные? Тотъ же самый епископъ, который былъ побѣжденъ въ качествѣ римскаго гражданина, торжествовалъ въ качествѣ римскаго іерарха. Какъ было бы неправильно кончать исторію римскаго общества на событіяхъ такъ называемаго паденія Западной имперіи, такъ было бы нелѣпо вести средневѣковую исторію какъ процессъ заново начинающагося развитія германскихъ племенъ. Факты всемірно-исторической передачи и перекрестныхъ вліяній являются въ этомъ случаѣ настолько капитальными, что научная исторія принуждена отодвинуть совершенно на второй планъ этнографическіе признаки и сосредоточить вниманіе на исторіи единого преобразующагося общества.

Мало того, можно сказать, что каждый падающій общественный союзъ даже въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя подвергаются распаденію, передаетъ извѣстное живое наслѣдіе своимъ побѣдителямъ и преемникамъ.

Римское право не угасло съ римской государственной организаціей, а перешло въ средніе вѣка и проложило мостъ между двумя періодами развитія, повидимому, раздѣленными цѣлою пропастью. Вслѣдствіе такихъ сдѣленій и переходовъ между смѣняющимися общественными союзами, оказывается, несмотря на эволюціонный характеръ отдѣльныхъ процессовъ, что завязывается въ исторіи непрерывная культурная цѣпь, звенья которой выковываются отдѣльными эпохами и отдѣльными общественными организациями, но которая сама по себѣ составляетъ извѣстное цѣлое и простирается надъ всѣми этими эпохами и организмами. Въ этомъ смыслѣ можно говорить о всемірно-исторической культурѣ и утверждать, что она безсмертна, поскольку, вообще, безсмертно человѣчество.

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что эволюціонная точка

зрѣнія, правильно понятая, не исключаетъ идеи всемірно-историческаго развитія культуры и совершенствованія ея. Въ этомъ направленіи работаютъ два могущественныхъ условія—преемственность духовной жизни между различными общественными союзами и постоянное взаимодействіе между развитіемъ соціальнымъ и личнымъ, взаимодействіе идейнаго и нравственнаго свойства. Лессингъ и Гердеръ были по-своему правы, говоря о воспитаніи человѣчества. Дѣйствительно, одно поколѣніе передаетъ другому извѣстный запасъ выработанныхъ знаній, привычекъ, нравственныхъ приобрѣтеній, и отъ этой передачи работа потомковъ становится легче и плодотворнѣе.

Не буду говорить о прогрессѣ науки, хотя въ этой области факты накопленія осадковъ отъ каждой эпохи въ видѣ непреложныхъ и плодотворныхъ истинъ особенно несомнѣнны. Не буду говорить о распространеніи образованія, хотя опять-таки многое подсказываетъ простое сопоставленіе карты образованія, скажемъ, въ V-омъ вѣкѣ до Р. Х. съ ея тремя-четырьмя освѣщенными пунктами въ Греціи, въ Римѣ, въ Месопотаміи, въ Индіи и Китаѣ, съ теперешней картой образованнаго міра и его поступательнымъ движеніемъ въ варварскихъ странахъ. Не буду говорить и о прикладныхъ знаніяхъ и техническихъ усовершенствованіяхъ съ ихъ постепеннымъ подчиненіемъ природы цѣлямъ человѣка. Но мнѣ хотѣлось бы сказать два слова по поводу прогресса въ областяхъ, относительно которыхъ много спорили, гдѣ результаты подвергались сомнѣнію. Возьмемъ область нравственности и область соціальныхъ отношеній.

Для того чтобы оцѣнить путь, пройденный въ области усовершенствованія нравственныхъ отношеній, удобно сопоставить эпохи, далеко отстоящія другъ отъ друга. Сравнимъ общій уровень нравственныхъ воззрѣній въ наше время съ эпохой блестящаго развитія Аѳинъ въ V-омъ вѣкѣ до Р. Х. Я беру этотъ историческій моментъ, а не какое-нибудь варварское состояніе общества для того, чтобы избѣжать упрека въ подбораніи фактовъ въ угоду предвзятой

теоріи. Аѳинская жизнь V-го вѣка признается одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторіи человѣчества, и нельзя не согласиться, что въ сравнительно немногочисленномъ кругѣ аѳинскихъ гражданъ развивались въ это время идеалы художественные, философскіе и политическіе, которые могутъ возбудить зависть людей нашего поколѣнія. Но каковъ былъ общій уровень нравственныхъ требованій? Насколько глубоко проникали въ сознаніе идеи гуманности и справедливости? Не связаны ли онѣ были съ интересами и эгоизмомъ ограниченнаго меньшинства? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, нельзя ограничиваться ссылками на рѣчь Перикла или трагедіи Софокла; стоитъ припомнить, что современники Перикла и Софокла считали совершенно естественнымъ истреблять побѣжденныхъ непріятелей. Такъ поступили они съ значительной частью населенія возставшаго Лесбоса, со всѣмъ мужскимъ населеніемъ отстаивавшаго свою независимость Мелоса; и безжалостныя экзекуціи эти производились не на полѣ сраженія, не въ припадкѣ кровожадной ярости, а на основаніи хладнокровно постановленныхъ рѣшеній народнаго собранія и военныхъ властей. Нельзя не замѣтить, что въ этомъ отношеніи современное общественное сознаніе стоитъ на иной почвѣ. Идея человѣчности не можетъ воспрепятствовать отдѣльнымъ взрывамъ свирѣпости массъ и кровожадности личностей, но время наивнаго и хладнокровнаго примѣненія взгляда, что побѣжденныхъ людей можно и иногда слѣдуетъ истреблять, къ счастью, прошло безвозвратно.

Исторія общественныхъ классовъ представляетъ самые яркіе примѣры эволюціоннаго процесса внутри отдѣльныхъ общественныхъ организмовъ. Расчлененіе общества на профессіи, состоянія, сословія, даетъ прекрасное приложеніе общаго начала дифференціаціи функцій и дифференціаціи строенія; совмѣстная дѣятельность классовъ, ихъ взаимныя услуги и общая работа, иллюстрируютъ процессъ объединенія, интеграціи. И безъ сомнѣнія, во всякомъ отдѣльномъ случаѣ, при изученіи того или другого хода дѣла, мы обра-

тимъ вниманіе на особья, исторически своеобразныя условія развитія того общественнаго цѣлаго, къ которому принадлежать эти классы, и это объяснить намъ многое, значительнѣйшую часть явленій. Объяснить ли оно все? Не останется ли значительнаго остатка, который придется отнести на долю вліянія уже не условій, нуждъ и сознанія въ отдѣльномъ государствѣ, а на развитіе культурнаго сознанія человѣчества? Мнѣ кажется, что однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ примѣровъ историческаго прогресса можетъ служить судьба рабочихъ классовъ. Въ древности они находились въ рабствѣ, въ средніе вѣка наступило для нихъ крѣпостное состояніе, въ новой исторіи за рабочими была признана личная свобода. Въ послѣднее время общественное сознаніе и правительственныя мѣропріятія выдвигаютъ необходимость опеки и помощи по отношенію къ этимъ свободнымъ, но невыгодно поставленнымъ людямъ. Въ избранномъ нами примѣрѣ съ перваго же взгляда ясно, что эволюція совершается, во всякомъ случаѣ, не только въ предѣлахъ узкихъ государственныхъ подраздѣленій. Переходъ отъ рабства къ крѣпостничеству обуславливается какъ историческимъ процессомъ Римской имперіи, такъ и исторіей средневѣковыхъ обществъ; переходъ отъ крѣпостничества къ свободѣ растягивается, можно сказать, отъ XII-го до XIX-го вѣка. Такимъ образомъ, эволюцію придется, во всякомъ случаѣ, брать въ чрезвычайно широкомъ смыслѣ, какъ эволюцію европейскаго общества и всѣхъ подчиненныхъ ему и подчиняющихся ему теченій. Затѣмъ ясно, что великую роль во всемъ дѣлѣ сыграло развивающееся сознаніе, и притомъ въ двухъ направленіяхъ—разумное сознаніе нуждъ и сознаніе права.

Для разъясненія нашей мысли остановимся нѣсколько внимательнѣе на исторіи уничтоженія рабства. Чрезвычайно важную роль въ данномъ случаѣ играло выясненіе большей производительности свободнаго труда, особенно среди тѣхъ затруднительныхъ экономическихъ условій, которыя наступили въ концѣ Римской имперіи и въ началѣ среднихъ вѣ-

ковъ. Управление крѣпостными крестьянами оказывалось легче управленія массами рабовъ. Мелкія зависимыя хозяйства повели болѣе энергическую борьбу за существованіе, чѣмъ работавшія изъ-подъ палки невольники на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Переходъ отъ стадной эксплуатаціи невольничьяго труда къ обложенію барщиной и оброкомъ крѣпостныхъ хозяйствъ совершился подъ вліяніемъ все шире и шире распространявшагося среди землевладѣльцевъ сознанія, что этотъ переходъ соотвѣтствуетъ интересамъ землевладѣнія и даже необходимъ для его поддержанія. Не политико-экономическое открытіе, изложенное въ какомъ-либо литературномъ произведеніи, и не законодательная мѣра, направленная къ общей перемѣнѣ хозяйственнаго строя, вызвали этотъ переворотъ во взглядахъ; онъ совершился подъ вліяніемъ накопленной опытности и расширенія кругозора тысячъ и сотенъ тысячъ отдѣльныхъ хозяевъ, въ результатъ тысячъ и сотенъ тысячъ помѣщичьихъ распоряженій и сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами. Это былъ актъ коллективнаго сознанія нуждъ и интересовъ. На ряду съ этимъ идетъ процессъ самостоятельный въ своемъ развитіи, но тѣсно соприкасающійся съ первымъ. Греческая философская мысль и римское право подготовили признаніе кореннаго равенства между людьми,—равенства, вытекающаго изъ одинаковой природы людей и изъ подчиненія ихъ единой государственной власти. Изъ сочиненій моралистовъ эти идеи стали переходить въ законы, когда императоры признали, что ихъ вѣдѣнію и охранѣ подлежатъ не только граждане, но и многомилліонное рабское населеніе имперіи. Въ законахъ появляются, сначала, постановленія, которыя защищаютъ раба противъ господина по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ жизни. Затѣмъ начинаются уже попытки принять хотя въ нѣкоторой степени подъ покровительство государственной власти имущество и честь рабовъ. Завершился этотъ процессъ вслѣдствіе могущественнаго ходатайства за рабовъ христіанской церкви, которая увидѣла въ рабѣ преж-

де всего душу человѣческую и окончательно рѣшила вопросъ о переходѣ отъ рабства къ крѣпостничеству. Въ намѣченномъ рядѣ явленій высказывается развитіе коллективнаго сознанія права. Нельзя сказать, чтобы въ совокупности своей совершившійся на исходѣ древняго міра переворотъ исключалъ всякую возможность возвращенія къ строю полнаго безправія и эксплуатаціи однихъ людей другими. Невольничество черныхъ въ средѣ христіанской культуры явило примѣръ безчеловѣчной эксплуатаціи, не уступавшей ни въ чемъ порядкамъ эпохи Катона. Но мы тутъ имѣемъ дѣло лишь съ частнымъ отпаденіемъ отъ вполнѣ установленныхъ идей, съ своего рода атавистическимъ возвращеніемъ къ болѣе раннимъ формамъ цивилизаціи. Реакція противъ этой ненормальности не заставила себя ждать и совершилась въ прямой связи съ развитіемъ гуманитарнаго сознанія европейскихъ народовъ.

Подобнымъ же образомъ можно было бы иллюстрировать социальный прогрессъ въ переходѣ отъ крѣпостничества къ свободѣ найма и въ зачаточныхъ формахъ общественнаго вмѣшательства въ условія рабочаго найма. Но сказаннаго, мнѣ кажется, достаточно, чтобы охарактеризовать какъ общій ходъ движенія, такъ и его два главныхъ пути—коллективное сознаніе нуждъ и коллективное сознаніе права.

Изъ наблюденій надъ историческимъ процессомъ мы вынесли убѣжденіе, что процессъ этотъ эволюціонный и въ то же время прогрессивный, что тѣ силы, которыя до историческаго человѣка обратили въ дикаря, дикаря въ варвара, варвара въ гражданина, будутъ и впредь продолжать работать надъ человѣкомъ и создавать культуру человѣчества. Совокупность этого человѣчества мы имѣемъ право разсматривать какъ общественный организмъ съ пробуждающимся сознаніемъ солидарности, разумныхъ цѣлей и нравственныхъ связей. Этому организму также поставлена общая задача, задача приспособленія къ окружающей средѣ, которая, въ данномъ случаѣ, является всей земной обстановкой и жизнью. Средства приспособленія могутъ быть найдены лишь въ знаніи истины,

въ разумномъ пониманіи человѣческихъ отношеній, въ воспитаніи людей и обществъ къ человѣчности и справедливости. Работа приспособленія можетъ быть только медленной, тяжелой работой накопленія частныхъ приобрѣтеній и приспособленій, медленной и тяжелой выработкой коллективнаго сознанія. Не достиженіе благоденствія можетъ быть поставлено конечною цѣлю, — благоденствіе не зависитъ вполнѣ отъ человѣческихъ усилій. Но пока люди живы, они будутъ дѣятельны, будутъ стремиться къ благоденствію. А еслибъ непреодолимая внѣшнія преграды стали на дорогѣ къ осуществленію благоденствія, для дѣятельныхъ и разумныхъ людей все-таки останется путь къ счастью, — внутреннее удовлетвореніе, которое дѣлаетъ человѣка свободнымъ и счастливымъ даже и на кострѣ.

Павель Виноградовъ.

Судьбы философіи въ Россіи *).

Вотъ Я посылаю къ вамъ пророковъ, и мудрыхъ, и книжниковъ; и вы иныхъ убьете и распнете, а иныхъ будете бить въ синагогахъ вашихъ и гнать изъ города въ городъ (Мтѣ. гл. 24).

Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся (Мтѣ. гл. 5).

Не терпитъ Богъ людской гордыни,

Не съ тѣми Онъ, кто говоритъ:

„Мы— соль земли, мы столбъ святыни,

„Мы— Божій мечъ, мы— Божій щитъ“!

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова

Лепечетъ рабскимъ языкомъ,

И, жертвенный сосудъ живаго,

Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы

Ему возноситъ фиміамъ.

А. С. Хомяковъ.

I. Постановка вопроса.

Открывая первое въ Россіи Философское Общество, естественно задуматься, что ожидаетъ его? Каковы надежды на успѣшное развитіе его дѣятельности? Есть ли основанія думать, что и въ Россіи философія можетъ въ скоромъ времени настолько же процвѣтать и оказывать ей такія же услуги, какъ это было въ другихъ странахъ? Вѣдь постоянно приходится слышать, что у насъ все еще нѣтъ своей философіи и что мы еще надолго осуждены

*) Эта статья составляетъ рѣчь, произнесенную на первомъ публичномъ засѣданіи Философскаго Общества, состоящаго при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 31 января 1898 г. Всѣ же подстрочныя примѣчанія къ ней прибавлены лишь теперь.

ученически усвоивать и повторять чужія воззрѣнія, несколько не участвуя въ ихъ дальнѣйшей разработкѣ и даже не примѣняя ихъ къ развитію нашей культуры. Этого мало: правда, теперь уже не слишкомъ часто, и чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже, но въ 70-хъ годахъ сплошь да рядомъ приходилось встрѣчаться и съ такимъ мнѣніемъ, будто бы философія даже и не пристала намъ; будто бы русскій умъ неспособенъ или, по крайней мѣрѣ, не расположенъ къ философскимъ мудрованіямъ; будто бы онъ отъ природы слишкомъ трезво и прямо смотритъ на вещи, чтобы пускаться въ философскія отвлеченности. Если же, прибавляли тогда, у насъ все-таки существуетъ кое-какая философская литература, то это какъ бы тепличное растеніе. Это—результатъ искусственнаго воспитанія здраваго русскаго ума въ несвойственномъ духѣ, въ направленіи, противорѣчащемъ его природнымъ наклонностямъ.

Но оглянемся назадъ. Вспомнимъ, каковы были до сихъ поръ судьбы философіи въ Россіи. И мы убѣдимся, что философія у насъ существуетъ не вслѣдствіе искусственнаго насажденія, а вслѣдствіе глубокой потребности, удовлетворяемой вопреки всевозможнымъ препятствіямъ, и что если только позволительно судить о будущемъ на основаніи прошлаго, то, по всей вѣроятности, довольно скоро философія и у насъ непремѣнно достигнетъ такой же высоты развитія и такой же силы вліянія, какъ и въ наиболѣе культурныхъ странахъ, разумѣется, если не встрѣтятся какія-нибудь непреодолимые препятствія чисто-внѣшняго характера.

Конечно, наша философія, какъ и вся наша образованность, заимствованная. Но такъ оно и должно быть: большее или меньшее заимствованіе и подчиненіе чужимъ вліяніямъ — это общій законъ развитія философіи любого европейскаго народа. Даже сама греческая философія, если и обошлась безъ прямыхъ заимствованій, о чемъ трудно судить, во всякомъ случаѣ была подготовлена и пробуждена перенесеніемъ съ Востока разнообразныхъ научныхъ свѣдѣній. Путемъ же усвоенія греческой фило-

софіи, возобновившагося въ эпоху возрожденія, постепенно, лишь въ продолженіе двухъ столѣтій, выработалась самостоятельная новая философія. Подчиненіе же чужимъ вліяніямъ продолжалось и послѣ ея возникновенія и всегда давало наилучшіе результаты: Локкъ и Лейбницъ находились подъ вліяніемъ Декарта, Кантъ—подъ вліяніемъ Юма и Руссо и т. д. Чуткость къ чужимъ ученіямъ—наилучшій залогъ успѣшнаго развитія философіи. Безъ всякихъ заимствованій и вліяній извнѣ возможна только неподвижная, бесплодная, замыкающаяся въ узкія рамки схоластика, какъ это и было въ средне-вѣковыхъ школахъ, когда имъ пришлось усвоивать древнюю философію лишь въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ. Чтобы правильно судить о будущемъ нашей философіи, надо обращать вниманіе не на то, что она заимствованная, а на то, какъ давно произошло это заимствованіе, при какихъ условіяхъ оно совершалось и распространялось и что именно успѣла сдѣлать у насъ философія при этихъ условіяхъ. Вспомнимъ же все это.

II. Первый періодъ—подготовительный.

Западныя страны прежде, чѣмъ создать свою самобытную философію, были подготовлены къ этому возрожденіемъ знанія древней философіи и цѣлымъ рядомъ построенныхъ по образцу ея попытокъ самостоятельнаго мышленія. Намъ же приходилось начать прямо съ усвоенія уже готовой западно-европейской философіи. Поэтому вполне естественно, что первый, продолжавшійся ровно 50 лѣтъ, періодъ существованія философіи въ Россіи прошелъ почти безслѣдно: онъ только возбудилъ интересъ къ философіи, расшевелилъ нашъ умъ и подготовилъ насъ къ ея дальнѣйшему, болѣе глубокому, усвоенію. Временемъ появленія философіи въ Россіи можно считать 1755 г., т.-е. годъ открытія Московскаго университета. Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что въ существовавшихъ до той поры духовныхъ академіяхъ Москвы и Кіева подъ именемъ философіи преподавалась лишь безжизненная схоластика, не надо забывать, что эти учрежденія *не были устроены по типу высшихъ учебныхъ заве-*

деній и оказывали самое ничтожное вліяніе на развитіе нашей образованности, такъ что они не могли дать Россіи даже и формально-логическую подготовку къ философскому мышленію, какую давала схоластика на Западѣ*). Какъ ничтожно было образовательное значеніе старинныхъ духовныхъ академій, лучше всего видно изъ отзывовъ комитета 1808 г., основаннаго для улучшенія духовнаго образованія. По его словамъ, академіи даже и того времени мало разнились отъ семинарій, вліянія же на семинаріи не имѣли никакого. Тѣмъ менѣе могли онѣ имѣть вліянія внѣ семинарій, да еще до 1755 г. Поэтому странно было бы говорить о распространеніи философій въ русскомъ обществѣ до учрежденія Московскаго университета.

Въ послѣднемъ же долгое время (даже еще Брянцевымъ, занимавшимъ каѳедру до 1821 г.) философія преподавалась по учебникамъ и въ духѣ вольфганской школы. Явленіе вполне естественное: первые профессора были приглашены изъ Германіи, а тамъ во всѣхъ университетахъ почти до самаго конца XVIII вѣка царствовала вольфганская философія. Самое же преподаваніе велось не только иностранцами, но даже и первымъ русскимъ профессоромъ Аничковымъ, занимавшимъ каѳедру до 1788 г., на латинскомъ языкѣ. Уже по одному этому вольфганская философія не могла успѣшно распространиться въ нашемъ обществѣ, хотя и нельзя сказать, чтобы она оставалась въ немъ совершенно неизвѣстной: подъ ея вліяніемъ появлялись кое-какія книги, составленныя даже лицами, не принадлежащими къ университету**).

*) Эти академіи представляли собой соединеніе школъ всѣхъ разрядовъ, начиная съ самаго низшаго; и ихъ низшія части не давали развитія высшимъ, такъ что на дѣлѣ онѣ были ничѣмъ инымъ какъ бурсами.

***) Напримѣръ, черезъ 13 лѣтъ послѣ основанія Московскаго университета одинъ изъ учителей артиллерійскаго корпуса Козельскій напечаталъ небольшую книжку „Философскія предложенія“, гдѣ просто и ясно излагалась какъ теоретическая, такъ и практическая философія; и въ теоретической части авторъ, даже по его собственнымъ словамъ, слѣдовалъ вольфганцу Баумейстеру, но въ практической уже и онъ опирался на Монтескье, Гельвеція и Руссо.

Но вмѣстѣ съ этимъ гораздо успѣшнѣйшло подчиненіе вліянію французской философіи, которая при Екатеринѣ II широко распространилась какъ при дворѣ, такъ и во всемъ грамотномъ обществѣ, и сдѣлалась наконецъ единственнымъ господствующимъ въ немъ направлениемъ. О степени же ея распространения лучше всего свидѣтельствуется масса появившихся тогда переводовъ сочиненій французскихъ мыслителей, именно: Вольтера, Монтескье, Кондильяка, Бонне, Гельвеція, Д'Аламбера, Руссо.

Конечно, французская философія встрѣчала и оппозицію, на примѣръ, со стороны духовныхъ писателей; но послѣдняя нисколько не помѣшала ея распространению. Да и трудно было бороться съ ней. Не говоря уже о томъ, что далеко опередившая насъ Германія въ то время тоже довольно сильно подчинялась французскому вліянію, философія энциклопедистовъ и сама по себѣ, своимъ стремлениемъ къ освобожденію челоѣчества отъ всѣхъ предрасудковъ и старыхъ традицій и своими поисками новыхъ началъ жизни, должна была привлекать наше общество, только что порвавшее связи съ своей стариной. Но само собой разумѣется, что ему, какъ и всякому еще невѣжественному обществу, въ которомъ только-что взяло верхъ стремленіе къ новизнѣ, пришлось по плечу и по вкусу чисто-отрицательныя стороны французской философіи, именно то, что у нашихъ предковъ получило названіе „*вольтерьянства*“, сущность чего, сообразно съ *ихъ собственнымъ* пониманіемъ этого термина, можетъ быть охарактеризована какъ матеріализмъ и этической сенсуализмъ.

Но если невѣжество русскаго общества XVIII в. содѣйствовало распространению среди него только отрицательныхъ сторонъ французской философіи, то оно же обусловило собой и то, что это распространеніе было чисто поверхностнымъ, не пустило никакихъ корней. Во времена Екатерины для огромнаго большинства сочиненія французскихъ философовъ были лишь занимательнымъ чтеніемъ, — глубокомысленнымъ или остроумнымъ; но и въ томъ и въ

другомъ случаѣ оно принималось поверхностно, какъ бы анекдотически. По мѣткому выраженію А. Н. Пыпина, среди русскихъ читателей распространялось не столько пониманіе, сколько слава французскихъ писателей *). При такихъ условіяхъ понятно, что вліяніе энциклопедической философіи на русскую мысль должно было довольно скоро ослабѣть и даже исчезнуть. Тѣмъ болѣе, что матеріализмъ и этический сенсуализмъ, которые такъ привлекали къ французамъ наше общество, только что познакомившееся съ философіей, никогда не отличаются живучестью: они подкупаютъ умъ лишь на первыхъ порахъ своей кажущейся простотой, которая въ дѣйствительности составляетъ ничто иное, какъ односторонность. Не даромъ же на ряду съ философіей энциклопедистовъ у насъ распространялся и мистицизмъ.

Въ виду всего этого не удивительно, что господство французской философіи въ началѣ нашего вѣка у насъ исчезло, и какъ будто бы безъ всякаго слѣда. Но, конечно, оно не могло не пробудить стремленій къ философскому мышленію; оно подготовило насъ къ болѣе глубокому усвоенію западной философіи. Вѣдь, какъ бы ни было поверхностно наше вольтеріанство, оно во всякомъ случаѣ будило мысль, освобождало умы нашихъ предковъ отъ рутиннаго склада воззрѣній, заставляло ихъ задумываться надъ тѣмъ, что прежде, въ силу своей привычности, казалось имъ само собой понятнымъ, не требующимъ никакихъ объясненій.

Такимъ образомъ, весь первый 50-лѣтній періодъ существованія философіи въ Россіи имѣетъ только подготовительное значеніе. Такой оцѣнкѣ его не противорѣчитъ даже и появленіе украинскаго мудреца Григорія Саввича Сковороды, умершаго за два года до Екатерины, такъ что его дѣятельность относится какъ разъ къ ея царствованію. Конечно, вполне справедливо считать Сковороду первымъ

*) „Вѣстн. Евр.“ 1895, 5, стр. 327.

русскимъ философомъ, справедливо и высоко цѣнить не только его оригинальность и глубину мысли, но также и услуги, оказанныя имъ для просвѣщенія слободской Украйны и подготовившія почву для возникновенія Харьковскаго университета; но для развитія русской философіи Сковорода прошелъ безъ слѣда. Онъ не печаталъ ни одного изъ своихъ сочиненій, такъ что его вліяніе имѣло чисто-мѣстный характеръ и въ общемъ нисколько не нарушало господства философіи энциклопедистовъ. Послѣдняя же только пробуждала нашу мысль, вродѣ того, какъ это дѣлала на Западѣ древняя философія въ эпоху возрожденія, но съ тою разницей, что въ XV в., знакомясь съ древними системами и возбуждая ими свою собственную мысль, вмѣстѣ съ тѣмъ находили въ нихъ и готовые образцы для попытокъ выработать новыя самостоятельныя системы. Мы же вслѣдствіе хотя бы и не понятой ясно, но уже почувствованной нами односторонности французской философіи, еще должны были узнать и усвоить образцы болѣе широкаго и систематическаго мышленія. А гдѣ же въ началѣ XIX в. было найти ихъ, какъ не въ нѣмецкомъ идеализмѣ, тѣмъ болѣе, что по закону контраста, почувствовавъ себя неудовлетворенными матеріализмомъ и сенсуализмомъ, мы и вообще должны были склоняться въ обратную сторону, т.-е. къ идеализму?

Вотъ внутреннія и, слѣдовательно, самыя главныя причины, по которымъ поверхностное, хотя и широкое увлеченіе французской философіей замѣнилось въ началѣ нашего вѣка едва ли не столь же широкомъ, а ужъ во всякомъ случаѣ болѣе глубокимъ вліяніемъ нѣмецкаго идеализма *).

Такимъ образомъ, истинное, а не одно лишь поверхностное, анекдотическое усвоеніе западной философіи продол-

*) Нельзя объяснять его одними лишь внѣшними причинами, однимъ лишь сосѣдствомъ съ Германіей. Вѣдь это сосѣдство не помѣшало ни знакомству съ англійской литературой, ни тому, что даже среди распространителей нѣмецкой философіи попадались люди, которые сперва находились подъ вліяніемъ англійской философіи, именно—профессоръ Московскаго университета Давыдовъ.

жается у насъ менѣе столѣтій, срокъ значительно меньшій сравнительно съ тѣмъ, какой былъ истраченъ на Западѣ на попытки перейти отъ возрожденія древней философіи къ самостоятельной новой, возникшей впервые въ лицѣ Декарта и Бэкона. Развѣ одно это обстоятельство уже не было бы достаточной причиной для объясненія сравнительно невысокаго развитія современной русской философіи?

III. Второй періодъ—господство германскаго идеализма.

Но вспомнимъ теперь, какъ и при какихъ условіяхъ происходило это основательное усвоеніе западной философіи. Начало царствованія Александра I обѣщало нашей философіи широкое и спокойное развитіе. На-ряду съ отрицательной реакціонныхъ распоряженій его предшественника былъ еще предпринятъ рядъ самыхъ энергичныхъ и въ то же время вполне цѣлесообразныхъ мѣръ для подъема и распространенія какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго образованія; учреждались новые университеты и гимназіи; устраивались духовныя академіи по типу школъ высшаго образованія и улучшались семинаріи. Преподаваніе же философіи было широко поставлено не только въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ, но даже въ семинаріяхъ и гимназіяхъ. Въ гимназіяхъ было введено обязательное преподаваніе логики, психологіи, философіи права (подъ именемъ естественнаго права), эстетики и нравственной философіи, причемъ не скупились на время и удѣляли на всѣ эти предметы 18 недѣльныхъ уроковъ. Въ семинаріяхъ же преподавалась логика, метафизика и нравственная философія, а съ 1813 г. и исторія философіи. Такимъ образомъ, кромѣ уже существовавшей свѣтской философіи, съ 1809 г., т.-е. съ открытія С.-Петербургской Духовной академіи, у насъ появилась еще и духовная философія *).—Но о философіи духовной не

*) Комитетъ 1808 г. рѣшилъ учредить сперва высшую богословскую школу въ Петербургѣ, а вслѣдъ за тѣмъ при помощи ея учениковъ преобразовать по ея типу старинныя академіи въ Москвѣ и Кіевѣ и послѣ того открыть еще новую академію въ Казани. Этотъ планъ и былъ исполненъ въ дѣй-

будемъ много говорить—не потому, чтобъ она не нашла видныхъ представителей, и не потому, чтобъ въ ея исторіи не было ничего поучительнаго; напротивъ, она развилась при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ, только ино́го характера, чѣмъ свѣтская философія, а тѣмъ не менѣе даже до 1869 г., когда духовныя академіи были преобразованы по плану, во многомъ напоминающему университетскій уставъ 1863 г., что, конечно, высоко подняло ихъ,—даже и до этой, наиболѣе благоприятной поры наша духовная философія пріобрѣла такихъ представителей, какъ Голубинскій и Кудрявцевъ. Но за предѣлами подготовки нѣкоторыхъ университетскихъ профессоровъ (Новицкаго, Гогоцкаго), силы которыхъ достигали своего расцвѣта уже въ университетской атмосферѣ, духовная философія до самаго послѣдняго времени развивалась безъ всякаго вліянія на свѣтскую и даже почти не имѣла значенія для общаго хода нашего умственнаго развитія. Погодинъ, познакомившись съ Голубинскимъ, справедливо восклицалъ съ горечью: „о, еслибы наше духовенство приладилось къ мірянамъ, научилось сообщаться съ ними, то просвѣщеніе наше вдругъ увеличилось бы втрое!“ Поэтому мы наши воспоминанія сосредоточимъ только на свѣтской философіи, а относительно духовной отмѣтимъ еще то, что ея существованіе параллельно со свѣтской было очень важно и для судебъ послѣдней: когда въ 1850 г. произошелъ на 13 лѣтъ перерывъ въ преподаваніи философіи въ университетахъ, то при его возобновленіи мы могли обойтись и безъ помощи иностранцевъ; въ это время духовныя академіи для Московскаго университета доставили такого преподавателя (Юркевича), который уже сразу, безъ всякой дальнѣйшей подготовки, могъ занять университетскую кафедру, а для другихъ университетовъ онѣ выставили лицъ уже настолько свѣдущихъ въ основныхъ частяхъ философіи, что имъ можно было поручить кафедру послѣ двухъ-трехлѣтней заграничной

ствительности, съ тою только перемѣной, что открытіе Казанской академіи замедлилось до 1842 г.

командировки (таковы, напримѣръ, Троицкій и Владиславлевъ). Конечно, нѣтъ никакой нужды разъяснять, что въ философіи крайне важно, и даже гораздо важнѣй чѣмъ въ любой другой наукѣ, съ самаго начала повести преподаваніе на родномъ языкѣ *).

*) Условія, не благопріятствовавшія развитію духовной философіи до 1869 г., коренились въ общей организаци нашего духовенства и обусловленномъ ею строѣ жизни духовныхъ академій. Черное духовенство неограниченно главенствовало надъ бѣлымъ; всѣ высшія и вліятельныя должности какъ въ академіи (ректора, инспектора), такъ и за ея предѣлами обязательно занимали монахи, причѣмъ фактически судьбой всѣхъ служащихъ въ академіи самовластно распоряжался ректоръ, такъ что академіи до 1869 г. отличаются на дѣлѣ ректорскимъ автократизмомъ. Далѣе, во всемъ отдавалось предпочтеніе лицамъ, согласнымъ принять монашество. Доходило до того, что признанный недостойнымъ магистерской степени тотчасъ же становился достойнымъ ея, какъ только принималъ монашество. Этотъ же шагъ открывалъ дорогу къ достиженію и высшаго служебнаго положенія за предѣлами академіи, такъ что очень часто монашество принимали только ради карьеры. Академическое начальство иногда даже прямо соблазняло ея, увѣщевая кого-либо принять монашество. Богословскія же науки должны были читаться не иначе, какъ монахами. Что же касается до преподавателей изъ числа мірянъ, то они были въ самомъ незавидномъ положеніи, а на священниковъ смотрѣли крайне неблагоприятно, мотивируя это тѣмъ, будто бы пресвитерскія обязанности должны мѣшать преподавательскимъ; въ дѣйствительности же это вызывалось ревнивымъ охраненіемъ со стороны чернаго духовенства своего господствующаго положенія; и принявшихъ священство зачастую удаляли изъ академической службы подъ какимъ-нибудь пустымъ предлогомъ. Не искать же священства, какъ источника прибавочныхъ доходовъ, было почти невозможно, въ виду крайне скуднаго содержанія. Ординарныхъ профессоровъ до 1869 г. было всего лишь третья часть всѣхъ преподавателей, такъ что очень не скоро можно было дослужиться до ординатуры. А получали они, напримѣръ, въ 40-хъ годахъ, по 715 рублей въ годъ; экстраординарные же и бакалавры по 358 р. въ годъ. Уже и эти условія, вмѣстѣ взятыя, вызывали очень частое бѣгство съ академической службы. Продолжительность службы академическихъ преподавателей Петербургской Академіи за первое пятидесятилѣтіе ея существованія достигаетъ среднимъ числомъ не болѣе четырехъ лѣтъ на каждаго. Это бѣгство усиливалось еще и другими причинами: холостые преподаватели съ теченіемъ времени, вмѣстѣ увеличенія содержанія, получили казенныя квартиры, но женатымъ, для избѣжанія соблазна, который могли бы внести въ академическую среду женщины ихъ семействъ, квартиру не давали, а въ лучшемъ случаѣ, но не всегда, замѣняли ихъ ничтожнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Оттого женившіеся преподаватели продолжали свою службу въ академіи крайне рѣдко. Но какъ же академическій строй отзывался на ея научной дѣятельности и особенно на философіи? Фактъ налицо: отсут-

И такъ, просвѣтительныя мѣры Александра I обѣщали русской философіи безпрепятственное развитіе. И сначала она было начала быстро распространяться у насъ. Если мы позволимъ себѣ ошибку на годъ, на два, то мы можемъ сказать, что одновременно, именно начиная съ 1805 г., началась пропаганда ученій Канта, Фихте и Шеллинга, такъ что этотъ годъ мы въ правѣ считать началомъ второго пе-

ствіе до 1869 г. вліянія духовной философіи на развитіе свѣтской. Духовная философія разсматривалась какъ служанка богословія. А послѣднее было обязательно въ рукахъ монаховъ, многіе изъ которыхъ, принимая монашество изъ - за мірскихъ соображеній, разсматривали свою преподавательскую дѣятельность какъ всего лишь переходную ступень. Поэтому они далеко не всегда обладали хорошими свѣдѣніями даже и въ богословіи, а между тѣмъ имѣли огромное вліяніе на всю жизнь академіи. Какое же вліяніе должны они были оказывать на служанку ихъ собственной науки? Прибавимъ сюда, что назначеніе на открывающіяся преподавательскія должности производилось чисто формальнымъ образомъ: изъ только-что окончившихъ курсъ выбирался первый по своимъ общимъ успѣхамъ, безъ всякаго вниманія не только къ его наклонностямъ, но даже и къ приобрѣтеннымъ имъ спеціальнымъ знаніямъ. А когда онъ привыкалъ нѣсколько къ своему предмету, то его очень часто переводили на другой, не имѣющій съ нимъ никакой связи (съ языковъ—на математику, физику и т. п.), въ виду различныхъ служебныхъ, а не учебныхъ соображеній. Оттого бывали даже и такіе случаи, какъ назначеніе (въ 1839 г. въ Пет. акад.) въ преподаватели нѣмецкаго языка такого лица, которое уже во время преподаванія должно еще было научиться этому языку, начиная съ алфавита. Или въ Казанской академіи назначили на кафедру философіи Ильминскаго, человѣка, нерасположеннаго къ отвлеченнымъ знаніямъ, но очень даровитаго и долго съ большимъ успѣхомъ подготовлявшагося къ преподаванію восточныхъ языковъ и литературы (которые преподавались въ Казанской академіи на ея миссіонерскомъ отдѣленіи); и въ результатъ вышло то, что Ильминскій скоро совсѣмъ бросилъ академическую службу. Наконецъ, не забудемъ, что профессоръ, назначаемый и смѣняемый независимо отъ преподавательскаго совѣта, никогда не чувствовалъ себя огражденнымъ отъ произвола не только своего прямого начальства, но даже и своихъ равныхъ сослуживцевъ, принявшихъ монашество. А когда послѣднее принимали изъ служебныхъ расчетовъ, то оно, конечно, не ограждало отъ тщеславія, раздутаго самолюбія, зависти и т. п., а, напротивъ, еще усиливало ихъ. Поэтому талантливые профессора иногда подвергались преслѣдованіямъ, именно, за свой талантъ, за умѣнье приобрѣсть вліяніе на студентовъ. Такъ было съ Фесслеромъ, первымъ насателемъ нашей духовной философіи. Доходило до того, что одинъ профессоръ философіи боялся хорошо читать (хотя на дѣлѣ доказалъ свое умѣнье) и умышленно читалъ прямо по книгѣ, безъ всякихъ поясненій къ ней,

ріода исторіи русской философіи, періода, отличающагося подчиненіемъ нѣмецкому идеализму и придождающагося тоже 50 лѣтъ, до вступленія на престоль Александра II.

Изъ этихъ трехъ ученій наименьшимъ успѣхомъ пользовалась философія Фихте. Единственнымъ его пропагандистомъ былъ первый Харьковскій профессоръ Шадъ. Кантомъ же заинтересовались у насъ нѣсколько больше, осо-

монотоннымъ голосомъ, дѣлая перерывы даже на срединѣ слова, а не только фразы.

Извѣстный Ф. Ф. Сидонскій, котораго впоследствии въ 1864 г. С.-Петербургскій университетъ возвелъ въ почетнаго доктора философіи, былъ послѣ перевода съ кафедр философіи на французскій языкъ совсѣмъ вытѣсненъ изъ академіи только потому, что онъ не считалъ образцовымъ слога Филарета Дроздова. При всѣхъ этихъ условіяхъ не достойно ли удивленія, что духовная философія до 1864 г. могла вырабатывать такихъ представителей, какъ Голубинскій и Кудрявцевъ? Трудно повѣрить, что академическіе студенты были доведены до того, что предпочитали профессоровъ, которые неясно излагаютъ свой предметъ: „что это за наставникъ!—говорили они:—у него все такъ ясно, не на чемъ и головы поломать. То ли дѣло Карповъ (переводчикъ Платона): у него въ классѣ ничего не поймешь, да и потомъ думаешь, думаешь, и все-таки часто не поймешь. Вотъ это такъ профессор!“ Естественное стремленіе молодежи къ умственной самостоятельности приходилось удовлетворять путемъ разгадыванія туманныхъ выраженій профессора! Только съ 1869 г. сильно измѣнилась жизнь духовныхъ академій. Профессорскій совѣтъ приобрѣлъ значительную автономію. Стали принимать мѣры для специальной подготовки къ кафедрамъ. Значительно улучшено матеріальное положеніе преподавателей. Гнетъ чернаго духовенства ослабѣлъ до такой степени, что даже должностъ ректора иной разъ занимали представители бѣлаго духовенства, а преподаваніе богословскихъ наукъ стало доступнымъ не только бѣлому духовенству, но и мірянамъ. И хотя академическій уставъ 1884 г. значительно ослабилъ духъ устава 1869 г., но далеко не вполне уничтожилъ его: между академическими уставами 1869 г. и 1884 г. гораздо больше сходства, чѣмъ между университетскими уставами 1863 г. и 1884 г.—Чтобы провѣрить указанную характеристику условій развитія нашей духовной философіи, стоитъ лишь просмотрѣть Исторію Казанской Духовной академіи Знаменскаго и „Воспоминанія о С.-Петербургской Духовной академіи“ ея бывшаго студента и профессора Ростиславова. Исторія Знаменскаго отличается отъ всѣхъ другихъ исторій академій, написанныхъ сухо, въ официальномъ и даже панегиристическомъ духѣ: при крайне живомъ, литературномъ изложеніи она представляетъ собой безпристрастный строго научный трудъ, за который Московскій университетъ призналъ автора докторомъ русской исторіи, а Казанскій университетъ своимъ почетнымъ членомъ. А каковы воспоминанія Ростиславова, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что они были напечатаны въ „Вѣстникѣ Европы“ (за 1872 г. и 1883 г.).

бенно же въ Казани, гдѣ изъ-за него велись споры даже въ видѣ актовыхъ рѣчей: въ одной изъ нихъ Лубкинъ напалъ на Канта, а Срезневскій послѣ того защищалъ его. Канта и переводили больше, чѣмъ Фихте, и не мало писали о немъ, правда больше опровергая его, чѣмъ соглашаясь съ нимъ. Главнымъ же образомъ, распространилось у насъ ученіе Шеллинга; только въ концѣ 30-хъ годовъ онъ уступилъ свое мѣсто Гегелю. Фактъ—легко объяснимый. Я имѣю въ виду не мистицизмъ и увлеченіе романтической поэзіей, на что нерѣдко указываютъ, какъ на причины сильнаго распространенія вліянія Шеллинга. Эти два фактора могли до нѣкоторой степени лишь содѣйствовать предпочтенію Шеллинга предъ Кантомъ и Фихте, но не объясняютъ его сполна: вѣдь еще нужно доказать, что сами-то пропагандисты Шеллинга увлеклись его философіей ради ея сходства съ мистицизмомъ и поэзіей, а не потому, чтобы приписывали ей *научное* превосходство предъ Кантомъ и Фихте. Нѣтъ, здѣсь дѣйствовали еще и болѣе глубокія причины. Отреченіе отъ всякой метафизики, проповѣдуемое Кантомъ, не было выдержано и имъ самимъ. Для его же современниковъ оно и подавно было слишкомъ преждевременнымъ и непосильнымъ. Метафизическіе же элементы, находящіеся у Канта, какъ извѣстно, почти съ логической необходимостью вели къ тому, что его философія прежде всего перерождалась въ ученіе Фихте, а чрезъ его посредство въ системы Шеллинга и Гегеля. Если же ходомъ исторіи намъ было суждено заимствовать именно нѣмецкій идеализмъ и если въ предшествующій періодъ мы уже были хоть сколько-нибудь подготовлены къ его обдуманному, а не случайному, анекдотическому, усвоенію, то естественно, что онъ усваивался, главнымъ образомъ, въ такой формѣ, которая при метафизическомъ настроеніи того времени казалась наиболѣе высокой, т.-е. въ Шеллинговской и Гегелевской. Но Гегель самъ напечаталъ очень мало изъ своихъ сочиненій и если успѣлъ уже при своей жизни пріобрѣсть горячихъ и многочисленныхъ послѣдова-

телей, то достигъ этого своимъ преподаваніемъ, а не печатными трудами. Оттого въ Россіи онъ еще не могъ пріобрѣсть вліянія до 30-хъ годовъ, когда его ученики начали печатать полное собраніе его лекцій и сочиненій. По всему этому до конца 30-хъ годовъ у насъ главнымъ образомъ распространялась философія Шеллинга, а потомъ сталъ господствовать Гегель. Но мы еще должны вспомнить, какъ и при какихъ условіяхъ шло это движеніе.

Первый, кто сталъ распространять у насъ натурфилософію Шеллинга, былъ профессоръ анатоміи и физиологіи С.-Петербургской Медико-Хирургической Академіи Велланскій. Ознакомившись съ ней изъ первыхъ рукъ во время своей заграничной командировки для подготовленія къ кафедрѣ, онъ сталъ распространять ее и въ своихъ лекціяхъ, которыя онъ началъ читать въ 1805 г., и въ своихъ сочиненіяхъ. Первые изъ его сочиненій прошли незамѣченными. Зато его блестящія лекціи, по словамъ современника, „слушали съ такимъ вниманіемъ, что если бы онъ внезапно умолкъ, то въ тишинѣ стало бы слышно даже движеніе паутины“. Иногда о Велланскомъ думаютъ, что будто бы его слушатели мало понимали, а можетъ быть даже и совсѣмъ не понимали его философствованія, но, обязанные посѣщать его лекціи, увлекались лишь горячностью и формой его изложенія. Но какъ же тогда объяснить и успѣхъ его сочиненій: „О животномъ магнетизмѣ“, и „Биологическое изслѣдованіе“, разошедшихся тотчасъ же послѣ ихъ появленія, и успѣхъ его публичныхъ лекцій, которыя онъ читалъ около 30 г.? А послѣднія пользовались такой популярностью, что московскіе любители философіи приглашали его пріѣхать на два мѣсяца въ Москву, чтобы прочесть тамъ 20 лекцій, предлагая ему въ вознагражденіе сумму, очень значительную, даже и для настоящаго времени—20,000 р. асс., хотя въ это время были въ Москвѣ и свои талантливые профессора, тоже послѣдователи Шеллинга.

Кромѣ Велланскаго, въ Петербургѣ распространялъ шел-

лингизмъ еще Галичъ, профессоръ Педагогическаго Института, преобразованнаго въ 1819 г. въ университетъ. Одновременно съ этимъ преобразованиемъ Галичъ напечаталъ свою „Исторію Философскихъ Системъ“, въ которой сначала онъ не хотѣлъ излагать систему Шеллинга, находя, что для нея, какъ для настоящаго, еще не наступила исторія, но, по „*требованію многихъ читателей*“, какъ говорится въ его предисловіи ко II тому, онъ присоединилъ ея очеркъ въ видѣ особаго приложенія. И такимъ путемъ, онъ далъ возможность множеству лицъ въ небольшомъ и ясномъ изложеніи узнать эту систему во всемъ ея объемѣ, а не только съ тѣхъ сторонъ, которыя были интересны для натуралиста. Кромѣ того, когда Галичъ былъ вынужденъ покинуть кафедру въ 1821 г., онъ по просьбѣ кружка молодежи, желавшей изучить при его посредствѣ философію Шеллинга, читалъ о ней частныя лекціи у себя на дому. И эти лекціи, которыя ему многіе совѣтовали, да онъ и самъ хотѣлъ сдѣлать публичными, но не получилъ на это разрѣшенія, и вытребованное читателями прибавленіе къ „Исторіи Философскихъ Системъ“—все это ясно показываетъ, насколько съ 1805 г. успѣлъ уже распространиться въ Петербургѣ интересъ къ философіи Шеллинга.

Но не долго продолжалось у насъ безпрепятственное распространеніе новыхъ философскихъ идей. Извѣстно, какая перемѣна произошла послѣ наполеоновскихъ войнъ въ характерѣ Александра I, какъ имъ овладѣлъ піэтизмъ; извѣстно и то, какъ воспользовались этимъ русскіе воспитанники іезуитовъ, а вмѣстѣ съ ними масса и другихъ лицъ, большинство которыхъ служили своимъ личнымъ и чисто земнымъ интересамъ и лишь прикрывались маской благочестія и преданности престолу, который, конечно, своими дѣяніями они лишь распатывали. Завладѣвъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и добившись его соединенія въ одномъ лицѣ съ министерствомъ духовныхъ дѣлъ, они сильнѣй всего проявляли свой обскурантизмъ именно на философіи, постоянно выставляя ее крайне опасной и въ рели-

гіозномъ, и въ политическомъ отношеніи. По винѣ-то этихъ обскурантовъ прежнее обстоятельное преподаваніе философіи въ гимназіяхъ было ограничено въ 1819 г. лишь логикой въ самыхъ элементарныхъ размѣрахъ. Это, конечно, еще не слишкомъ большая бѣда. Но эти обскуранты не оставили въ покоѣ и университетовъ. Уже то обстоятельство, что послѣдніе были организованы по образцу германскихъ, должно было вооружить противъ нихъ нашихъ воспитанниковъ иезуитовъ. И обскуранты открыто стремились устроить наши учебныя заведенія, не исключая и университетовъ, по образцу католическихъ школъ Австріи и Франціи (какъ онѣ существовали въ послѣдней до революціи и были восстановлены при реставраціи). Обскуранты постоянно восхваляли клерикальный режимъ этихъ школъ, педантическое соблюденіе въ нихъ различныхъ ханжескихъ правилъ, вродѣ того, на примѣръ, что студенты, входя попарно въ аудиторію, читаютъ псаломъ: „помилуй мя, Боже“, а каждый профессоръ предъ началомъ лекціи, становясь на колѣни, призывалъ духа премудрости на себя и на аудиторію; прославляли не только затворничество студентовъ, но даже безбрачіе профессоровъ. Къ наукѣ же и ея преподаванію они вообще такъ относились, что предлагали даже совсѣмъ упразднить преподаваніе исторіи, дабы пресѣчь всякую возможность при ея изложеніи вредно вліять на слушателей, а взамѣнъ этого читать (вродѣ того, какъ это дѣлается въ монастыряхъ) во время студенческой трапезы сочиненія избранныхъ, наиболѣе благочестивыхъ, историковъ.

Не всего удалось достигъ этимъ обскурантамъ; но философія подверглась съ ихъ стороны безпощадному гоненію и сильно пострадала. Первое нападеніе на нее было сдѣлано въ Харьковскомъ университетѣ. Подоносу попечителя Карнѣва, фихтеанецъ Шадъ былъ признанъ въ министерствѣ виновнымъ въ томъ, что онъ явно держится системы Шеллинга (sic!). Его дальнѣйшее пребываніе въ Россіи было признано невозможнымъ, и въ 1816 г., онъ былъ высланъ изъ Россіи. Одновременно съ этимъ въ Харьковѣ былъ лишенъ каѳедры и

талантливый математикъ Осиповскій, который съ точки зрѣнія эмпиризма опровергалъ кантовскую теорію пространства и времени, а этимъ самымъ распространялъ знакомство съ Кантомъ. Съ удаленіемъ Шада прекратилась у насъ и пропаганда философіи Фихте *).

Но самому сильному погрому подверглись Казанскій и С.-Петербургскій университеты. Въ Казани подвизался знаменитый по своей темной памяти Магницкій, который ввелъ тамъ не только во внѣшнихъ порядкахъ, но даже и въ преподаваніи самое наглое ханжество, граничащее съ кощунствомъ. Конечно, крайне трудно судить о религіозномъ настроеніи кого бы то ни было, но Магницкій, выставившій себя столпомъ святыни, въ тѣсномъ кругу друзей позволялъ себѣ самыя кощунственныя выходки.

Онъ началъ съ того, что нѣсколько лучшихъ профессоровъ Казанскаго университета были имъ удалены, а другіе разбѣжались сами. Въ числѣ удаленныхъ былъ профессоръ естественнаго права Солнцевъ, обвиненный Магницкимъ въ томъ, что его система носитъ явные слѣды философіи Канта, вслѣдствіе чего онъ, Солнцевъ, смѣшалъ божественное ученіе съ мнѣніями человѣческими, проистекающими изъ поврежденнаго разума, и проповѣдуетъ, будто бы разумъ учитъ о правахъ и обязанностяхъ, между тѣмъ какъ разумъ, поясняя Магницкій, не можетъ быть руководителемъ нашей жизни, но самъ обязанъ благоговѣнно внимать и со страхомъ повиноваться верховному законодателю. За такое преступленіе Солнцевъ былъ лишенъ права преподаванія даже въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Преподаваніе философіи въ Казани было сведено при Магницкомъ лишь къ логикѣ и къ исторіи философіи, изло-

*) Впослѣдствіи, во второй періодъ, лишь Новицкій, первый профессоръ философіи Кіевскаго университета (учрежденнаго лишь въ 1834 г.), находился подъ влияніемъ Фихте; но Новицкій — воспитанникъ Кіевской Духовной академіи. Единственнымъ же плодомъ дѣятельности Шада въ Россіи было появленіе въ Харьковѣ въ 1813 г. перевода сочиненія Фихте: «Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи. Опытъ принудить читателей къ разумнѣю».

женіе которой должно было имѣть обязательно обличительный характеръ, доказывать полную несостоятельность философіи и неизбѣжность самыхъ пагубныхъ заблужденій разума, коль скоро онъ пользуется свободой изслѣдованія. Профессорамъ же всѣхъ другихъ кафедръ было вмѣнено въ обязанность постоянно указывать при изложеніи своего предмета на проявленіе въ немъ божественной премудрости и на безсиліе разума, а недостатки прежнихъ писателей объяснять тѣмъ, что они жили во время хищническаго владычества философіи. И до какого кощунственнаго ханжества былъ доведенъ Казанскій университетъ Магницкимъ, видно хотя бы изъ того, что при немъ университетскій совѣтъ свои важнѣйшія бумаги помѣчалъ двумя датами: отъ Рождества Христова и отъ *Обновленія университета*, подъ которымъ подразумѣвался *произведенный Магницкимъ реформъ*. Дѣянія Магницкаго сопоставлялись съ появленіемъ Христа на землѣ! Дальше уже некуда было идти. А вотъ примѣръ, какъ велось преподаваніе въ духѣ обскурантовъ, именно преподаваніе математики, предмета, который, повидимому, не имѣетъ никакого отношенія ни къ религіознымъ, ни къ политическимъ разногласіямъ. Но это только такъ кажется: при *особой* преданности вѣрѣ и престолу даже и здѣсь можно найти и кое-что сомнительное, и кое-что такое, чѣмъ можно воспользоваться для развитія благочестія и благонамѣренности. По крайней мѣрѣ, профессоръ Никольскій на своихъ лекціяхъ безпрерывно пускался въ разсужденія о полнѣйшемъ *согласіи* (sic) математики съ христіанскимъ ученіемъ и оправдывалъ ее отъ подозрѣній, будто бы она своими строгими доказательствами приучаетъ умъ къ недовѣрчивости и пытливости (sic), и постоянно указывалъ, что въ математикѣ мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ превосходныя подобія божественныхъ истинъ. Напримѣръ: какъ число не можетъ быть безъ единицы, такъ ни вселенная, ни государство не могутъ быть безъ единого владыки; или—гипотенуза, соединяя два катета, напоминаетъ намъ о Спасителѣ, соединившимъ горнее съ дольнымъ, земное съ небеснымъ, и т. д.

Съ разгромомъ Казанскаго университета прекратилось и распространіе философіи Канта: послѣ 1820 г. не появилось ни одного сочиненія о ней.

Подобный же разгромъ постигъ въ 1821 г. и только что открытый (въ 1819 г.) С.-Петербургскій университетъ. Здѣсь главнымъ виновникомъ былъ попечитель Руничъ. Онъ — другъ и протеже Магницкаго. Однимъ этимъ уже сказано много. По его винѣ, въ одинъ годъ университетъ лишился 12 профессоровъ. Большая часть ихъ были уволены, другіе же сами удалились. Въ числѣ уволенныхъ были и два философа, Куницынъ и Галичъ (оба любимые учителя Пушкина). Профессоръ естественнаго права Куницынъ былъ обвиненъ въ томъ, что его книга „О естественномъ правѣ“ (которая раньше была одобрена Главнымъ Правленіемъ Училищъ) явно противорѣчитъ истинамъ христіанства и направлена къ ниспроверженію всѣхъ связей семейныхъ и государственныхъ. Галичъ же былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что въ своей «Исторіи философскихъ системъ» (за которую Галичу раньше была объявлена Высочайшая благодарность) проводитъ начала, противныя вѣрѣ и властямъ, установленнымъ отъ Бога, и отдаетъ явное предпочтеніе философіи Шеллинга, излагаетъ противныя ученію вѣры понятія индійской философіи, а на-ряду съ философскими ученіями приводитъ ученія древнихъ евреевъ и христіанъ, обращая ихъ такимъ путемъ изъ божественнаго откровенія въ человѣческой вымыселъ. И Галичу около десяти лѣтъ не позволяли читать даже и частныя лекціи въ его собственной квартирѣ. *)

*) Мы плохо знаемъ исторію своего просвѣщенія и нерѣдко готовы хвататься за такія воспитательныя и образовательныя мѣры, которыя уже были испытаны и брошены. Поэтому поучительно узнать, къ какимъ послѣдствіямъ привело насильственное внѣдреніе благочестія въ студентахъ вродѣ общихъ молитвъ, вмѣшательство во всю ихъ жизнь и т. п. Отвѣтомъ служатъ слова Шишкова, котораго уже никто не заподозритъ въ недостатокѣ ни благочестія, ни преданности престолу и который настолько сзумѣлъ убѣдить Александра I, что былъ назначенъ въ 1824 г. управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія. «Нравственный развратъ, говоритъ Шишковъ, росъ и усиливался; ослѣп-

Не спаслась философія отъ гоненій и въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ, хотя реакція сказала тамъ неизмѣримо легче, чѣмъ въ другихъ университетахъ. Вообще всякая реакція въ Москвѣ почему-то всегда обнаруживалась легче всего—не только въ университетѣ, но даже и въ духовномъ вѣдомствѣ. Такъ, когда въ 30-хъ годахъ петербургскія, да и вообще, всѣ духовныя училища стонали отъ такъ называемаго среди духовенства нашествія Протасова (оберъ-прокурора Св. Синода), то въ Москвѣ его почти не чувствовали *). Не будемъ разсуждать, отчего зависѣлъ этотъ фактъ наименьшаго страданія Москвы при всѣхъ реакціяхъ; но самъ по себѣ онъ очень важенъ въ исторіи русской философіи. Благодаря ему, Московскій университетъ игралъ наибольшую роль въ ходѣ нашего умственнаго развитія. Благодаря ему же, и духовная философія, хотя своимъ возникновеніемъ обязана С.-Петербургской Духовной академіи, до 70-хъ годовъ процвѣтала только въ Москвѣ (Голубинскій и Кудрявцевъ). И если даже современная, развившаяся послѣ академической реформы 1870 г., духовная философія сильно гордится, и вполне справедливо, однимъ изъ профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи, то не надо забывать, что онъ тоже воспи-

леніе, подъ священнѣйшими именами благочестія и челоуѣколюбія, умѣло вползати въ сердца и поражати ихъ ядомъ; подъ видомъ распространенія христіанства стремились поколебати православную вѣру». Это похоже на то, какъ въ Петербургской Духовной академіи при гр. Протасовѣ хотѣли поднять нравственность студентовъ введеніемъ ежедневныхъ утреннихъ и вечернихъ общихъ молитвъ въ церкви (взамѣнъ прежнихъ отдѣльныхъ молитвъ въ какомъ угодно мѣстѣ) и отмѣтками въ вѣдомостяхъ объ усердіи къ молитвѣ. Ростиславовъ, которой самъ былъ въ это время студентомъ, а впослѣдствіи и профессоромъ той же академіи, ясно описалъ и объяснилъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ академіи („Вѣстн. Евр.“ 1883 г.), что эта мѣра вызвала полный упадокъ религіознаго духа въ академическомъ студенчествѣ.

*) Протасовъ хотѣлъ было совсѣмъ изгнать философію изъ семинаріи, но, встрѣтивъ сильное противодѣйствіе въ Синодѣ, все-таки добился ея сильнаго сокращенія, посвятивъ оставшіеся отъ нея часы на преподаваніе медицины и сельскаго хозяйства. Для будущихъ поповъ, большая часть которыхъ будетъ сельскими священниками, говорилъ онъ, это гораздо нужнѣй, чѣмъ философія.

танникъ Московской Духовной академіи, такъ что въ его лицѣ послѣдняя уплатила первой свой философскій долгъ *)).

Но, какъ бы то ни было, философія-то, по крайней мѣрѣ, въ 20-хъ годахъ подверглась преслѣдованію даже и въ Московскомъ университетѣ. Въ запискѣ, представленной Государю въ 1823 г., Магницкій, предлагавшій въ это время уже совѣмъ упразднить въ университетахъ преподаваніе философіи, доносилъ, между прочимъ, что „Логика,“ напечатанная предъ этимъ московскимъ профессоромъ философіи Да-

*) Общая схема развитія духовной философіи до 1869 г. очень проста. Первымъ сѣятелемъ не схоластической философіи въ С.-Петербургской Духовной академіи былъ Фесслеръ, приглашенный изъ Берлина для преподаванія еврейскаго языка, но назначенный на кафедру философіи, какъ наиболѣе способный для этого дѣла профессоръ (взамѣнъ іеромонаха Евгенія Казанцева, которому было сначала поручили ее). Но Фесслеръ преподавалъ только одинъ годъ первому курсу. Онъ былъ удаленъ по настоянію архіепископа Теофилакта за то, что училъ о врожденныхъ идеяхъ, а главнымъ образомъ за то, что своимъ вліяніемъ на студентовъ подрывалъ авторитетъ Теофилакта, который и самъ былъ преподавателемъ словесности въ академіи. Это тотъ самый Теофилактъ, однокашникъ и другъ Сперанскаго, котораго называли русскимъ Бриеномъ (епископъ, перешедшій на сторону третьяго сословія во французскомъ національномъ собраніи 1789 г.) и который утверждалъ, что «цѣль Кантовой философіи есть двоякая: ниспроверженіе христіанства и замѣна его не деизмомъ, а совершеннымъ безбожіемъ». Но первый курсъ былъ въ значительной части составленъ изъ преподавателей семинарій; и Фесслеръ уже и въ одинъ годъ успѣлъ въ немъ пробудить любовь къ философіи. А замѣненъ онъ былъ человѣкомъ знающимъ и уже опытнымъ въ университетскомъ преподаваніи профессоромъ богословія въ Дерптскомъ университетѣ Горномъ, который продержался въ Петербургской академіи четыре года и счумѣлъ поддержать въ ней философское движеніе, начатое Фесслеромъ. Ученикъ же Фесслера, Кутневичъ, перенесъ философію въ Московскую Духовную академію, въ которой онъ былъ первымъ профессоромъ этого предмета. И извѣстный Голубинскій, вѣроятно, былъ еще его ученикомъ. Ученикъ же Горна Скворцовъ, магистръ второго, т.-е. ближайшаго къ Фесслеру, выпуска Петербургской академіи перенесъ философію въ Кіевскую академію и насадилъ тамъ философскую школу, изъ которой вышли Новицкій (въ Кіевскій университетъ), Гогоцкій (туда же), Михневичъ (въ Одесскій Ришельевскій лицей), Авсенева (которому студенты Кіевской академіи послѣ Скворцова больше всѣхъ были обязаны своимъ философскимъ развитіемъ). Казанская же академія получила своихъ первыхъ профессоровъ философіи изъ Москвы—учениковъ Голубинскаго. Такимъ образомъ, русская духовная философія пошла изъ Петербурга, подобно тому какъ и философія впервые стала распространяться тоже изъ Петербурга.

выдовымъ, отъ начала до конца пропитана богопротивнымъ ученіемъ Шеллинга, основу котораго, поясняя Магницкій, составляютъ вольнодумство и развратъ. Правда, эта записка не имѣла никакихъ послѣдствій для изданной Давыдовымъ книги; но самъ онъ еще предъ ея подачей Государю почему-то поторопился перейти на кафедру римской словесности *). Мало того: когда, уже по воцареніи Николая Павловича, Давыдову (въ 1826 г.) было снова поручено читать философію, его лекціи были прекращены послѣ двухъ-трехъ; и, какъ сообщаетъ Гончаровъ, это—оттого, что флигель-адъютантъ, который почему-то посѣтилъ ихъ, донесъ Государю о вольнодумствѣ профессора. И послѣ того Давыдовъ преподавалъ все, что угодно—и русскую словесность, и римскую словесность, даже и математику, только не философію.

Такимъ образомъ, одновременно и повсюду подверглись преслѣдованію всѣ три распространявшіяся у насъ системы новаго идеализма. Но не даромъ сказано:

Надъ вольной мыслью Богу неуютны

Насиліе и гнеть:

Она, въ душѣ рожденная свободно,

Въ оковахъ не умретъ!

И не умерла у насъ, несмотря ни на какія преслѣдованія, идеалистическая философія. Она ускользнула изъ-подъ рукъ своихъ гонителей, и ускользнула такими путями, какіе они едва ли могли предвидѣть. Давыдовъ, который, конечно, также какъ и Галичъ, еще не можетъ быть названъ Шеллингианцемъ въ строгомъ смыслѣ, но который, по его словамъ, Шеллинга предпочиталъ всѣмъ другимъ, еще до поступленія на университетскую кафедру, уже въ 1815 г. былъ назначенъ инспекторомъ Университетскаго пансіона; и онъ тотчасъ же воспользовался своимъ положеніемъ не

*) Преподаваніе же философіи отстояли противъ происковъ Магницкаго членъ ученаго комитета гр. Лаваль и главнымъ образомъ рижскій попечитель кн. Ливенъ.

только для того, чтобы вообще оживить умственную жизнь своихъ питомцевъ, но и для того, чтобы пропагандировать среди нихъ шеллингизмъ. Подъ его руководствомъ каждая двѣ недѣли они устраивали собранія, на которыхъ читались рѣчи, разсужденія, разборъ писателей и т. п. и происходили ученые пренія. Кромѣ того, онъ постоянно снабжалъ ихъ книгами, толковалъ съ ними о новой системѣ и имѣлъ сильное вліяніе на все поколѣніе, прошедшее чрезъ его руки въ этомъ учрежденіи, возбуждая въ немъ, а чрезъ него и во всемъ московскомъ студенчествѣ, стремленіе и любовь къ философіи *).

Въ самомъ же университетѣ, гдѣ Давыдовъ сталъ читать философію съ 1817 г., онъ еще до доноса Магницкаго нашель неожиданную помощь въ лицѣ вернушагося изъ-за границы въ 1820 г. Павлова, профессора минералогіи и сельскаго хозяйства, который въ послѣдствіи читалъ еще и физику. Его лекціи, по отзывамъ всѣхъ его слушателей отличались не только логичностью, послѣдовательностью, поражавшей даже первокурсниковъ, но ясностью и художественною цѣльностью. А въ то же время, по словамъ Герцена, взаимнѣ физики и сельскаго хозяйства, Павловъ въ связи съ ними, на самомъ дѣлѣ, излагалъ, главнымъ образомъ, философію Шеллинга и Окена. И его лекціи такъ увлекали молодежь, что его аудиторію всегда переполняли студенты всѣхъ факультетовъ.

*) Привыкнувъ же подъ вліяніемъ Давыдова къ обмѣну мыслей и къ общественному характеру занятій литературой и наукой, его питомцы въ послѣдствіи въ 1823 г. образовали частное литературное общество, такъ называемое общество „Радича“, часть членовъ котораго, недовольныхъ его чисто-литературнымъ характеромъ, выдѣлилась изъ него и образовала философскій кружокъ и даже присвоила ему названіе «Общество любомудрія». Этотъ кружокъ, который выработалъ свой уставъ, вель протоколы засѣданій и выбралъ себѣ предсѣдателя, довольно скоро, именно послѣ декабрьскихъ событій 1825 г. ради осторожности прекратилъ свое существованіе (т.-е. уничтожилъ свой уставъ, протоколы и отказался отъ своего названія). Но входящія въ составъ его лица продолжали поддерживать между собой дружескія сношенія и совмѣстныя занятія философіей. Въ составъ же общества любомудрія вошли, между прочимъ, и будущіе славянофилы: братья Кирѣевскіе, Кошелевъ и др.

Участіе натуралистовъ въ распространеніи новой философіи врядъ ли было предусмотрѣно со стороны ея преслѣдователей. Во всякомъ случаѣ это было очень важное обстоятельство. Вѣдь наши обскуранты, Магницкій и др., совсѣмъ не знали философіи и на каждомъ шагу обнаруживали полнѣйшее непониманіе ея. Напримѣръ, фихтеанца Шада министерство обвинило въ томъ, что онъ слѣдуетъ Шеллингу. Про логику Давыдова, въ которой очень мало Шеллинговскаго (одно лишь предисловіе), а господствуютъ идеи Локка, Магницкій утверждалъ въ своемъ доносѣ, будто бы она *отъ начала до конца* пропитана ученіемъ Шеллинга. Да къ чему эти примѣры? Кто другой, а учредители-то Философскаго Общества и всѣ, кто сочувствуетъ ему, навѣрное, безъ спора согласятся, что если бы наши обскуранты знали философію, то они не могли бы быть обскурантами. А извѣстно, что, если философія выступаетъ открыто, то судить о ней охотно берется всякій неучъ. Въ Россіи даже чѣмъ невѣжественнѣе человѣкъ, тѣмъ съ большей увѣренностью судить онъ и о философіи вообще, и о любомъ философскомъ ученіи. На это сильно жаловался еще Герценъ, указавшій на то, что у насъ для сужденія о сапогахъ и сапожномъ товарѣ считаютъ нужнымъ приобрѣсть спеціальныя знанія, но, чтобы судить о философіи, считаютъ излишнимъ учиться философіи. Иное дѣло, когда философія проводится въ видѣ естествознанія. Надо обладать довольно большими и въ то же время *спеціально философскими* знаніями, чтобы разобраться, гдѣ въ такомъ случаѣ кончается философія и выступаетъ дѣйствительное естествознаніе. И вотъ, въ то время, когда преслѣдовали профессоровъ философіи за пропаганду новой философіи, ее свободно распространяли натуралисты. Вѣдь при разгромѣ Петербургскаго университета хотѣли было напасть и на Велланскаго. Отъ его учениковъ отобрали тетради, чтобы уличить его въ распространеніи богопротивнаго ученія, но не сѣумѣли въ нихъ разобраться. И когда Галичу не позволяли читать даже и частныя лекціи, Велланскій замолчалъ только на

время изъ осторожности, а потомъ снова принялся за свою пропаганду. Сходное же явленіе повторилось и въ Москвѣ. Въ 1826 г. Давыдову были запрещены лекціи философіи. Но въ томъ же самомъ году, на-ряду съ Павловымъ, началъ читать общій курсъ естественной исторіи подпавшій подъ вліяніе Павлова, а чрезъ него и Шеллинга, профессоръ ботаники Максимовичъ, извѣстный собиратель малороссійскихъ пѣсенъ, лекторъ, по достоинствамъ своимъ ни въ чемъ не уступавшій ни Давыдову, ни Павлову. А по его собственнымъ словамъ, „въ естествознаніи его неотлучной спутницей и вѣрной помощницей была философія“. И Максимовичъ безпрепятственно велъ свою пропаганду въ Москвѣ и въ печати и съ кафедръ до 1834 г., когда тоска по родинѣ потянула его въ Украину, и онъ перевелся въ Кіевъ въ новооткрытый университетъ на кафедру русской словесности. Павловъ же тоже безпрепятственно подвизался въ Москвѣ до самой своей смерти (въ 1840 г.); и начиная съ 1828 г., въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ еще издавалъ журналъ „Атеней“, гдѣ помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ статей.

Такимъ-то путемъ, неожиданнымъ для обскурантовъ, поддерживалось у насъ въ учащейся молодежи философское движеніе. Съ 1830 же г., когда философію стали уже меньше преслѣдовать, въ Москвѣ выступилъ на кафедру теоріи изящныхъ искусствъ Надеждинъ, занимавшій эту кафедру пять лѣтъ и примѣнявшій новые философскіе принципы къ эстетикѣ. А Надеждинъ, по словамъ Константина Аксакова, производилъ сильное впечатлѣніе своими лекціями. Станкевичъ даже говорилъ, что если когда-нибудь онъ будетъ въ раю, то обязанъ этомъ Надеждину: такъ много пробудилъ онъ въ немъ *).

*) А здѣсь поучительно еще то обстоятельство, что когда обсуждалась диссертация Надеждина, представленная имъ pro venia legendi, то Ивашковскій и Снегиревъ подали о ней отдѣльное мнѣніе, въ которомъ говорили: «хотя самъ сочинитель не упоминаетъ, какому ученію предпочтительно слѣдовалъ, но весьма очевидно, что оно принадлежитъ Шеллингу, и потому желательно прежде всего знать, можетъ ли сіе ученіе быть допущено въ нашемъ университетѣ». А между тѣмъ „сіе ученіе“ проповѣдывалось уже въ это самое время въ Московскомъ Университетѣ и Павловымъ, и Максимовичемъ.

Но въ Москвѣ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ идеалистическая философія распространялась еще другимъ путемъ, который обскуранты никакъ не могли предусмотрѣть, а уже во всякомъ случаѣ никоимъ образомъ не могли загородить его передъ ней. Это—посредствомъ литературныхъ кружковъ, возникшихъ въ Москвѣ подъ вліяніемъ оживленія университетской жизни, наступившаго въ 20-хъ годахъ вслѣдствіе появленія тамъ цѣлаго ряда талантливыхъ преподавателей. Слѣдить за происхожденіемъ и дальнѣйшими судьбами этихъ кружковъ, съ которыми связанъ цѣлый рядъ славныхъ и общеизвѣстныхъ именъ: Вл. Одоевскій, Веневитиновы, Кирѣевскіе, Аксаковы, Хомяковъ, Станкевичъ, Бѣлинскій, Герценъ и множество другихъ, было бы слишкомъ долго. Да въ этомъ и нѣтъ никакой нужды. Эти кружки всѣмъ памяты. Памятно также и то, что ихъ члены больше всего увлекались философіей и вырабатывали всѣ свои воззрѣнія подъ ея руководствомъ. Ихъ страсть къ философіи доходила до такой степени, что по цѣлымъ недѣлямъ они проводили всѣ вечера въ безконечныхъ спорахъ о какомъ-либо отвлеченнѣйшемъ философскомъ положеніи. И вмѣстѣ съ тѣмъ они съ такою силой возбуждали интересъ къ философіи во всѣхъ, кто только соприкасался съ ними, что даже Погодинъ, человѣкъ совершенно неспособный и нерасположенный къ философіи, всячески, хотя и безуспѣшно, старался одолѣть ее. Эти кружки, начавъ съ философіи Шеллинга, въ 30-хъ годахъ, постепенно перешли къ тому, что у нихъ наиболѣе господствующимъ направленіемъ сдѣлалось гегельянство въ той или въ другой, но всегда въ болѣе или менѣе своеобразной, окраскѣ*). И какъ извѣстно, подъ вліяніемъ этого шеллинго-гегелевскаго движенія выработалось два направленія, ясно опредѣлившіяся въ 40-хъ годахъ: славянофилы и западники. Если оставить въ сторонѣ вопросъ (совершенно неумѣстный въ торжественную ми-

*) Въ Москвѣ же (въ «Москвитянинѣ» 1841 г.) появилась и первая въ русской литературѣ статья о Гегелѣ. Это—„Обозрѣніе гегелевой логики“ Рѣдкина.

нута открытія Философскаго Общества) о преимуществахъ того или другаго направленія, то никто не станетъ оспаривать, какъ много значили оба они, взятыя вмѣстѣ, для развитія нашей литературы и критики, для развитія русской исторіографіи и вообще русскаго самосознанія, и даже для развитія формъ нашей государственной жизни: вѣдь уже давно отмѣчено, что наибольшая часть дѣятелей освободительной эпохи были воспитанниками идеалистической философіи 40-хъ годовъ. Никѣмъ также не оспаривается и то, что славянофилы съ западниками не ограничились однимъ лишь пассивнымъ усвоеніемъ германской философіи, а внесли въ нее то, чего не было ни у Канта, ни у Фихте, ни у Шеллинга, ни у Гегеля. Это—философскій взглядъ на прошлое и будущее русскаго народа, на его роль въ семьѣ европейскихъ народовъ, философское освѣщеніе съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія всѣхъ сторонъ его жизни.

Такимъ образомъ уже во второй періодъ своего существованія русская философія успѣла оказать неоспоримое и самое благотворное вліяніе на ходъ русской культуры. И въ то же время ея услуги за этотъ періодъ имѣютъ не только мѣстный характеръ: онѣ не ограничиваются одной лишь Россіей, но распространяются и на весь цивилизованный міръ. Можетъ быть, эти слова покажутся странными и возбуждать ожиданіе, что я сейчасъ пушусь въ какіе-нибудь умственные фокусы. Но мнѣ достаточно напомнить чисто русское имя одного всемірно-извѣстнаго человѣка, чтобы заставить всѣхъ согласиться со мной. Это—Николай Ивановичъ Лобачевскій. Это славное имя казанскаго математика освобождаетъ меня отъ обязанности пояснять, въ чемъ состоитъ его всемірное значеніе. Съ 1893 г., когда Казанскій университетъ при сочувственномъ отзывѣ всего цивилизованнаго міра праздновалъ столѣтнюю годовщину дожденія Лобачевского, уже и всѣ русскіе узнали то, что равно было извѣстно на Западѣ, именно, что работы Лобачевского имѣютъ значеніе не для одной лишь математики,

но еще больше для наиважнѣйшаго отдѣла философіи—для теоріи познанія, и что на Западѣ онѣ возбудили сильное научное движеніе, въ которомъ принимали участіе такіа лица, какъ Риманъ, Гельмгольцъ и др. А вѣдь понятно, да съ того времени это тоже стало извѣстнымъ и у насъ, что Лобачевскій могъ прійти къ своимъ выводамъ только отъ того, что онѣ философски пересматривалъ начала математики. Далѣе, стало понятнымъ также и то, что какъ ни велики въ математикѣ Декартъ и Лейбницъ, но съ своими философскими предпосылками они не могли бы прійти ни къ вопросу, ни къ рѣшенію Лобачевского. И то, и другое возможно только въ томъ случаѣ, если держаться или принциповъ англійскаго эмпиризма, какіе и высказываетъ Лобачевскій, или Кантовскихъ воззрѣній. Да даже и англійскаго эмпиризма прошлаго столѣтія было еще недостаточно, чтобы обусловить работу Лобачевского. Онѣ долженъ быть дополненъ еще—хотя и не въ высказанномъ, а подразумѣваемомъ видѣ—Кантовскою теоріей синтетическихъ сужденій, ибо безъ этого дополненія взгляды Локка и Юма на математику, какъ извѣстно, ничѣмъ не отличаются отъ взглядовъ Декарта и Лейбница. А въ Казанскомъ университетѣ (гдѣ Лобачевскій выступилъ, какъ преподаватель, несмотря на свои 18 лѣтъ, уже въ 1811 г.) до его разгрома сильнѣе всего интересовались какъ разъ философіей Канта *). Поэтому невозможно, чтобы Лобачевскій не зналъ Канта, равно какъ нельзя допустить, чтобы

*) См. объ этомъ выше о Лубкинѣ, Срезневскомъ и Солнцевѣ. Надо замѣтить еще, что Лубкинъ едва ли не больше всѣхъ привлекъ вниманіе русскихъ къ Канту, напечатавъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ Мартынова въ 1805 г. „Письмо о критической философіи“, гдѣ онѣ первый у насъ изложилъ главныя основанія философіи Канта, присоединивъ къ нимъ свои возраженія противъ его ученія о пространствѣ и времени. До этого же времени обращали вниманіе не на теоретическую философію Канта; ибо до тѣхъ поръ появились только переводъ Рубана „Кантово основаніе для метафизики нравовъ“ (въ Николаевѣ въ 1804 г.) и анонимный переводъ (въ Спб. 1804 г.) „Наблюденія объ ощущеніи прекраснаго и возвышеннаго“, а изъ всѣхъ оригинальныхъ сочиненій подъ вліяніемъ Канта было только Ертова „Начертаніе естественныхъ законовъ происхожденія вселенной“. Спб. 1798 г.

онъ не былъ знакомъ со взглядами харьковскаго математика Осиповскаго, который нападалъ на Канта (въ томъ числѣ и на его теорію пространства и времени) съ точки зрѣнія англійскаго эмпиризма *). Если же Лобачевскій, философски анализируя начала геометріи, говоритъ очень кратко (такъ что для неспеціалистовъ въ философіи остается даже незамѣтной философская часть его работъ) и при этомъ ни разу не упоминаетъ имени ни Канта, ни вообще какого бы то ни было философа то, очевидно, онъ такъ поступаетъ лишь страха ради іудейска, помня объ участи Осиповскаго и своего сослуживца Солнцева **).

Такъ вотъ, когда задумываются, можетъ ли и у насъ философія имѣть такое же значеніе для развитія нашей куль-

*) Въ своихъ статьяхъ, возникшихъ изъ актовыхъ рѣчей: «О пространствѣ и времени» 1807 г. и «Разсужденія о динамической системѣ Канта» 1813 г. А надо замѣтить, что ученіе о синтетичности принциповъ математики можетъ быть принято, какъ это и было сдѣлано Миллемъ, при англійскомъ эмпиризмѣ. Но при такомъ условіи эти принципы, разумѣется, перестаютъ быть а priori обязательными для міра явленій и могутъ быть допускаемы для него лишь постольку, поскольку они оправдываются опытомъ; если же развивать математику въ чистомъ видѣ, т.-е. независимо отъ пригодности ея примѣненія къ опыту, то эти принципы всѣ или отчасти могутъ быть безъ всякаго внутренняго противорѣчія въ нашей системѣ замѣнены и несомвѣстными съ нами (напримѣръ, предположеніемъ, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника не равна 2 d). Такимъ путемъ получается какъ разъ взглядъ, лежащій въ основѣ пангеометріи Лобачевскаго.

**) А надо замѣтить, что Лобачевскій отличался величайшей осторожностью и тактомъ. Во время разбойничества Магницкаго онъ не былъ въ числѣ его угодниковъ. Вотъ какъ отзывался о немъ ректоръ Казанскаго университета К. В. Ворошиловъ, говоря о времени университетскаго разгрома: «подавляющее большинство университетскихъ дѣятелей какъ будто бы даже забыли о своемъ назначеніи и привели въ упадокъ и учебно-вспомогательныя учрежденія, и численность учащихся, и чуть не довели до страшнаго исхода—до закрытія университета. Н. И. Лобачевскій одинъ былъ въ ту пору неугасаемымъ свѣтильникомъ науки, честнымъ исполнителемъ Монаршихъ предначертаній, носителемъ и апостоломъ высокихъ просвѣтильныхъ началъ... Да послужить же эта высоко-честная жизнь вѣчнымъ образцомъ для подражанія и настоящаго, и грядущихъ поколѣній университетскихъ дѣятелей!» Тѣмъ не менѣе Лобачевскій не только уцѣлѣлъ во время разгрома, но еще сдѣлался деканомъ и своей неутомимой дѣятельностью (когда ему приходилось иной разъ одному читать всѣ отдѣлы математики, физики и астрономіи) спасъ Казанскій университетъ.

туры, какъ въ другихъ странахъ, то пусть вспоминаютъ о славянофилахъ и западникахъ. Если же сомнѣваются, въ состояніи ли русская философія уплатить свой долгъ западу и оказывать съ своей стороны вліяніе на развитіе его философіи, то пусть припомнятъ Лобачевского и взвѣсятъ, не началась ли уже эта расплата. Да пусть при этомъ еще хорошенько обдумаютъ, при какихъ условіяхъ распространялась у насъ философія—какъ результатъ искусственнаго, тепличнаго насажденія, или же какъ обнаруженіе глубокой общественной потребности, находившей свое удовлетвореніе вопреки самымъ тяжелымъ препятствіямъ?

Вѣдь для русской философіи во второй ея періодъ сравнительно свѣтлые дни наступили только къ концу 30-хъ годовъ. И то приходится назвать ихъ лишь *сравнительно* свѣтлыми, если вспомнить о тягостяхъ цензуры во все время царствованія Николая I, цензуры, преслѣдовавшей зачастую даже чисто-литературныя мнѣнія и не позволявшей судить, хотя бы даже и одобрительно, объ игрѣ актеровъ и актрисъ Императорскихъ театровъ, на основаніи того принципа, что это будетъ судъ о казенномъ добрѣ, о людяхъ, находящихся на казенной службѣ. А какъ отозвалась эта цензура на философіи, видно уже изъ того, что, при всемъ увлеченіи Гегелемъ, до 60-хъ годовъ не появилось ни одного перевода изъ его сочиненій, а раньше почти не было переводовъ Шеллинга, хотя несомнѣнно, что въ рукописяхъ ходило не мало переводовъ какъ его, такъ и Канта и Фихте и нѣкоторыхъ другихъ, даже менѣ важныхъ, нѣмецкихъ философовъ (Гербарта, Круга, Шада и т. д.) *). Тѣмъ не менѣ, лѣтъ 8 или 10 второго періода

*) Вотъ два списка переводовъ философскихъ сочиненій, появившихся въ 24-лѣтнее царствованіе Александра I и въ 30-ти лѣтнее Николая I, причемъ первый списокъ лишь приблизительно полонъ: они наглядно представляютъ вліяніе цензуры на научную жизнь. При Александрѣ I нѣсколько переводовъ сочиненій Вольтера; „Логика“ Кондильяка въ двухъ переводахъ; два перевода Монтескье „О духѣ законовъ“; Бонне — „Философскія начала о первой причинѣ и дѣйствіи“ и „Созерцаніе природы“; четыре сочиненія Руссо (изъ нихъ одно въ двухъ переводахъ); Баумейстера „Метафизика“; Зульцера — „Новая теорія

русской философіи все-таки могутъ быть названы сравнительно свѣтлыми для нея, потому что на-ряду съ мѣрами Уварова, вызвавшими нѣкоторое общее оживленіе университетовъ, въ концѣ 30-хъ годовъ было не только предоставлено профессорамъ философіи право слѣдовать любой системѣ, но даже изученіе философіи было сдѣлано обязательнымъ для студентовъ всѣхъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго.

А если такъ, то почему же русская философія не дала еще большихъ результатовъ? По очень простой причинѣ: вслѣдъ за этими сравнительно свѣтлыми днями самымъ тяжелымъ образомъ закончился второй періодъ русской философіи; а послѣ него она была вынуждена начать свое развитіе *заново*, такъ что она вступила въ періодъ своего вторичнаго развитія, который продолжается и до настоящаго времени. Предъ революціей 1848 г., а еще болѣе въ этомъ году, началась такая реакція, которой равной еще, кажется, никогда не было ни раньше, ни позже; по крайней мѣрѣ, она еще никогда не обращалась съ такою силой противъ философіи. И безъ того нестерпимо тяжелая цензура сдѣлалась какой-то чудовищной. Образовался восходящій рядъ цензуръ: не только каждое министерство, но и вообще масса учрежденій имѣли свои особыя цензуры; а надо всѣмъ этимъ стоялъ пресловутый негласный центральный комитетъ, цензировавшій и книги, и цензуры, и даже едва ли не самихъ министровъ. Далѣе: всѣмъ служащимъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія

удовольствія“ и „Упражненіе къ возбужденію вниманія и размышленія“; Песталоцци—„Книга для матерей“ и одно анонимное сочиненіе, объ его методѣ; два сочиненія Канта; Фихте—„Яснѣйшее изложеніе“ и т. д., Гердера—„Мысли, относящіяся къ философской исторіи“; Окена—„О свѣтѣ и теплотѣ“; Клуге—„Животный магнетизмъ“. Въ царствованіе же *Николая I* появились: Шеллинга—Введеніе въ умозрительную физику и Первая лекція Шеллинга въ Берлинѣ; Каруса—„Основаніе краниоскопіи“; пожалуй, прибавимъ сюда Логикѣ, *выбранную* изъ Клейна (хотя такія выборки до 1825 г. не упомянуты, но онѣ появлялись въ гораздо большемъ числѣ), и тѣмъ дѣло кончится.

были запрещены не только командировки, но и отпуска за границу. Наконецъ, возникъ даже и серьезно обсуждался планъ преобразовать всѣ университеты въ высшія военно-учебныя заведенія. Планъ этотъ, къ счастью, не былъ исполненъ; зато былъ установленъ въ университетѣ комплектъ студентовъ въ 300 человекъ для всѣхъ факультетовъ и курсовъ, взятыхъ вмѣстѣ, кромѣ медицинскаго факультета. А для болѣе скорого осуществленія его былъ временно прекращенъ приемъ студентовъ. Университетскіе совѣты лишены права избирать ректора, и усилена власть попечителя. Преподаваніе связано неподвижными программами и т. д. Уваровъ, только-что было оживившій нѣсколько наши университеты, не выдержалъ такой ломки; онъ тяжело заболѣлъ и долженъ былъ покинуть службу. Его мѣсто занялъ кн. Ширинскій-Шихматовъ, который не краснѣя твердилъ: „польза философіи не доказана, а вредъ отъ нея возможенъ“. А передъ какой головой не доказана и насколько логично заключать отъ возможности къ дѣйствительности, объ этомъ онъ не заботился. И вотъ, въ 1850 г. философскій факультетъ былъ раздѣленъ на историко-филологическій и физико-математическій, каѳедра же философіи закрыта, преподаваніе ея ограничено логикой и психологіей и поручено не особому профессору, но обязательно законоучителю, причемъ это преподаваніе было поставлено еще подъ особый надзоръ назначаемыхъ св. синодомъ наблюдателей за преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Легко себѣ представить, каково было, если не считать случайныхъ единичныхъ исключеній, (вродѣ Ив. Л. Янышева), преподаваніе логики и психологіи въ рукахъ лицъ, посвятившихъ себя другой спеціальности. По крайней мѣрѣ, даже св. синодъ находилъ нежелательнымъ такое соединеніе преподаванія закона Божія съ логикой и психологіей и предлагалъ для послѣднихъ предметовъ назначать, хотя и изъ священниковъ, но все-таки особаго преподавателя. Да и самъ Ширинскій-Шихматовъ, очевидно, хорошо понималъ, къ чему онъ свелъ философію: „поло-

женъ конецъ обольстительнымъ мудрованіямъ философіи“, съ торжествомъ восклицалъ онъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ за 1850 г. *)).

IV. Третій періодъ—періодъ вторичнаго развитія.

Изгнаніе философіи изъ русскихъ университетовъ продолжалось тринадцать лѣтъ, вплоть до введенія устава 1863 г.; и разумѣется, оно должно было вызвать у насъ столь сильный упадокъ философскаго мышленія, что послѣднее вынуждено было развиваться заново, такъ что со времени воцаренія Александра II русская философія вступаетъ въ третій періодъ, который можетъ быть названъ періодомъ ея вторичнаго развитія. Исторія этого періода совершается уже на нашихъ глазахъ. Тѣмъ не менѣе намъ полезно и ее припомнить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, не называя, на примѣръ, никакихъ именъ и понынѣ здравствующихъ или такъ недавно скончавшихся дѣятелей. Въ исторіи этого періода много поучительнаго съ точки зрѣнія нашего вопроса, ибо развитіе философскаго мышленія въ Россіи въ

*) Студенты того времени смѣялись, что у нихъ преподается «божественная логика». И дѣйствительно, въ С.-Петербургскомъ университетѣ профессоромъ богословія былъ Райковскій, обладавшій, между прочимъ, необыкновенною способностью наводить сонъ на своихъ слушателей. Онъ свои лекціи логики издалъ подъ такимъ заглавіемъ, вполнѣ оправдывающимъ насмѣшку студентовъ: «Логика, описывающая механизмъ нашей мысли, ея формы и законы на основаніи здраваго и притомъ христіанствомъ руководимаго смысла». Даже въ формальной логикѣ, въ ученіи о силлогизмахъ, боялись разумъ предоставить самому себѣ, а поручали его постороннему руководству. Зато въ С.-Петербургскомъ же университетѣ встрѣчается въ видѣ случайнаго исключенія профессоръ богословія, хорошо подготовленный къ преподаванію логики и психологіи. Это—И. Л. Янышевъ, читавшій лекціи въ продолженіе двухъ лѣтъ, начиная съ 1856 г., когда уже былъ отмѣненъ ограниченный комплектъ слушателей и молодежь толпами нахлынула въ университеты. О. Янышевъ нѣсколько разъ долженъ былъ переходить изъ одной аудиторіи въ другую, большихъ размѣровъ, и, кончивъ тѣмъ, что сталъ читать въ актовомъ залѣ. Дѣло въ томъ, что предъ поступленіемъ на кафедру о. Янышевъ пять лѣтъ находился на службѣ, какъ священникъ, при одной изъ дипломатическихъ миссій въ Германіи, и воспользовался своимъ положеніемъ и досугомъ, чтобы усовершенствовать всестороннимъ образомъ свои знанія.

этотъ періодъ идетъ аналогично съ двумя предшествующими, взятыми вмѣстѣ. Но, конечно, теперь весь этотъ процессъ совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде—въ столѣтній промежутокъ отъ 1755 г. до 1855 г. И разумѣется, послѣ переворота, совершеннаго незабвеннымъ Освободителемъ, русская жизнь, въ томъ числѣ и научная, уже никогда не можетъ быть такъ стѣснена и тяжела, какъ это бывало прежде. Но въ остальныхъ отношеніяхъ много сходства между развитіемъ русской философіи въ третьемъ періодѣ и въ двухъ предшествующихъ.

Возобновленное по уставу 1863 г. преподаваніе философіи въ нашихъ университетахъ, прежде чѣмъ оказать замѣтное вліяніе на русское общество, еще должно было сперва организоваться и упрочиться. Поэтому естественно, что, начиная съ 1850 г., довольно долго, даже и послѣ 1863 г., пока новые профессора еще приобрѣтали только вліяніе, философскія воззрѣнія возникали и распространялись въ нашемъ обществѣ какъ бы сами собой, почти независимо отъ воздѣйствія со стороны университетскихъ представителей философіи, вродѣ того, какъ это было и въ Екатерининскія времена. Естественно также, что прежде всего у насъ распространились такія воззрѣнія, которыя не только намъ были наиболѣе по плечу, наиболѣе доступны въ зависимости отъ упадка философскаго мышленія, но еще въ это время распространились и тамъ, откуда мы до той поры заимствовали свою философію и всю свою науку. Въ Германіи же въ 50-хъ годахъ сильно распространился матеріализмъ, сначала среди врачей и натуралистовъ, а вслѣдъ за тѣмъ и въ значительной части нѣмецкаго общества. Нѣмецкіе историки философіи прекрасно объясняютъ этотъ фактъ тѣмъ, что, неудовлетворенные шеллинговской и гегелевской философіей и въ то же время едва успѣвая слѣдить за успѣхами быстро развивающагося естествознанія, врачи и натуралисты захотѣли совершенно обособить его отъ философіи, бросили всякія занятія ею и сосредоточили все свое вниманіе исключительно на внѣшнемъ матеріальномъ мірѣ, такъ

что философское мышленіе пришло среди нихъ въ полный упадокъ. Подъ вліяніемъ же присущей всѣмъ людямъ, а въ особенности нѣмцамъ, наклонности къ метафизикѣ, они все-таки строили себѣ свою собственную метафизику, но безсознательно, не давая себѣ отчета въ ней и даже принимая ее за данныя опыты или же за логически необходимый выводъ изъ этихъ данныхъ. Поэтому они и поддались соблазну судить о *всякой* дѣйствительности на основаніи одной лишь изученной ими ея части, вслѣдствіе чего они приняли внѣшній міръ и его механическіе процессы не только за вполнѣ достовѣрную, но даже за единственную дѣйствительность, а свои вспомогательныя орудія, приноровленныя къ изученію законовъ внѣшнихъ явленій, т.-е. рабочія гипотезы, за точную картину дѣйствительности. Такимъ образомъ главною причиною возникновенія и распространенія матеріализма въ Германіи оказывается упадокъ философскаго мышленія въ кругахъ, заинтересованныхъ естествознаніемъ. А эта самая причина была на-лицо и у насъ, да еще она дѣйствовала съ неизмѣримо большею силой, чѣмъ въ Германіи. Поэтому и у насъ долженъ былъ распространиться матеріализмъ еще сильнѣй и шире. И какъ извѣстно, его исповѣдывали въ Россіи въ 50-хъ и 60-хъ годахъ съ необычайнымъ увлеченіемъ, чисто-догматически и чуть не съ фанатизмомъ, ни на минуту не задумываясь ни надъ какими возраженіями противъ него. Словомъ, произошло явленіе, вполнѣ аналогичное съ распространеніемъ вольтерьянства въ смыслѣ нашихъ предковъ. Конечно, какъ вольтерьянство въ Екатерининскія времена, такъ и матеріализмъ въ 60-хъ годахъ вызвалъ оппозицію, но, какъ и тогда, она тоже не имѣла никакого успѣха. На полемику, которую повели противъ него, кромѣ представителей духовной философіи, Самаринъ, Страховъ, Юркевичъ и др., наши матеріалисты или не обращали никакого вниманія, какъ бы на голоса людей, отсталыхъ отъ своего вѣка, или же отвѣчали на нее лишь грубыми насмѣшками, а иногда даже непристойными выходками, вродѣ личныхъ

инсинуаций, брани и т. п. И если материализмъ въ послѣдствіи исчезъ, то это произошло, какъ и съ вольтерьянствомъ, не въ слѣдствіе полемики противъ него, а какъ бы само собой: сочиненія Страхова, Юркевича и др. стали не только цѣнить, но даже и читать лишь гораздо позднѣе — уже къ концу 80-хъ годовъ.

Послѣ же материализма или же одновременно съ нимъ легко было увлечься и позитивизмомъ, который въ своей первоначальной, контовской формѣ, лишь съ трудомъ отличается отъ материализма. И это увлеченіе было для насъ тѣмъ естественнѣе, что послѣдователи материализма никакъ не подозрѣвали, что они исповѣдуютъ одну изъ метафизическихъ системъ. Напротивъ, они искренно и твердо были убѣждены, будто бы ихъ міровоззрѣніе представляетъ собой наидостовѣрнѣйшій выводъ, „послѣднее слово“, какъ они любили выражаться, *точной науки*. Контъ же всю философію ограничиваетъ лишь систематизаціей общихъ выводовъ точныхъ наукъ. И вотъ, съ половины 60-хъ годовъ къ позитивизму, подъ влияніе котораго въ третьемъ періодѣ подпалъ раньше всѣхъ, повидимому, П. А. Лавровъ *), стали присоединяться и нѣкоторые ярые материалисты, какъ, на примѣръ, Д. И. Писаревъ, который сначала выступалъ рѣшительнымъ материалистомъ, а съ 1865 г. явно перешелъ на сторону позитивизма. Начало же 70-хъ годовъ отличается у насъ главенствующимъ господствомъ контовскихъ идей.

Конечно, Контъ играетъ важную роль въ общемъ ходѣ умственного развитія XIX вѣка. Для насъ же, русскихъ, онъ еще особеннѣе важенъ тѣмъ, что подъ его влияніемъ у насъ укрѣпился интересъ къ социологіи, въ которой русскіе ученые быстро заняли видное мѣсто, образовали даже особую самостоятельную школу, отличающуюся употребленіемъ такъ называемаго субъективнаго метода. Поэтому

*) Первымъ у насъ заговорилъ о контовскомъ позитивизмѣ и подчинился ему еще въ 1847 г., въ „Отечественныхъ Запискахъ“, экомомистъ В. Милютинъ. Но, разумѣется, рѣчь о немъ должна была въ концѣ 40-хъ годовъ замолкнуть.

нельзя не относиться съ уваженіемъ къ Конту. Но при отрицаніи имъ самонаблюденія, при полномъ отсутствіи у него мало-мальски разработанной теоріи познанія, при неизбѣжно вытекающемъ отсюда чисто догматическомъ отношеніи къ исторически установившимся принципамъ точныхъ наукъ и при его ограниченіи состава философіи одной лишь систематизаціей ихъ общихъ выводовъ, господство Конта неизбѣжно должно было содѣйствовать у насъ упадку не только философскаго мышленія, но даже и интереса къ философіи, тѣмъ болѣе, что представители другихъ направленій дискредитировали себя своей неудачной борьбой съ матеріализмомъ. И вотъ какъ въ 1872 г. пришлось Кавелину, хотя и самъ онъ былъ до извѣстной степени подъ вліяніемъ позитивизма, характеризовать положеніе современной ему философіи: „Что мы видимъ въ наше время? Философія въ полномъ упадкѣ. Ею пренебрегаютъ, надъ ней глумятся. Она рѣшительно никому не нужна... Всего хуже то, что мы теперь видимъ не борьбу противъ той или другой философской доктрины, а совершенное равнодушіе къ самой философіи... Философія до сихъ поръ не опровергнута въ своихъ началахъ, а просто отброшена, какъ ненужная вещь. Упадокъ ея не есть научный выводъ, а признакъ глубокой перемѣны въ направленіи и строѣ мыслей. Въ такой же опалѣ, какъ философія, находится и единственное ея орудіе—умозрѣніе. Мы систематически пренебрегаемъ умозрѣніемъ, питаемъ къ нему полное недовѣріе. Умозрѣніе въ наши дни чуть-чуть не бранное слово. Чтобы лишить какой нибудь выводъ всякаго довѣрія, возбудить противъ него всевозможныя предубѣжденія, стоитъ только назвать его умозрительнымъ,—и дѣло сдѣлано, цѣль достигнута.“ *)

Что же, въ виду такого упадка философскаго мышленія были ли приняты въ нашихъ университетахъ какія-либо особыя мѣры относительно философіи, чтобы пробудить

*) „Задачи психологіи“. К. Кавелина. Спб. 1872, стр. 3.

интересъ къ ней, поднять ея значеніе и вообще насадить ее у насъ? Напротивъ: хотя уже нельзя сказать, чтобы съ 1863 г. философія подвергалась у насъ когда-либо прямому гоненію, но къ ней относились съ такимъ равнодушіемъ, а иногда даже съ такимъ пренебреженіемъ, которое только-что не переходило въ гоненіе. Достаточно вспомнить, какія программы дѣйствовали въ нашихъ университетахъ въ продолженіе пяти лѣтъ вслѣдъ за введеніемъ устава 1884 г. По этимъ программамъ преподаванію философіи посвящалось во все время университетскаго курса всего лишь двѣ недѣльныхъ лекціи въ продолженіе одного лишь года, и ограничивалось оно *только* историко-философскими комментаріями при переводахъ отрывковъ изъ Платона и Аристотеля. Больше ничего: ни логики, ни психологіи, ни исторіи философіи за предѣлами этихъ комментаріевъ. Правда, профессору предоставлялось право читать для желающихъ въ часы, свободные у нихъ отъ другихъ занятій, какіе угодно курсы, чѣмъ и отличалось это положеніе дѣль отъ прямого изгнанія философіи изъ университетовъ. Но свободнаго-то для философіи времени не могло быть у студентовъ: вѣдь историко-филологическіе факультеты были обращены этими программами какъ бы въ спеціальныя школы древнихъ языковъ, и у каждаго студента было въ недѣлю не менѣе 14 обязательныхъ лекцій по древнимъ языкамъ, кромѣ столь же обязательнаго домашняго чтенія древнихъ авторовъ *).

Казалось бы, что жалобы Кавелина должны быть умѣстны и теперь настолько же, и даже еще больше, чѣмъ въ 1872 г. А что же мы видимъ теперь? Картину, во всѣхъ отношеніяхъ противоположную 60-мъ и 70-мъ годамъ. Въ самомъ дѣлѣ, матеріализмъ въ настоящее время окончательно исчезъ. Даже тѣ, кто еще склоняется къ нему, хотя въ видѣть въ немъ не систему міросозерцанія, не

*) Такимъ образомъ въ продолженіе пяти лѣтъ наши университеты выпускали педагоговъ, незнакомленныхъ даже и съ столь необходимыми для нихъ логикой и психологіей, не только что съ исторіей философіи.

окончательный выводъ точной науки, а всего только методъ или рабочую гипотезу, которая можетъ имѣть, какъ и всѣ вспомогательныя орудія, только временное значеніе. Исчезъ и позитивизмъ въ своей первоначальной контовской формѣ, замѣнившись болѣе глубокими сродными съ нимъ направленіями — эволюціонной теоріей и такъ называемой научной философіей. Сильнѣе же всего, какъ и во второй періодъ, у насъ теперь распространены идеалистическія или спиритуалистическія воззрѣнія, съ той лишь разницей, что не какое-нибудь одно, а вродѣ того, какъ это было въ началѣ второго періода, довольно разнообразныя. А до какой степени они преобладаютъ надъ другими теченіями, лучше всего видно изъ того, что „Вопросы Философіи и Психологіи“ безпристрастно открываютъ свои страницы одинаково всѣмъ направленіямъ, а между тѣмъ въ нихъ печатается подавляющее большинство статей спиритуалистическихъ направленій. Преобладаніе спиритуалистическихъ и идеалистическихъ теченій въ современномъ русскомъ обществѣ стала отмѣчать уже и беллетристика. Что же касается до распространенія сильнаго интереса къ философіи, то нужно ли напоминать о возникновеніи и огромномъ успѣхѣ Московскаго Психологическаго Общества, которое по своей программѣ и общему характеру своей дѣятельности должно бы и называться философскимъ, объ успѣхѣ издаваемого имъ спеціально философскаго журнала, о сильномъ увеличеніи числа философскихъ статей въ общихъ и въ богословскихъ журналахъ, о наступающемъ, если уже не прямо наступившемъ, прекращеніи прежняго разрыва естествознанія съ философіей, наконецъ, объ участіи,—конечно, на первыхъ порахъ еще очень скромномъ,—женщинъ въ развитіи русской философской литературы? *) Да развѣ наряду съ успѣшнымъ развитіемъ Московскаго Психологическаго Общества, которое, повторяю, могло бы и должно

*) Въдѣ, переводъ Аристотеля съ греческаго подлинника и хорошихъ сочиненій по исторіи философій и психологіи составляетъ немаловажный вкладъ и въ болѣе богатую литературу, чѣмъ русская.

бы называться прямо Философскимъ Обществомъ, объ огромномъ усиленіи интереса къ философіи не свидѣтельствуешь еще и тотъ фактъ, что какъ только возникла мысль объ учрежденіи Философскаго Общества въ С.-Петербургѣ, такъ тотчасъ же съ величайшимъ сочувствіемъ отозвались на нее со всѣхъ сторонъ? Вѣдь врядъ ли можно назвать хоть какой-нибудь родъ умственной дѣятельности, который не выставилъ бы своихъ представителей въ числѣ однихъ лишь учредителей этого общества, причемъ ихъ общее число доходитъ до семидесяти *). Развѣ все это не дѣлаетъ наше время, начиная приблизительно съ половины 80-хъ годовъ, на примѣръ, съ возникновенія Московскаго Психологическаго Общества (вѣдь это явный симптомъ сильнаго оживленія интереса къ философіи), очень похожимъ на второй періодъ нашей философіи? Такая же какъ бы сама собой происшедшая замѣна сенсуализма и матеріализма направленіями противоположнаго характера и такое же сильное и широкое, охватывающее всѣ роды умственной дѣятельности, распространеніе интереса къ философіи.

Даже и въ тѣхъ путяхъ, которыми въ настоящее время развивается и распространяется философія, есть много сходства со вторымъ періодомъ. Обратимъ прежде всего вниманіе на далеко не случайное совпаденіе. Александръ I сначала въ 1804 г. обновилъ университетскую жизнь, давъ ей новый уставъ и учредивъ еще два новыхъ университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввелъ преподаваніе свѣтской философіи даже и въ гимназіяхъ, а послѣ того долженъ былъ преобразовать и духовныя академіи, создавъ этимъ путемъ у насъ духовную философію. Александръ же II тоже сначала обновилъ дѣятельность университетовъ, введя уставъ 1863 г.,

*) Тамъ находятся представители высшаго преподаванія философіи, богословія, математики, всѣхъ отдѣловъ естествознанія (физики, химіи, біологіи), исторіи, литературы, языкованія, теоріи и исторіи искусствъ, военныхъ наукъ, врачи, журналисты и т. д. А теперь, черезъ три мѣсяца послѣ открытія Общества, когда новые члены принимаются уже съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ формальностей, предписанныхъ уставомъ и требующихъ двухъ засѣданій общее число членовъ перешло за 130.

вмѣстѣ съ которымъ возстановилъ въ нихъ и преподаваніе философіи, а вслѣдъ затѣмъ въ 1868 г. тоже реформировалъ духовныя академіи по плану, во многомъ напоминающему университетскій уставъ 1863 г., вслѣдствіе чего духовная философія быстро поднялась до небывалой высоты и уже стала оказывать свое вліяніе даже и за предѣлами духовенства. Далѣе, что такое московскіе кружки поклонниковъ философіи, возникшіе, начиная съ 20-хъ годовъ, подъ вліяніемъ университетской жизни и постоянно поддерживавшіе свою связь съ ней, какъ не тѣ же устраиваемыя при университетахъ философскія общества, только неофіціальныя, неорганизованныя, поэтому малолюдныя и не имѣющія столь широкой сферы дѣйствія и вліянія, какою уже обладаетъ Московское Психологическое Общество и какая открывается теперь предъ С.-Петербургскимъ Философскимъ Обществомъ? Къ тому же самый первый изъ подобныхъ кружковъ даже и назывался Обществомъ Любоумрія.

Словомъ, все убѣждаетъ насъ не только въ томъ, что въ третій періодъ развитіе русской философіи идетъ вполне аналогично съ двумя первыми, но и въ томъ, что настоящая минута періода вторичнаго развитія русской философіи вполне соответствуетъ приблизительно срединѣ ея второго періода, напримѣръ, началу 30-хъ годовъ. И если въ этотъ второй періодъ русская философія, развиваясь при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, среди прямыхъ гоненій на нее, все-таки могла дать такіе богатые результаты, какъ же не быть твердо увѣреннымъ, что довольно скоро, можетъ быть, уже въ томъ самомъ поколѣніи, которое готовится теперь выступить на сцѣну намъ и которое многолюдной тѣсной толпой собралось привѣтствовать открытіе въ Петербургѣ Философскаго Общества, русская философія воспитаетъ дѣятелей, имѣющихъ для жизни Россіи значеніе не меньшее, чѣмъ славянофилы съ западниками, а для философіи всего міра такое же, какъ и Лобачевскій?

Александръ Введенскій.